

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 5 2023

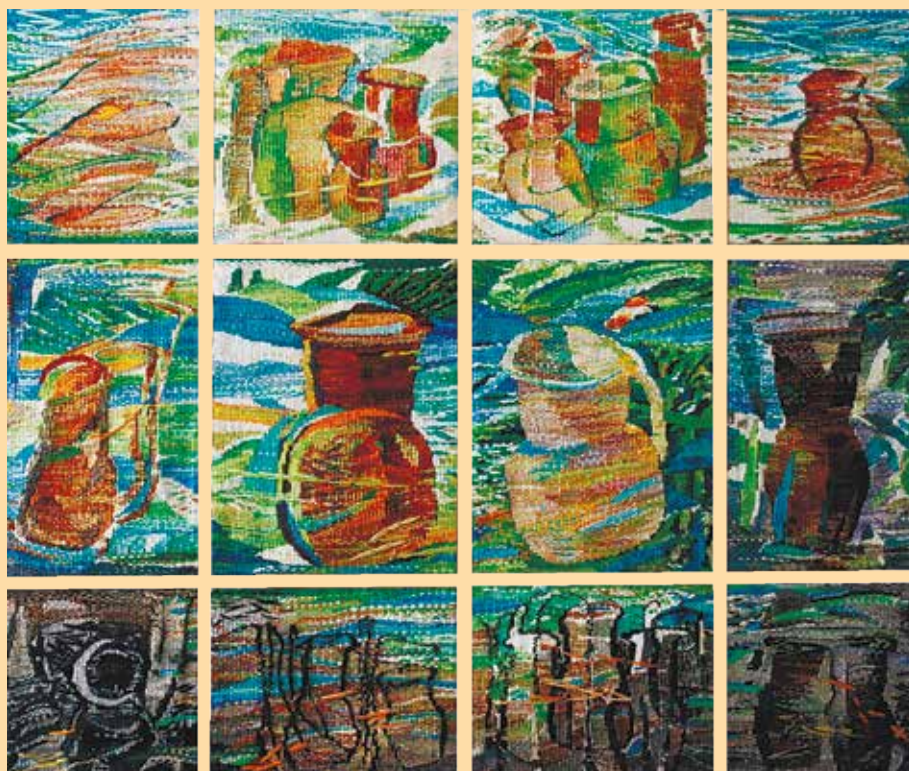
Литературно-художественный журнал

16+

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА НАТАЛЬИ НИКИФОРОВОЙ

«Ветер. Травы». Гобелен

«Песнь». Полиптих. Гобелен

«Все мы нуждаемся в искусстве...»

Беседа Надежды Шитовой с Натальей Никифоровой стр.172

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 5 2023

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов
Союза писателей России (Москва)
С.А. Хомутов – член Союза писателей России (Рыбинск)

САРАТОВ
2023

№ 5 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Евгений ЭРАСТОВ. Скоро осень придёт золотая	3
СТАТЬИ	
Андрей РУМЯНЦЕВ. «Противиться злу...»	8
ОТРАЖЕНИЯ	
Дмитрий ЕРМАКОВ. Лисий лес	22
ПОЭТОГРАД	
Александр РАЕВСКИЙ. Дерево вечности	34
ОТРАЖЕНИЯ	
Алексей ВАСИЛЕНКО. Два рассказа	40
ПОЭТОГРАД	
Василий КИЛЯКОВ. Смиренье, любовь и печаль...	46
ОТРАЖЕНИЯ	
Ирина САБЕННИКОВА. Так оно было	50
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Владимир ГУСЕВ. Великая Утрата (Окончание)	60
ПОЭТОГРАД	
Иван ЩИТОВ. В моей большой и маленькой Вселенной...	94
ОТРАЖЕНИЯ	
Виктор ДУШНЕВ. По Задонскому тракту	99
ПОЭТОГРАД	
Анна КОРЖАВИНА. Нежность, плачущая внутри	110
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Владимир ЯНУШЕВСКИЙ. «А над кошкой мышка живёт...»	115
ПОЭТОГРАД	
Дмитрий РОДИОНОВ. Не глядя на авторитеты...	133
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Вячеслав АРХАНГЕЛЬСКИЙ. Две зарисовки	136
ПОЭТОГРАД	
Елена ПОНОМАРЁВА. Бог простит	146
КАМЕРА АБСУРДА	
Дмитрий ВОРОНИН. Эйнштейн	149
ЮБИЛЕЙ	
Виктор КРЕСТОВ. «Когда Сметанников поёт, я вижу Родину, Россию...»	155
«Я бы не хотела, чтобы мир менялся к худшему...» Беседа Сергея Заруцкого с Анной Морковиной.	168
«Все мы нуждаемся в искусстве...» Беседа Надежды Шитовой с Натальей Никифоровой.	172
СТАТЬИ	
Александр ДЕМЧЕНКО. Ещё одна вершина	176
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР	
Олег ДМИТРИЕВ. О времени и о себе. Новые книги саратовских писателей	185

**Евгений
ЭРАСТОВ**

СКОРО ОСЕНЬ ПРИДЁТ ЗОЛОТАЯ

***

Запах тёплых степей волгоградских –
Половецких, сарматских степей,
Силуэты палаток рыбацких,
Белый донник, татарник, репей.

У коричневой старой запруды,
Словно свечки, грустят камыши.
Что ни отмель – то новое чудо,
Что ни берег – бальзам для души.

Удивляться никак не устану
Низкорослым ветрам продувным.
Если правда, что прахом я стану –
Стать хотел бы я прахом степным.

И тогда – маргинал, беззаконник,
Потерявший и зренье, и слух,
Буду с вами, татарник и донник,
Сизый клевер, пушистый лопух!

***

Свет проходит сквозь кожу опечаленных век.
До чего же тревожен ты, чужак-человек!

Как привык ты цепляться за поруганный свет!
И с улыбкой паяца тихо сходишь на нет.

-
- Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году в городе Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Юрия Кузнецова). Доктор медицинских наук. Автор шести поэтических и четырёх прозаических книг, многочисленных публикаций в «толстых» журналах, зарубежной периодике. Произведения переведились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014) и многих других. Победитель международных поэтических конкурсов «Рождественская звезда» (2011), «Цветавская осень» (2011), имени Сильвы Капутиакян (2013). Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

В мире волчьего сыска и бездонной пурги
Смерть страшной василиска и беззубой Яги.

Это девушка в белом, мир слепых тубероз,
Это иней несмелый, субдуральный наркоз,

Исключительно долгий – навсегда, навсегда.
...Словно вечер на Волге, где тускнеет вода.

***

Несмотря на боль и скрежет,
Словно острые ножи,
Небо пепельное режут
Черноглазые стрижи.

Пискнет мышка в узкой норке,
На болоте свистнет рак.
Грянет гром – на скользкой горке
Упадёт в траву дурак.

В огороде молодуху
Испугает этот гром.
Перекрестится старуха
Над пустым своим ведром.

В ожидании парома
Я на пристани стою.
Может, там я буду дома?
Что я вспомню в том краю?

Что я вспомню – счастье, горе?
Взмах чеченского ножа?
Дурака на косогоре?
Хвост раздвоенный стрижа?

***

Мне такая приснилась картина:
Дождь картавый, парижский бульвар,
Обветшалых годов паутина,
Ходасевич, Берберова Нина,
Эмигрантский столикий кошмар.

Большевицкие пули со свистом
Прерывают обугленный стих.
Брось поэзию, стань журналистом,
Нигилистом, дружок, пофигистом,
Мой кастрюлю одну на двоих.

И суши свои простыни рядом
С простынями парижских бродяг,
Пей абсент под сквозным листопадом
За Поэзию, мать твою так...

Крошки стряхивай с ветхих матрасов,
Но не смей ни кривиться, ни ныть!
Ведь сказал же однажды Некрасов,
Что поэтом ты можешь не быть.

Сиплый ветер задует мне в спину,
Вспомню дождь и соборных химер,
Владислава я встречу и Нину
На бульваре des Filles-du-Calvaire.

Расскажу, как жестки и суровы
Стали люди от бед и труда.
За высокое русское слово
Предложу я им выпить тогда.

За издания «Гиперборея»,
Царскосельских пугливых бельчат,
За детей, что растут всё быстрее,
Тех, которые ямб от хорей
Через тысячу лет отличат.

***

Как мучнистый седой мотылёк
Над увядшим паслёном порхает,
Так и жизни дарованный срок
Растворяется, тает и тает.

Да и стоит ли вечно порхать
Над поруганным русским болотом?
Уж не лучше ли в небе летать
Величавым ковром-самолётом?

В сонной речке резвится малёк,
В чистом поле цветёт василёк,
Пыль стоит на дорогах Отчизны.
Но мучнистый, седой мотылёк
Что-то важное знает о жизни.

Знает то, что не знает другой,
В узколобой ночи дорогой
Заскорузлые башли считая.
И безбожно чернеет паслён,
И желтеет раскидистый клён.
...Скоро осень придёт золотая.

***

Нет, вечной не надо – устанешь смотреть
На Божьего мира дары и щедроты,
На белые лилии – те, что на треть
Заполнили нынче родное болото.

От плюшевых мишек родного угла
До веток слепой, слабогрудой китайки –
Скажу без утайки: ты яркой была,
Была вдохновенной – скажу без утайки.

Мы видели сполохи первой грозы,
Москву мы видали, видали Париж мы,
Мы видели крылья стальной стрекозы,
Застывшей на жёлтых лепёшечках пижмы.

И вишню видали, что зреет в тиши,
Видали на круче терновник колючий,
Слышали, как тихо шуршат камыши,
Совсем не страшась пустоты неминучей.

Теперь мы уже на другом вираже
И заспанной мухи не в силах обидеть,
Но всё же так грустно, что скоро уже
Терновник разросшийся нам не увидеть.

А там – пустота, нескончаемый мрак,
Пора разложения, гниения эпоха.
...А может быть, всё это вовсе не так?
Быть может, и вечная – тоже неплохо?

***

Он покинуть совсем не жалел
Ни закат, что так долго алел,
Ни тебя, обветшала пашня.
Уходить в безъязыкую тьму
Так, без друга, совсем одному,
Было вовсе не больно, не страшно.

И жену он покинуть был рад,
И любовницу Любу, и сад
С огородом, и сельские дали.
Даже книги – и те потерять
Не боялся. Ему ль не понять:
В многих знаниях – много печали.

Раньше, позже ли – что за беда!
Снегом был, а сегодня – вода.
Жизнь – комедия, грязная драма.

Но однажды он вспомнил о том,
Как мальчишкой играл в бадминтон,
Как купила волан ему мама.

И заплакал он, словно дитя,
Вспоминая, как жил он шутя,
Наплевав на судьбу-профурсетку,
В захудалом советском раю.
Вспомнил школу и маму свою,
Долгожданный волан и ракетку.

Там гусиные пёрышки в ряд
О свободе своей говорят,
Неразгаданной тайне полёта.
Есть ли в мире Божественный План?
Без сомненья – ракетка, волан.
В этом есть запредельное что-то.

Боже, как он был счастлив тогда!
Из фонтанчиков била вода,
Тело небо в лиловыхakraпах.
Не пятёркой в его дневнике,
Не синицей в озябшей руке –
Счастье было – резиновый запах.

***

Сосняк и пружинист, и колок,
И строен, что твой звукоряд.
И столько прилипло иголок
К коричневым шляпкам маслят!

И столько листочков прилипло
Ольховых, что просто беда!
Кукушка устало и сипло
Считает в чащобе года.

Родное моё бездорожье!
Залётных стрекозок слюда!
Однажды пред Ангелом Божьим
Предстану, и скажет тогда

Мне Ангел, что в век озверевший
Барыг и безумных вождей
Не грех, что сосняк побуревший
Я больше любил, чем людей.

Поэтому с чувством ребёнка
Я вижу сплетенье корней
И трогаю шляпку маслёнка,
Сухие иголки на ней.

**Андрей
РУМЯНЦЕВ**

«ПРОТИВИТЬСЯ ЗЛУ...»

Когда-то Лев Николаевич Толстой сказал М. Горькому: «Вы хорошо рассказываете – своими словами, крепко, не книжно». Яснополянский мудрец, слушавший на своём веку десятки умных, талантливых, начитанных людей, цепко выделил в речи молодого писателя главное, характерное. Когда читаешь рассказы Горького конца девятнадцатого–начала двадцатого веков, то ощущаешь даже на фоне творений великих классиков не только свежесть языка и интонации. Иные пласты жизни, иные герои, иное дыхание времени – всё необычно у автора повествований «Коновалов», «Супруги Орловы», «Трое», «Двадцать шесть и одна».

Это своеобразие художественного письма М. Горького резко бросается в глаза и при знакомстве с его драматургией. Уже первая пьеса писателя, «Мещане», рядом с драмами и комедиями А. Островского, А. Сухово-Кобылина и А. Чехова открывается как особый материк, принадлежащий именно Горькому. Он увидел в жизни то, что не замечалось другими авторами, – в отмирающем и нарождающемся, цепляющемся всеми силами за родную почву и новом, только всходящем из неё, в терпящем поражение и побеждающем в схватке за будущее.

О пьесах Горького, как и о его прозе, много спорили. О «Мещанах», например, толки были самые противоречивые. А. Чехов считал, что автор «первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве и заговорил именно в то время, когда общество было подготовлено к протесту». А. Андреев, наоборот, утверждал, что старик Бессеменов и его жена Акулина Ивановна – это представители давнего и уже отживающего мещанства; они, собственно, не новые герои нашей литературы и уже не опасные для будущей жизни.

-
- Андрей Григорьевич Румянцев – поэт, журналист, переводчик, общественный деятель, заслуженный работник культуры Бурятии, Народный поэт Бурятии, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор более тридцати книг. Его произведения публиковались во Франции, Болгарии, Эстонии, Китае, Канаде, Монголии, Казахстане. За плодотворную творческую деятельность удостоен многих литературных премий: Комитета по культуре Иркутской области (1996), Губернаторской премии Иркутской области (2004), Международной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами!» (2017), премий журналов «Наш современник» (2010 и 2013) и «Сибирь» (2005). Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. Твардовского «За далью – даль» (2015) и Международного фестиваля «Золотой Витязь» (2016, 2018) и др. Является действительным членом Петровской академии наук и искусств. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. С 2004 года является членом Высшего творческого совета Союза писателей России. Живёт в Москве.

Опасней последыши – их дети Пётр и Татьяна. Что же касается того нового, что увидел в русском быте Горький, так это, по мнению Андреева, молодые люди, появившиеся в вековых недрах мещанства, и, прежде всего, Нил, машинист на железной дороге, воспитанник Бессеменова. «Пусть носители иного, свободного начала жизни ещё не в силах победить мещанство, – писал Андреев, – они во всяком случае добились уже многого: они сумели отравить ему существование». Критик Н. Михайловский утверждал, что и Нил – герой вовсе не новый на сцене, и мещанство, как его представляет Горький, дано неотчётливо. О. Книппер, актриса Московского художественного театра, где впервые была поставлена пьеса, в письме к Чехову высказала тот же взгляд на главного персонажа «Мещан»: Нил – «самый обыкновенный рабочий, каких тысячи на Западе», он если и стремится к свободе, «то к свободе в буржуазном смысле». Мы не приводим других мнений – от весьма субъективных до парадоксальных, вроде того, что мещанская семья Бессеменова – из тех же замоскворецких семей, что были выведены в пьесах Островского, а Нил – это «душой и стремлениями мещанин».

Сегодня, век спустя, пьеса Горького привлекает страстью, с которой отвергаются мещанский уклад, мещанское счастье, мещанская духовная затхлость; неукротимым порывом к иной жизни – распаханной, освежающей душу, преображающей мир, где так не хватает света. Ведь это же почти чудо, что в нынешней России опять, как некое откровение, звучат слова Нила, так близкие нам:

«Нил. Нет, Петруха, нет! Жить, – даже и не будучи влюбленным, – славно занятие! Ездить на скверных паровозах осенними ночами, под дождём и ветром... или зимою... в метель, когда вокруг тебя – нет пространства, всё на земле закрыто тьмой, завалено снегом, – утомительно ездить в такую пору, трудно... опасно, если хочешь! – и всё же в этом есть своя прелесть! Всё-таки есть! В одном не вижу ничего приятного – в том, что мною и другими честными людьми командуют свиньи, дураки, воры... Но жизнь – не вся за ними! Они пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле. Нет такого расписания движения, которое бы не изменялось!..»

Пётр. Не раз я слышал эти речи. Посмотрим, как тебе ответит жизнь на них!

Нил. Я заставлю её ответить так, как захочу. Ты не страшай меня! Я ближе и лучше тебя знаю, что жизнь – тяжела, что порою она омерзительно жестока, что разнузданная грубая сила жмёт и давит человека, я знаю это, – и это мне не нравится, возмущает меня! Я этого порядка – не хочу! Я знаю, что жизнь – дело серьёзное, но неустроенное... что она потребует для своего устройства все силы и способности мои. Я знаю и то, что я – не богатырь, а просто – честный, здоровый человек, и всё-таки говорю: ничего! Наша возьмёт! И я на все средства души моей удолетворю моё желание вмешаться в самую гущу жизни... месить её и так и эдак... тому – помешать, этому – помочь... вот в чём радость жизни!»

Кажется удивительным, как по-разному, с разных сторон смотрели на свою эпоху, на людей этой эпохи великие писатели, создавшие произведения в одни и те же годы. Чеховские «три сестры» в начале двадцатого века мечтают вернуться из провинциального города в Москву, где, как им кажется, их ждёт настоящая жизнь; там они раскроют свои способности, будут полезны людям. И этих милых, честных, интеллигентных людей понимаешь: если здесь, в провинции, их ежедневная работа, благородные помыслы уходят в песок, то должны же в большом культурном городе най-

тись их единомышленники, соратники, и должны же их совместные усилия изменить монотонную, серую, недостойную человека русскую жизнь? Чехов и сам был из числа таких деятелей. Странно было бы ему и его героям уповать на революцию, социальные потрясения в своём стремлении перестроить на разумных началах отечественное бытие.

Не таков Горький и его герои. Писатель из низов, Алексей Максимович увидел в окружающем мире других соотечественников, тоже недовольных средой, социальными порядками, всем устройством жизни в родных пена-тах. Они – из рабочего люда. Эти решительней, нетерпеливей, безжалостней к рутине быта. Однако и их можно понять: они больше страдают от несправедливости, они придавленной, забитей, и если лучшие, талантливые из них воспрянули, подняли головы, обрели надежду и решимость изменить жизнь, то кто бросит в них камень? Такие, как Нил, заставляли бродить молодые умы. В разговоре с Татьяной, дочерью Бессеменова, Нил определил разницу между мещанскими отпрысками и детьми своего решительного сословия:

«...Я жить люблю, люблю шум, работу, весёлых, простых людей! А вы разве живёте? Так как-то слоняетесь около жизни и по неизвестной причине стонете да жалуетесь... на кого, почему, для чего? Непонятно.

Татьяна. *Ты не понимаешь?*

Нил. *То-то нет! Когда человеку лежать на одном боку неудобно – он перевертывается на другой, а когда ему жить неудобно – он только жалует-ся... А ты сделай усилие – перевернись!».*

Разумеется, «перевернуть» жизнь трудней и болезненней, чем перевернуться человеку на другой бок. Но, читая упомянутую пьесу А. Чехова и «Мещан» М. Горького, современник писателей (если он тоже чувствовал ущербность жизни) мог подумать: а почему бы героям-интеллигентам одного автора не соединить усилия с героями-пролетариями другого, чтобы изменить Россию? Они бы пришли к согласию, потому что горьковские Нилы напоминали мастеровитого строителя нового дома, а чеховские «три сестры» – устроительницу разумного быта в нём.

***

Думаю, читатель заметит ту черту русской классики, которая привлекает и в пьесах Горького. Писатель внимателен к каждому герою, симпатичен персонаж или нет, он хочет понять его мысли, его отношение к жизни, мотивы его поведения. И в этом душевном, по-человечески родственном внимании есть особый нравственный смысл. Автор хочет, чтобы мы возмутились жестокостью героя, погоревали над его заблуждениями или ошибками, простили его невольные срывы, оценили добрые побуждения. О закоренелом, кондовом мещанине Василии Васильевиче Бессеменове и его верной, сердобольной супруге Акулине Ивановне осуждающе и зло говорят только воспитанник Нил, приживальщики Перчихин да Тетерев. Сам же автор даёт возможность и главе семьи, и его жене высказать свою оценку прожитого, свою правду.

Бессеменов объясняется с детьми – сыном Петром, мечтающем восстановиться в университете, и дочерью Татьяной, учительницей, не видящей смысла в монотонной жизни:

«Бессеменов. *Н-да... Учиться... Учись! Но ты не учишься... а фордыбачишь. Ты вот научился презрению ко всему живущему, а размера в действиях не приобрёл. Из университета тебя выгнали. Ты думаешь – неправильно? Ошибаешься. Студент есть ученик, а не... распорядитель в жизни.*

Ежели всякий парень в двадцать лет уставщиком порядков захочет быть... тогда всё должно прийти в замешательство... и деловому человеку на земле места не будет. Ты научись, будь мастером в твоём деле и тогда – рассуждай... А до той поры всякий на твои рассуждения имеет полное право сказать – цыц! Я говорю это тебе не со зла, а по душе... как ты есть мой сын, кровь моя, и всё такое. Нику я ничего не говорю... хоть много положил труда на него, хоть он и приёмный мой... но всё ж он – чужая кровь. И чем дальше – тем больше он мне чужой. Я вижу – будет он прохвостом... актёром будет или ещё чем-нибудь в таком духе... Может, даже социалистом будет... Ну – туда ему и дорога!

Акулина Ивановна (выглядывая из двери, жалобным и робким голосом). Отец! не пора ли обедать?

Бессеменов (строго). Пошла ты! Не суйся, когда не надо... (Акулина Ивановна скрывается за дверь. Татьяна укоризненно смотрит на отца, встает со стула и снова бродит по комнате.) Видели? Мать ваша ни минуты покоя не знает, оберегая вас... всё боится, как бы я не обидел... Я не хочу никого обижать... Я сам обижен вами, горько обижен!.. В доме моём я хожу осторожно, ровно на полу везде битое стекло насыпано... Ко мне и гости, старые приятели, перестали ходить: у тебя, говорят, дети образованные, а мы – народ простой, ещё насмеются они над нами! И вы не однажды смеялись над ними, а я со стыда горел за вас. Все приятели бросили меня, точно образованные дети – чума. А вы никакого внимания на отца своего не обращаете... никогда не поговорите с ним ласково, никогда не скажете – какими думами заняты, что делать будете? Я вам – как чужой... А ведь я люблю вас!.. Люблю! Понимаете вы, что значит – любовь? Тебя вот выгнали – мне это больно. Татьяна зря в девках сохнет, мне это обидно... и даже конфузно перед людьми. Чем Татьяна хуже многих прочих, которые выходят замуж и... всё такое? Мне хочется видеть тебя, Пётр, человеком, а не студентом... Вон Филиппа Назарова сын – кончил учиться, женился, взял с приданым, две тыщи в год получает... в члены управы попадёт...

Татьяна. Отец!.. Когда вы говорите – я чувствую – вы правы! Да, вы правы, знаю! Поверьте, я... очень это чувствую! Но ваша правда – чужая нам... мне и ему... понимаете? У нас уже своя... вы не сердитесь, пожалуйста! Две правды, папаша...

Бессеменов (вскакивая). Врёшь! Одна правда! Моя правда! Какая ваша правда? Где она? Покажи!

Пётр. Отец, не кричи! Я тоже скажу... Ну да, ты прав... Но твоя правда узка нам... мы выросли из неё, как вырастают из платья. Нам тесно, нас давит это... То, чем ты жил, твой порядок жизни, он уже не годится для нас...

Бессеменов. Ну, да! Вы... вы! Как же... вы образовались... а я дурак! А вы... Ты на моих глазах шагни с постоялкой заводись... Ты всегда надута... а я... а мы с матерью жмёмся в углу...

Акулина Ивановна (врываясь в комнату, жалобно кричит). Голубчики! Да я ведь... родной ты мой! Разве я говорю что? Да я и в углу!.. и в углу, в хлеву! Только не ругайтесь вы! Не грызите друг друга... милые!

Бессеменов (одной рукой привлекая её, а другой отталкивая). Пошла прочь, старуха! Не нужна ты им. Оба мы не нужны! Они – умные!.. Мы – чужие для них...

Пётр (бледный, с отчаянием). Пойми, отец... ведь глупо это! Глупо! Вдруг, ни с того ни с сего...

Бессеменов. *Вдруг? Врёшь! Не вдруг... годами нарывало у меня в сердце!..*

Акулина Ивановна. *Петя, уступи! Не спорь!.. Таня... пожалейте отца!*

Бессеменов. *Глупо? Дурак ты! Страшно... а не глупо! Вдруг... жили отец и дети... вдруг – две правды... Зверь вы!*

Татьяна. *Пётр, уйди! Успокойся, отец... ну, прошу...*

Бессеменов. *Безжалостные! стеснили нас... Чем гордитесь? Что сделали? А мы – жили! Работали... строили дома... для вас... грешили... может быть, много грешили – для вас!».*

Это подлинная трагедия. Не та «проблема отцов и детей», которая в нашей критике второй половины XX века обрела какое-то мелкотравчатое содержание. Это трагедия, рождённая поступательным движением самой жизни, трагедия вечная, непреходящая, когда духовные и житейские ценности одного поколения меньше привлекают другое, следующее за ним, когда обновляется не только быт, но и, кажется, сама душа человека, его чаяния и устремления.

Сам Горький в пояснении к пьесе «Мещане» писал о Бессеменове: «Жил чёрт знает сколько времени, работал не покладая рук, мошенничал... и – вдруг видит, что всё это зря!.. Не для кого... И жизнь начинает его страшить своим смыслом, которого он не понимает...»

Эта краткая запись, пожалуй, не исчерпывает всей характеристики героя. Здесь, по-моему, тот случай, когда читатель и зритель могут сказать больше, чем пунктирно наметил автор в своём комментарии. В пьесе Бессеменов богаче, полнокровней, чем очерчен в авторском пояснении: «работал не покладая рук, мошенничал...» Возможно, что мошенничал, хотя ни сам он, ни окружающие ни разу об этом не упоминали. Зато доподлинно известно, что старик вырастил чужого мальчика Нила, кормил со своего стола нахлебников Тетерева и Шишкина, пригревал дальнего родственника Перчихина и его дочь Полю. При всей грубости и домашнем деспотизме Бессеменов сделал людям немало доброго. Не надо забывать и того, что из таких мещанских семей в России сплошь да рядом выходили достойные и даже великие сыны отечества – духовно здоровые и благодарные Василиям Васильевичам.

Мы не притупляем остроту горьковской пьесы, мы обращаем внимание на глубину и сложность жизни, которую обнажил писатель.

Свежесть взгляда, ошеломляющая новизна материала, взятого для художественного осмысления, ждут нас и в следующей пьесе М. Горького – «На дне». Автор решился на редкое в литературе дело – посвятить сценическое произведение обитателям «дна», убогой ночлежки в безымянном городе. На подмостки театра вышли люди опустившиеся, отвергнутые жизнью, совершенно не интересные по мнению обывателя. Но под пером драматурга оказалось, что это – россыпь оригинальных характеров, поучительных и важных для постижения человеческой души судеб. Философ из народа, битый жизнью Сатин, умный, наблюдательный Барон, физически и нравственно сильный Васька Пепел, грубый, исхлётанный судьбой, мрачный Андрей Клещ, униженная, уставшая от тяжкого существования Анна, бесподобный странник, всех утешающий Лука, светлая, добрая девушка Наташа, опустившаяся и живущая миражами Настя, возвышенная душа, мечтатель Актёр – какое разнообразие лиц и характеров, живых, запоминающихся, имеющих каждый свою изюминку!

Найденная писателем сюжетная канва – свести в одном страшном общезжитии более десятка выпавших из нормальной жизни людей, прибавить к ним повелителей их судеб, семью содержателя ночлежки и полицейско-

го, – позволила показать не только гибельную дорогу русских людей в чёрную пропасть жизни, но и их неумеренные способности; представить во всём богатстве, в удивительной несхожести человеческие мечты, нравственные постулаты, выстраданные оценки добра и зла.

Поднять глыбу людского горя честному летописцу всегда трудно. Вероятно, поэтому Горький обронил в одном из писем: «Очень тяжёлая пьеса». Приступая к её созданию, автор сознавал, какие душевные силы потребует новое сочинение: «Татарин, еврей, актёр, хозяйка ночлежного дома, воры, сыщик, проститутки. Это будет страшно. У меня уже готовы планы, я вижу – лица, фигуры, слышу голоса, речи; мотивы действий – ясны, всё ясно!»

Пьеса произвела сильное впечатление на современников. Леонид Андреев, откликнувшийся, как мы помним, на «Мещан», не замедлил высказать своё мнение и о новой пьесе Горького: «Он нагромоздил гору жесточайших страданий, бросил в одну кучу десятки разнохарактерных лиц – и всё объединил жгучим стремлением к правде и справедливости... драма его лежит на широчайших социальных основах».

Можно и теперь, в иные времена, разделить восторг художника Михаила Нестерова, посетившего пьесу на сцене Московского художественного театра. «Тут, брат, показана такая картина, – писал он, – такие образы и типы – такая сила и яркость изображения! Великолепный замысел Горького так дерзко-дерзновенно воплощён артистами, что дух захватывает... Театр становится уже не театр, а жизнь, где нет актёров, а есть люди – худые и хорошие, но уже не актёры».

Потрясение выражено просто и точно: «На дне» – это не театр, а сама жизнь в её дышащей плоти.

Ещё недавно герои пьесы занимались каждый своим ремеслом. Актёр играл в театре; в греющих его душу рассказах он всё вспоминает последнюю роль – могильщика из «Гамлета» Шекспира. Слесарь Андрей Клещ даже в ночлежку перенёс свой вчерашний рабочий инструмент: тиски, молоток, подпилки, маленькую наковальню. По привычке он ещё ремонтирует собранные где-то замки, самовары, другой металлический хлам, но едва ли всё это кому-то пригодится. Торговка пельменями по прозвищу Квашня тоже не оставляет прежнего занятия; кажется, она единственная в ночлежке, кто зарабатывает жалкие копейки. Бубнов – мастер шить картузы, Кривой Зоб и Татарин, которого приятели называют князем, – крючники, все трое помнят своё ремесло, но отошли от него навсегда. Пожалуй, лишь Барон и Сатин, люди, считающие себя образованными, не приучены к делу, которое бы их кормило. Попав в житейские передряги, они оказались годны только на то, чтобы скрашивать красивыми словами нищую пьяную жизнь да делеять несбыточные мечты. Есть ещё вор Васька Пепел, презирающий своё грязное занятие, и старец Лука, странник, ищущий «праведную землю» и питающийся Божьей росой и подаванием.

Вот они – падшие люди как на ладони. Но это лишь первое, поверхностное знакомство. А копнёшь глубже – у каждого особые привычки, нажитой опыт, собственное объяснение жестокой жизни. Слесарь Клещ с презрением говорит о собратях по несчастью:

«Какие они люди? Рвань, золотая рота... люди! Я – рабочий человек... мне глядеть на них стыдно... я с малых лет работаю... Ты думаешь – я не выйду отсюда? Вылезу... кожу сдеру, а вылезу... Вот погоди... умрёт жена... Я здесь полгода прожил... а всё как шесть лет...»

Пепел. *Никто здесь тебя не хуже... напрасно ты говоришь...*

Клещ. *Не хуже! Живут без чести, без совести...*

Пепел (равнодушно). *А куда они – честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...»*

И всё же эти люди, спорящие о чести и совести, в глубине души понимают, в чём чистота и праведность жизни, а в чём её недозволенные пороки. Тот же Васька Пепел, сильный и красивый человек, не «нуждающийся» в чести и совести, с горечью объясняет, почему он стал отверженным:

«Я – сызмалетства – вор... Все всегда говорили мне: вор Васька, воров сын Васька! Ага? Так? Ну – нате! Вот – я вор! Ты пойми: я, может быть, со зла вор-то... оттого я вор, что другим именем никто никогда не догадался назвать меня...»

Этот порченный человек влюбился в сестру властной и подлой хозяйки ночлежки Наташу, девушку чистую. Василий и прежде мечтал вырваться из грязной ямы, в которую не мог не угодить, а тут любовь, желание не только самому очиститься, но и помочь Наталье уйти от гибели. На его настойчивую мольбу: «Иди со мной!» – девушка спрашивает: «Куда? По тюрьмам?» У Пепла находится свой ответ:

«Я сказал – брошу воровство! Ей-богу – брошу! Коли сказал – сделаю! Я – грамотный... буду работать... Вот он говорит – в Сибирь-то по своей воле надо идти... Едем туда, ну?.. Ты думаешь – моя жизнь не претит мне? Эх, Наташа! Я знаю... вижу! Я утешаю себя тем, что другие побольше моего воруют, да в чести живут... только это мне не помогает! Это... не то! Я – не каюсь... в совесть я не верю... Но – я одно чувствую: надо жить... иначе! Лучше надо жить! Надо так жить... чтобы самому себя можно мне было уважать...»

Уважение к себе, чувство собственного достоинства... Как ни странно, это нравственное начало, униженное, почти вытравленное жизнью из обитателей «дна», всё же продолжает оставаться их главным богатством, последним человеческим достоянием. Изюм всех сил оберегает его Настя. Мечтает о возвращении достоинства рабочего человека Василий Пепел. Свято верят в свою «порядочность» Барон и Сатин. Не утрачивает гордости служателя муз спившийся Актёр. Может быть, гуманизм лучшей пьесы Горького как раз и состоит в том, что автор неустанно напоминает нам: человек – высшая ценность на земле, его душа, даже покалеченная, почти втоптанная в грязь, заслуживает уважения и поддержки. Многократно повторяемые в учебниках, в литературоведческих книгах и статьях слова Сатина о величии человека – это глубочайшее убеждение Горького, которым освещено всё творчество писателя; чеканный монолог, так притягивающий поклонников и хулителей автора пьесы «На дне», – это некий духовный завет, который будет волновать всегда:

«Сатин. *...Он – молится? Прекрасно! Человек может верить и не верить... это его дело! Человек – свободен... он за всё платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за всё платит сам, и потому он – свободен!.. Человек – вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! (Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.) Понимаешь? Это – огромно! В этом – все начала и концы... Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, всё же остальное – дело его рук и его мозга! Человечек! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Человечек! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека, Барон! (Встаёт.) Хорошо это... чувствовать себя человеком!.. Я – арестант, убийца, шулер... ну, да! Когда я иду*

по улице, люди смотрят на меня как на жулика... и сторонятся, и оглядываются... и часто говорят мне: «Мерзавец! Шарлатан! Работай!» Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? (Хочет.) Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек – выше! Человек – выше сытости!..»

Тут вызывает протест сатинское оправдание безделья и лени: «Работать? Для чего?» Но ведь за этими словами – правда художественного образа. Человек потому и оказался «на дне», что обленился, стал трутнем и пьяницей. Но затмевают ли эти душевные изъяны добрые, а то и возвышенные качества Сатина? В жизни мы – всякие, бывает, что одновременно слабые, безвольные – и сильные, оступившиеся в спасительную ложь – и правдивые. А разве в литературе должно быть иначе?

***

В горьковской пьесе есть ещё один необычный тип, о котором спорят уже столетие, – странник Лука. Старик многое повидал, должно быть, о многом передумал. Русская жалость и сдобольность соединились в его сердце со всепониманием и всепрощением. Можно предположить, что не только обитатели ночлежки, но и все люди, встречавшиеся с Лукой на его страннических путях, обсуждали его характер, его поступки. Одни порицали, возмущались, даже ненавидели старца-утешителя, другие открывали ему душу, согревались его сочувствием, исцелялись его безмерной добротой.

Вот и в грязном приюте воров и пьяниц ожесточённо спорят с ним и о нём. Вор Васька Пепел зло кричит ему: *«Старик! Зачем ты всё врёшь?.. Там у тебя хорошо, здесь хорошо... ведь врёшь! На что?»* Сатин смеётся в лицо Актёру, поверившему рассказам Луки, что есть город, где лечат алкоголиков: *«Наврал тебе старик... Ничего нет! Нет городов, нет людей... ничего нет!»* Картузник Бубнов дудит в ту же дуду: *«Вот – Лука, примерно... много он врёт... и безо всякой пользы для себя... Старик уж... Зачем бы ему?»* А слесарь Андрей Клещ – тот даже ненавидит ласкового странника, так же, как и любителя голый правды Бубнова: *«Ты, старик, утешаешь всех... Я тебе скажу... ненавижу я всех! И эту правду... будь она, окаянная, проклята! Понял? Пойми! Будь она проклята!»*

Но есть люди, которым Лука словно бы принёс прозрение: они вдруг увидели, что в их тёмном, промозглом жилище родился свет, поселилась доброта, обосновалась надежда. Они увидели: в мире, где их оскорбляют и ненавидят, есть сердце, которое любит и жалеет их. Умиравшая Анна, которая видела от своего мужа Андрея Клеща только оскорбления и побои, которая, по её словам, *«всю жизнь дрожала, как бы больше других не съест хлеба, и всю жизнь в отреньях ходила»*, признаётся Луке: *«Гляжу я на тебя... на отца ты похож на моего... на батюшку... такой же ласковый... мягкий»*. Даже Васька Пепел в конце смиряет свой буйный нрав перед стариком: *«Тебя, дед, изволь – уважу! Ты, брат, молодец! Врёшь ты хорошо... сказки говоришь приятно! Ври, ничего... мало, брат, приятного на свете!»* А в чём, собственно, состоит враньё Луки? В том, что он обнадёживает Актёра, будто от пьянства лечат и есть даже город, где это делают? *«Да я тебе город назову! – уверяет бедолагу Лука. – Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись!.. Возьми себя в руки и терпи... А потом – вылечишься... и начнёшь жить снова... хорошо, брат, снова-то!»* Не во спасение ли падшего человека такая ложь: если Актёр «воздержится» и «возьмёт себя в руки, то ему и неведомый город со спасительной лечебницей не потребует-

ся. Надо ли порицать «ложь» старого мудреца, который поддерживает Анну в её последние земные минуты: *«Призовут тебя к господу и скажут: господи, погляди-ка, вот пришла раба твоя, Анна... А господь взглянет на тебя кротко-ласково и скажет: знаю я Анну эту! Ну, скажет, отведите её, Анну, в рай! Пусть успокоится... Знаю я, жила она – очень трудно... очень устала... Дайте покой Анне...»*. Неудивительно, что женщина, тяжело умирающая в переполненной людьми ночлежке, задыхаясь от благодарного чувства, говорит Луке: *«Дедушка... милый ты... кабы так! Кабы... покой бы... не чувствовать бы ничего...»*.

Это благо, что в человеческом логове нашлась такая православная, чистая, заботливая душа – старец Лука. Он не записной утешитель и тем более не лжец по призванию; он – тот русский человек, который усвоил вековую народную мораль, и никакая чёрная, безнравственная жизнь не вытравит убеждения, укоренившиеся в нём. Вы послушайте, чему он учит нас: *«...разве можно человека так бросать? Он – каков ни есть – а всегда своей цены стоит...»*; *«Да уж чего хорошего, коли любимое забыл? В любимом – вся душа...»*; *«Я... говорю, что, если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил...»*; *«Любить – живых надо... живых...»* *«Тюрьма – добру не научит, и Сибирь не научит... а человек – научит... да! Человек – может добру научить... очень просто!»* Ведь это именно Лука произнёс самые важные, ключевые слова в пьесе: *«Верно: человек должен уважать себя!»*.

Однако читатель скажет: «Позвольте, а сам Горький в письмах и беседах не однажды «развенчивал» жалостливого старца. Развенчивал. С обычной для него прямоотой выставлял у позорного столба. «Лука – жулик, – говорил он в одной беседе. – Он, собственно, ни во что не верит. Но он видит, как страдают и мечутся люди. Ему жаль этих людей. Вот он и говорит им разные слова – для утешения». В другой раз писатель пояснял: «Лука умеет приложить пластырь лжи ко всякому больному месту. Его дело, найдя человека с вырванным клоком сердца, создать в награду для восстановления равновесия какую-то по мерке сделанную и подходящую ложь – утешительный обман».

Зная взгляды Горького-писателя, мечтавшего уничтожить несправедливые, подлые формы тогдашней жизни, преобразовать её на новых началах, не удивляешься авторской оценке своего героя. Да, есть мятежная, никогда не утихавшая страсть русского человека, жаждавшего справедливости. Но есть и глубинная народная мечта о том, что терпеливая вера, неизбывная доброта одолеют зло. Ну, может ли православный читатель согласиться с автором, так своеобразно толкующим о своем Луке – словами, похожими на какой-то странный поклёп:

«Все русские проповедники, за исключением Аввакума и, может быть, Тихона Задонского, – люди холодные, ибо верую живой и действенной не обладали. Когда я писал Луку в «На дне», я хотел изобразить вот именно этакого старичка: его интересуют «всякие ответы», но не люди; неизбежно сталкиваясь с ними, он их утешает, но только для того, чтоб они не мешали ему жить. И вся философия, вся проповедь таких людей – милостыня, подаваемая ими со скрытой брезгливостью, и звучат над этой проповедью слова тоже нищие, жалобные: *«Отстаньте! Любите бога или ближнего и отстаньте! Проклинайте бога, любите дальнего и – отстаньте! Оставьте меня, ибо я человек и вот – обречён смерти!»*.

Автор хочет принизить героя и посмеяться над ним, а герой гордо стоит и выказывает свой самородный характер. Где же брезгливость Луки и где его

высокомерное *«Отстаньте! Оставьте меня!»*, если одному (Ваське Пеплу) он родственно внушает: *«...коли девка эта за душу тебя задела всурьёз... уйди с ней отсюда, и кончено... А то – один иди... Ты – молодой, успеешь бабой обзавестись...»*; если другого (Актёра) неутомимо убеждает лечиться от запоев: *«Человек – всё может... лишь бы захотел...»*; если мудро защищает третью (Настю) от злой хохочущей компании: *«...ничего... не сердись! Я – верю! Твоя правда, а не ихняя... Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь... значит – была она! Была!»*; если в лицо четвёртому (хозяину ночлежки, человеку мерзкому) бесстрашно говорит: *«Ежели тебе сам господь бог скажет: «Михайло! Будь человеком!» – всё равно никакого толку не будет... как ты есть – так и останешься...»*.

Неужели такой человек – «жулик», который «ни во что не верит», а только лицемерно прикладывает «пластырь лжи к больному месту» очередного знакома? Даже наши краткие выписки доказывают, что это не так.

В том, что характер Луки взят из жизни, очерчен точно, с неукосительной правдой, наше поколение убеждалось каждодневно, глядя на родных бабушек и дедушек. Будем молить Бога, чтобы он сохранил на обездоленной русской земле таких светлых старцев!

***

Как обитатели «дна» продолжили вереницу босяков из первых горьковских рассказов и повестей, так и персонажи следующей пьесы писателя «Враги» продолжили череду героев его произведений грозových лет, прежде всего, повести «Трое», романов «Фома Гордеев», «Мать».

Новая драма писалась летом 1906 года, когда противостояние «врагов» – российских промышленников – и рабочих разрешилось первой революцией, немалой кровью. Горький с самого начала публичной жизни не скрывал, на чьей стороне он выступит, если грянет буря. Вспоминая свои встречи с Л. Толстым, Алексей Максимович рассказывал, как откровенно признался он великому «непротивленцу»:

«...Я сказал... что люблю людей активных, которые желают противиться злу жизни всеми способами, даже и насилем.

– А насиле – главное зло! – воскликнул он, взяв меня под руку. – Как же вы выйдете из этого противоречия, сочинитель?»

Я заметил, что доколе мы будем жить в тесном окружении человекоподобных и неизбежных «спутников» наших – всё строится нами на зыбкой почве, во враждебной среде».

В пьесе «Враги» две непримиримые силы – хозяева завода и его рабочие – обретают запоминающиеся лица. У каждого человека с той и другой стороны – своя судьба, свой взгляд на конфликт. А конфликт нешуточный; его можно назвать социальным, но он и бытовой, житейский, для главных героев – судьбоносный. Помещики, братья Захар и Яков Бардины, держат завод с компаньонами, купцами новой формации, тоже братьями, Михаилом и Николаем Скроботовыми. Это одна сила. А другая – рабочие Греков, Левшин, Акимов, Рубцов, конторщик Синцов, осознавшие, что с господами, их безграничной и своевольной властью сообща можно бороться. Михаил Скроботов, человек твёрдой руки, отказался выполнить требование заводских – уволить грубого мастера Дичкова. Те пригрозили бросить работу. Властный купец предложил совладельцам проучить рабов – закрыть на время завод, чтобы голодные люди поняли, у кого какие права. Захар Бардин, однако, против затеи Скроботова. Он привык ладить с крестьянами; на его взгляд,

с пролетариями тоже можно договориться. Но Скроботов закусил удила и на встрече с возбуждёнными рабочими стал угрожать им пистолетом. Один из «бунтовщиков», Акимов, перехватил оружие и застрелил хозяина.

Случай для девятисотых годов не из ряда вон выходящий, даже реальный¹. Но для писателя он, пожалуй, лишь одно звено в цепи событий, захвативших всю рабочую Россию. Горький лучше, чем кто-либо другой в тогдашней отечественной литературе, чувствовал подземный гул народного недовольства, назревание взрыва. На заводе Бардиных и Скроботовых столкнулись не только материальные интересы трудового люда и его хозяев. Столкнулись два духовных мира. Носители одного из них, привыкшие повелевать, искренне недоумевают: как это рабы могут поднимать головы, иметь свои мысли, желания, мечты о счастье? Жена Михаила, Клеопатра, местечковая царица, меняющая несколько любовников за год, возмущается:

«Какой-то конторщик всем распоряжается, даёт советы... осмелился сказать, что преступление было вызвано самим покойным!..»

Её муженёк с диктаторскими замашками, вызвавший на свой завод войска для усмирения, даже недоволен мягкотелым правительством:

«Нет, Россия не жизнеспособна, говорю я!.. Люди сбиты с толку, никто не в состоянии точно определить своё место, все бродяют, мечтают, говорят... Правительство – кучка каких-то обалдевших людей... злые, глупые, они ничего не понимают, ничего не умеют делать...».

«Уметь делать», по рассуждениям и поступкам решительных Скроботовых, – это, конечно, немедленно загнать в тюрьмы, а то и перестрелять непокорных, силой подавить бунтующих. Брат Михаила, Николай, выдаёт себя за «культурного» человека. Этот показывает окружающим, что боится не столько за свои капиталы, сколько за «культурный слой», к которому причисляет себя:

«...Идёт варвар, чтобы растоптать плоды тысячелетних трудов человечества. Он идёт, движимый жадностью... Идёт толпа, движимая жадностью, организованная единством своего желания – жрать!.. Что могут внести с собой эти люди? Ничего, кроме разрушения...».

Но кто же веками держал подобных людей голодными, бесправными, отверженными? Рабочие в горьковской пьесе – совсем не ангелы, они, пожалуй, в чём-то и согласятся с Николаем Скроботовым: действительно, можно ожидать и варварства. Но уже нельзя ожидать покорности. Старый рабочий Левшин объясняет барышням, родственницам Бардиных:

«Мы так думаем – что сработано, то свято. Труды людские ценить надо по справедливости, это так, а не жечь. Ну, а народ тёмен – огонь любит. Обозлились. Покойничек строгонек был с нами, не тем будь помянут! Пистолетом махал... угрожал».

На судилище, которое устроили прибывшие усмирители, рабочие держатся дружно и смело. Пережитое в тревожные дни многому научило их...

Показательно, что в первоначальном варианте пьеса «Враги» заканчивалась словами Левшина: «...Не тот убил, кто ударил, а тот, кто злобу родил!»

Российская история многократно доказывала власть предрержащим: бунты начинаются не потому, что невесть откуда являются злые смутьяны или, тем паче, подстрекатели; мятежи готовятся бездарными правителями. Это они подводят народ к последней черте, за которой вспыхивают мстительные пожары. Пьеса М. Горького была не первым его произведением, в котором

¹ Подобный случай произошёл в 1905 году на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве.

он предупреждал, что люди, возомнившие себя хозяевами жизни, властителями рабов, играют с огнём. Откройте рассказы и повести писателя того времени – вы окупаетесь в неотступную, горячечную думу автора, который всюду видел, как поднимается прозревающий русский человек.

Дед Архип – внуку Лёнке:

«Сытый человек – зверь. И никогда он не жалеет голодного. Враги друг другу – сытый и голодный, веки вечные они сучком в глазу друг у друга будут. Потому и невозможно им жалеть и понимать друг друга...».

Разуверившийся в смысле накопительства Фома Гордеев – купечеству волжского города:

«О, с-сволочи!.. Что вы сделали? Не жизнь вы сделали – тюрьму... Не порядок вы устроили – цепи на человека выковали... Душно, тесно, повернуться негде живой душе... Погибает человек!.. Душегубы вы... Понимаете ли, что только терпением человеческим вы живы? Вы не жизнь строили – вы помойную яму сделали! Грязищу и духоту развели вы делами своими. Есть у вас совесть? Помните вы бога? Пятак – ваш бог! А совесть вы прогнали... Куда вы её прогнали? Кровопийцы! Чужой силой живёте... чужими руками работаете! Сколько народу кровью плакало от великих дел ваших? И в аду вам, сволочам, места нет по заслугам вашим... Не в огне, а в грязи кипящей варить вас будут. Веками не избудете мучений...».

Мать молодого рабочего Палагея Ниловна Власова – пассажирам, путейским рабочим, извозчикам, бездомным на вокзале:

«Бедность, голод и болезни – вот что даёт людям их работа. Все против нас – мы издыхаем всю нашу жизнь день за днём в работе, всегда в грязи, в обмане, а нашими трудами тешатся и объедаются другие и держат нас как собак на цепи, в невежестве – мы ничего не знаем, и в страхе – мы всего боимся! Ночь – наша жизнь, тёмная ночь!»

Всё почернело, закачалось в глазах матери, но, превозмогая свою усталость, она ещё кричала остатками голоса:

– Собирай, народ, силы свои во единую силу!»

Нынешняя российская жизнь с её несправедливостью и гниением, пожалуй, превосходящими то, что было в ней на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, видна в горьковских произведениях как в зеркале.

***

Для того чтобы принизить художественное произведение, у критики есть испытанный аргумент: имярек – писатель социальный, это помешало ему создать достойную таланта книгу. А классика не считается с такими приговорами. Нас волнуют трагедии о самовластных тиранах, эпопеи о кланах богачей, романы об отверженных, хотя интрига в них замешана на страстях социальных, а то и политических.

В Горьком острый, неожиданный, размышляющий и сострадающий художник всегда брал верх над человеком, причастным к политике. Две его пьесы советского времени – «Егор Булычов и другие» и «Васса Железнова» привлекают не столько уже отошедшими в прошлое социальными столкновениями, сколько крупными, словно вырубленными из камня характерами хозяев «дела» в разваливающейся, поражённой смутой стране. Для купца Егора Булычова мировая война – мать родна: знай поворачивайся, наживай миллионы на высоких ценах. Могущество таких людей уже не зависит ни от царей, ни от народа. *«Попы, цари, губернаторы... на кой чёрт они мне надобны?»* – говорит Булычов дочери. – *В бога я не верю. Где тут бог?*

Сама видишь... И людей хороших – нет. Хорошие – редки, как... фальшивые деньги! Видишь, какие все? Все они теперь запутались, завоевались... очумели! А мне какое дело до них? Булычову-то Егору – зачем они?»

Вот только смертельная болезнь прилипла к купцу не вовремя. Не может он, как в кулачном бою, встать на помост жизни во всей своей силе. Однако распоряжается, унижает других, грешит и ублажает себя он до последнего вздоха. И до последней минуты не хочет верить, что великая буря, которая уже началась за окнами, сметёт его прочный, незыблемый до сих пор мир.

Оправдывает свою фамилию владелица пароходства, сильная и властная женщина сорока лет Васса Железнова. Служащих компании и домашних она держит в ежовых рукавицах; все дела, служебные и семейные, под её неусыпным контролем. Как и Егор Булычов, Васса пришла к «миллионному делу» из низов. У того отец на Волге «плоты гонял», а эта шестнадцатилетней девчонкой вошла в дом речного капитана Железнова его бесправной женой. В России такое случалось: тысячи Булычовых и Железновых соскальзывали на дно жизни, а редкие единицы поднимались на её поверхность. Эти, битые и верченые, как раз и становились несокрушимыми, как дубы, хозяевами – промышленниками и купцами. Умная, резкая, прямая в речах и поступках, Васса рассказывает двум своим дочерям: *«Родила я девять человек, осталось трое. Один родился – мёртвый, две девочки – до года не выжили, мальчики – до пяти, а один – семи лет помер. Так-то, дочери». А на вопрос, почему дети помирали, Железнова отвечает: «...оттого, что родились слабые, а слабые родились потому, что отец пил много и бил меня часто».*

И эта женщина, благодаря своей неукротимой воле, смогла создать пароходную компанию. То, что нрав у неё твёрдый и жестокий, поистине железный, читатель видит своими глазами: спившегося мужа, попавшего на скамью подсудимых за растление малолетних, она заставляет выпить яду; у смертельно больного сына и невестки, профессиональной революционерки, отбирает их дитя, своего внука, мечтая передать ему нажитое состояние; невестку, подпольщицу кроме того, выдаёт полиции; от дочерей – озлобленной, уже спивающейся Натальи и слабоумной Людмилы – готова освободиться как от обузы, выдав их замуж с крохотным приданым. Всё, что мешает Железновой хозяйствовать, наживать новые миллионы, – побоку. Кажется, что уже сам огромный воз, в который Васса впряглась пятнадцать лет назад, управляет ею; прочь с дороги, по ней, прогибая землю, движется машина!

Когда невестка Рашель пугает Железнову: *«...не много жизни осталось для таких, как вы, для всего вашего класса – хозяев. Растёт другой хозяин, грозная сила растёт – она вас раздавит. Раздавит!»* – Васса ни на секунду не верит ей: *«Вот как страшно! Эх, Рашель, кабы я в это поверила, я бы сказала тебе: на, бери всё моё богатство и всю хитрость мою – бери!».*

А на чём же основана вера Железновой в то, что её дело незыблемо? Может, она слепа? Не видит расплзающегося пламени? Может, она лишь раба накопительства, как считает Рашель? Едва ли. Подобно Егору Булычову, эта сильная и умная женщина сознаёт, что среди безвольных, ни на что не способных и ни во что не верящих людей только на таких, как она, ещё держатся порядок жизни, мощь государства. А житейски гордость за себя и свою силу она выражает словами намеренно грубыми, насмешливыми: *«Я тебе скажу, чего я хотела... Хотела, чтоб губернатор за мной урыльнички выносил, чтобы поп служил молебны не угодникам святым, а вот мне, чёрной грешнице, злой моей душе».* Сравните эти слова с теми, что говорил Егор Булычов о губернаторах и царях – они почти совпадают. Совпада-

ет и конец обеих судеб: Булычов в последние минуты жизни слышит пение демонстрантов на улице, Железнова неожиданно умирает в те же грозные дни...

Горький исследовал жизнь честно, непредвзято. Казалось бы, зачем ему создавать две последние пьесы в тридцатых годах прошедшего века, спустя пятнадцать-восемнадцать лет после революции? Можно предполагать: то, что художник знал очень хорошо, глубоко, требовало выхода. Для писателя такого масштаба современность его художественного произведения – это не та сиюминутная злободневность, о которой пекутся литераторы помельче. Для него постижение основного русла, главного створа жизни в её прошлом, настоящем или намечающемся будущем течении – дело всегда притягательное и необходимое.

И жестокую шутку сыграла история: сто лет спустя в России явились новые Булычовы и Железновы – нынешние олигархи. Для них тоже мало что значат всякие там премьеры и президенты, исполнители их воли. Им, столпам жизни, кажется, что мощь их несокрушима, что они утвердились надолго, чуть ли не навсегда. Горький не написал общественного поражения своих твердолобых героев, крушения их дела. Но есть сама жизнь: она дописывает правдивые произведения по тем же законам, по которым творит писатель...

**Дмитрий
ЕРМАКОВ**

ЛИСИЙ ЛЕС

ЧЕРНЫШ

1

Анна Васильевна живёт в деревне одна. Так уж случилось. У неё родных никого уже нет. И в соседние пустые дома никто даже летом не приезжает.

Но живёт Васильевна не скучая. У неё огород, три козы (вернее, козёл, коза и козочка) – сена им надо на зиму заготовить, не как корове, но всё-таки. Осенью ходит Васильевна в лес за грибами и ягодами. И даже рыбачит она: летом закидывает вершу, а зимой и с удочкой над лункой любит посидеть. Так что есть у неё и молоко, и рыба, и мясо, и на огороде всё хорошо растёт. А за остальным в магазин в село ходит. Летом по тропе бежит, а зимой на лыжах идёт. И всего-то десять километров.

Вот как-то весной, в мае уж, пошла она в село. Сначала в церковь. Службу отстояла, свечку поставила. И вместе с подругой Верой Харитоновной на почту зашла, районную газету взяла, потом в магазин – хлеба, чая да соли купила.

– Да, пошли, Васильевна, цайку на дорозку, – зовёт Харитоновна.

– Цайку-ти можно, – отвечает Васильевна.

Так говорят они – вот точно эти слова – каждый раз.

– На электрический перешла? – спрашивает Васильевна, кивая на электрочайник, который уже видела в прошлый раз.

– Витька самовар-от в город увёз, а этот привёз, всё наоборот теперь...

– А ты прибегай ко мне, я самовар быстро вздую, – смеётся Васильевна.

– Да я ведь как ты-то бегать не могу, – смеётся в ответ Харитоновна. – Откуда такая и прыть в тебе? Верно говорят, как реактивная.

– Ой, да сама ты рекативная!

-
- Дмитрий Анатольевич Ермаков родился в 1969 году. Член Союза писателей России, автор 14 книг прозы и многочисленных публикаций в периодических изданиях: «Литературная газета», «Наш современник», «Роман-газета», «Север», «Сибирские огни» и многих других. Лауреат международной литературной премии «Югра», обладатель Золотого диплома международного форума славянской культуры «Золотой витязь», финалист премии «Чистая книга» им. Фёдора Абрамова и ряда других конкурсов и премий. Живёт в Вологде.

Так вот, шутя да поддевая друг друга, выпивают они один чайник, принимаются за второй.

Вдруг из угла под лавкой писк слышен, и туда бежит, шмыгнув из-за двери, серая в тёмную полоску кошка.

– Котятки у тебя, Харитоновна?

– Да! Я уж Муське говорю, хватит, матушка, остепенись, ведь уж десять годов тебе – нет, опять принесла. Четыре в этот раз. Одного-то Витька увёз, другого тут, в селе, взяли. Двое остались. Возьми хоть ты, Васильевна, одного...

Тут из-под лавки вылез чёрный как уголь котёнок, на крепких лапках, ушки торчком, хвостик – вичкой, смотрит блестящими как бусинки глазками на бабушек любопытно и весело.

– Вот этого Черныша и возьму, – тут же сказала Анна Васильевна.

2

Чернышу хорошо было на руках. Он глядел на удивительный, невиданный ещё мир – голубой и зелёный, в котором очень много запахов, и ветра, и тепла, и ещё всего-всего, чего он пока не знал.

Хозяйка его, Васильевна, с рюкзачком за плечами, с котёнком на руках быстро бежала в свою деревню. У неё ещё дел сегодня полно – и коз на выпас выпустить, и в огороде покопаться... Теперь вот ещё котёнок у неё. «Эх, Черныш ты, Черныш – вырастешь, будешь мышей ловить... Будешь ловить мышек? Бу-у-дешь...»

Пришли. Налила хозяйка котёнку молока в блюдце, ткнула носом, он и начал лакать.

Стал привыкать в новом доме, хоть и скучно без кошки и сестрёнки (двух других котят он и не помнил).

Васильевна сделала бантик из бумажки, за ниточку к стулу его привязала, дёргает, а Черныш прыгает, ловит.

Бабушка рада – вспомнила, как была девочкой и тоже с котёнком играла. Котёнок рад – ловит непонятную зверюшку, прыгающую перед ним, весело ему. «Может, это и есть мышка?» – думает он.

...Конечно, любезный читатель, я не могу точно знать, что и как думает котёнок. Но ведь я не знаю в точности, и что думает Анна Васильевна. Но предположить-то я, как автор, должен, иначе о чём же рассказывать?!

А котёнок тем временем увлёкся собственным хвостом, закрутился юлой и всё же ухватил кончик лапками и зубами. Тут же вскочил, прыгнул на свисавшую со стола скатерть и повис на ней, уцепившись коготками, едва не уронил со стола чашку.

– Ну, Черныш! И в кого ты такой варнак? Видать, в родного батюшку, matka-то у тебя серая, – ворчит Васильевна и снимает его со скатерти.

Ходят и на улицу. Васильевна грядку полет, Черныш в траве за бабочкой бегаёт.

Так и живут. Хорошо Чернышу – и молочко есть, и рыбка, а когда и колбаски хозяйка принесёт...

А вечерами, когда сгущаются сумерки и наконец становится совсем темно, когда бабушка Васильевна, переделав все дела, помолившись перед иконой, ложится на свою кровать и затихает, становятся очень слышны часы на стене. Тикают. И маятник туда-сюда. И Черныш, лёжа на коврик перед кроватью, смотрит на маятник, смотрит и тоже засыпает, и снится ему большой, огромный, непонятный, но добрый сон...

Осенью, когда бабушка собрала урожай – морковку, свёклу, картошку – и снесла в подполье, Черныш там, в подполье, и поймал первую мышку. Он долго играл с ней, как с тем бумажным бантиком, а когда она перестала шевелиться, взял в зубы и принёс её к кровати хозяйки.

– Ой, да ты пошто сюда-ти её, Черныш! Уноси, уноси, лешой! – заприманила Анна Васильевна.

И Черныш унёс. Так и стал – поймают, принесёт, покажет и унесёт.

– До чего кот у меня хорош, дак! – хвастается Васильевна подруге Харитоновне.

– Да, от чьей и кошки-то! – отвечает с гордостью та.

3

Потом пришла зима. Белое и холодное падало на нос Чернышу. Он встряхивал головой, фыркал и поспешно убежал с крыльца в избу. Потом привык, любил пробежаться по мягкому и пушистому вокруг дома.

Однажды принёс вместо мышки желтогрудую птичку. Ох и ругала его хозяйка! Даже веником шлёпнула. Больше не носил.

Он подолгу лежал на тёплой печке, смотрел в окно, как падают белые пушистые хлопья, и мурлыкал, когда хозяйка чесала ему за ухом.

– Ну, Черныш, ты прямо как трактор тарахтишь, – говорила Васильевна.

А однажды он вышел на крыльцо, и с карниза прямо на нос упала тяжёлая мокрая капля. Отпрыгнул, заурчал, затёр лапами мордочку.

С того дня покоя коту не стало. Он рыскал по дому и вокруг него, громко мяукал. Он будто искал что-то.

– Весна, гулять тебе охота, Черныш, подружку надо, – вздыхает Васильевна. – А где я тебе тут найду? Ты уж терпи... Чего уж... – беспокоится бабушка, думает, что делать с котом. – В село тебя, что ли, пока отнеси? – говорит, теребя его загривок, а Черныш трётся о ноги хозяйки, обутые в серые валенки.

Так и решила Васильевна, что завтра отнесёт кота в село.

Утром встала, покискала – нет кота! Давай искать. Нет!

...Черныш ещё поздно вечером спустился в подполье, оттуда пробрался под стеной на двор, где стояли козёл и козы, и через щель у двери вышел на волю.

Небо было тёмно-серое, лишь кое-где сквозь облака проглядывали звёзды, пахло мокрым, тающим снегом. И Черныш побежал на этот запах вдоль лыжни, проложенной Васильевной, к лесу.

На опушке в прошлогодней свалывшейся траве рылась лиса... Черныш сразу учуял мышь, хотя пахла она не так, как домашняя. Лиса тоже её чуяла и ждала, подняв лапу. Она видела кота, и кот видел её. Он быстро пробежал мимо и оказался в лесу, где было совсем темно, но не страшно. Черныш быстро бежал, будто знал, зачем и куда. И вдруг замер: какой-то зверёк, но не мышь, мелькнул перед ним, и кот моментально стал охотником, метнулся за зверьком и едва не поймал. Но тут же учуял страшный запах. Шерсть встала у него дыбом... А две тени уже бежали к нему между стволов. Это уже на него охотились! Черныш мигом влетел на ёлку и замер на ветке, а тени ходили внизу и щёлкали зубами...

И лишь на рассвете он спрыгнул вниз, когда уже растворился страшный волчий запах.

А через несколько часов Черныш уже был в деревне и дрался со старым рыжим котом, а кошечка сидела рядом на заборе и будто не обращала на них внимания.

Через две недели Харитоновна передала Васильевне кота с рук на руки.
– До чего ведь довел-то себя – драный, голодный. Я уж покормила его да из дому-то больше не выпускала. Сразу, как там, у церкви, увидела, поняла, что твой Черныш.

– Ну что, шляла, пошли домой! – посадила его хозяйка в котомку и понесла в свою деревню.

Месяца через два церковный сторож спросил:

– Васильевна, котёнка не возьмёшь? Вон глянь, чёрненький какой шустрый.

– Да у меня свой такой, – ответила улыбнувшись Васильевна и заторопилась домой.

Но ещё завернула в магазин за колбаской, а там уж не миновала и дома подруги Харитоновны. Без чая-то на дорожку – как...

ЛИСИЙ ЛЕС

Лисята играют в корнях огромной разлапистой сосны.

Их трое – два брата и сестра. Мать-лиса уже старая, и на этот раз родила лишь троих, и, наверное, это её последние лисята. Сейчас она лежит, положив голову на лапы, прищурившись, смотрит на них.

Лисята родились ранней весной и к лету уже подросли. Как и положено – пока что они не рыжие, а бурые, и только кончики хвостов белые. Потом они порыжеют, грудь у них выбелится... Всё будет как всегда...

Девочка, как и положено, поменьше, послабее. Братья иногда забывают делиться с ней едой, и тогда мать отнимает у них и отдаёт ей.

Братья тоже разные. Оба больше сестры, но один шустрый и любопытный, второй – медлительный увалень. Они часто дерутся – сначала играют, а потом уж всерьёз, тогда мать или отец разнимают их.

Сейчас лис-отец охотится, скоро он вернётся с добычей, так бывает всегда...

Шустрый широколобый лисёнок с крепкими лапками – любопытен, уже не раз отец и мать находили его далеко от норы и, прикусив зубами за холку, относили обратно домой, к огромной сосне, в корнях которой и вырыта нора.

Лисёнок познавал мир: мать и отца, брата и сестру, тёмный и тёплый мирок норы... Он раньше брата и сестры впервые вылез из норы, застыл: от белого света, от тысяч запахов и звуков... И побежал, споткнулся, покатился и снова, повизгивая, побежал...

Мягкое, твёрдое, колючее, мокрое, огромное и мизерное – окружало его. Это был его – лисий – лес, он был его частью – частью огромной единой жизни. Но он уже знал и смерть. Однажды он увидел в траве живое и желтоклювое и уже хотел играть с ним. Но отец-лис опередил – одним прыжком и ударом лапы превратил живого птенца-слётка в мёртвый комок мяса и перьев... Но и смерть – это часть жизни его лисьего леса.

Лиса-отец не было уже давно, и лиса-мать стала принюхиваться и прислушиваться... Уже давно, с того времени, когда они вырыли нору, стали привычными запах дыма, гром, иногда ощутима дрожала земля... И всё-таки это было далеко.

А сейчас она не уловила его, лиса, запаха, не услышала в чаще его лёгких шагов. Но услышала гул огромной птицы в небе. Эти птицы тоже стали привычны, но сейчас птица металась в небе, а вокруг неё возникали белые

облачка. Потом – будто ударила и впиалась когтями невидимая лапа... Птица вырвалась, но задымилась и стала падать.

Мать-лиса вскочила, стала торопливо затаскивать лисят в нору. Она не видела, как отделилось от птицы странное, похожее на семя одуванчика, перо и стало плавно опускаться в лес...

Взрыв страшной силы в один миг уничтожил поляну – траву, кусты, деревья... В одно это мгновение испарились бабочки, цветы, кузнечики, навсегда оглохли под землёй кроты, сгорело гнездо пеночки, уткнулся носом в землю и сгорел ёж... Начинаялся лесной пожар.

Огромная сосна не упала сразу, она наклонилась, рваные корни торчали из земли, обгорела вся хвоя... Открылась нора, в которой лежали оглохшие лиса и два лисёнка...

Третьего лисёнка спасло его любопытство. Во время игры он отбежал от норы, к луже на краю поляны, присел там за кочкой, наблюдая за лягушкой. Он прижался к земле, когда услышал нарастающий гул. Взрыв не убил его.

Лисёнок видел, как лис-отец, почти в самый момент взрыва выбежавший на поляну, слился с горячим и красным, стал его частью... И уже будто тысячи лис бежали по лесу, по траве и кустам, взлетали вдруг в кроны... Рыжие белки металась как всполохи...

Лисёнок хотел сначала бежать туда, где была мать-лиса, брат и сестра, но там уже всюду бушевал огонь, и он понял что и они стали частью огня... Мимо пробежал огромный и страшный лось. В его рогах застряла горящая ветвь, и он ревел от боли и ужаса, вскидывал, разбрасывая искры, голову и, обезумев, нёсся, сминая всё на пути. Дымящийся заяц заверещал и вспыхнул...

Огонь шёл по ветру. А лисёнок, пережив его первый шквал, стал пробираться против ветра. Это был единственный спасительный для него выход.

Вокруг горько пахло дымом, стояли покосившиеся, обгорелые скелеты деревьев. Звери, спасшиеся от пожара, как и лисёнок, брели в сторону виднеющегося вдали зелёного леса, никто из них не смотрел на других зверей, никто не думал о добыче и охоте.

Шёл, перебирая лапками, перелезая через кочки, подлезая под стволами павших деревьев и лисёнок.

Стали попадаться зелёная трава, кусты, деревья... Лисёнок остановился на краю болота. Полакал болотной затхлой воды. И тут увидел сидящего под деревом странного зверя. Зверь поднялся на задние лапы, а передние протянул к нему, в них было что-то очень вкусно, невыносимо вкусно пахнувшее...

– Иди сюда, иди, – подзывал человек.

Была в этом голосе сила и власть. И очень хотелось есть. И лисёнок подошёл.

С левой ладони лисёнок ел хлеб, а правой ладонью лётчик гладил его, приговаривая:

– Один остался, бедолага. И вам-то от нас достаётся. Ешь... Помрёшь, наверное, теперь...

У человека была сломана нога, но он сумел закопать парашют, сделал подобие костыля и теперь ждал темноты, чтобы пробираться к своим.

Лисёнок первым почуял и увидел двуногих, двигавшихся цепочкой по болоту и лесу. Поднял голову. Человек посмотрел в ту же сторону... Человек откинул лисёнка (тот упал за пень, в мягкий мох), сел, вытянул вперёд сломанную и перевязанную ногу, упёрся покрепче спиной в еловый

ствол, достал из поясной кобуры пистолет, взял двумя руками, коротко прицелился и, на выдохе, выстрелил.

В него ударили со всех сторон. И он так и сидел, прислонившись к стволу, когда подошли двуногие... Но этого лисёнок уже не видел, он улепётывал в лес. В родной лисий лес. Он уже понимал и знал его. Только не было лиса-отца, матери-лисы, брата, сестры... Но они были где-то рядом... Лисёнок прижал лапой и не задумываясь съел лягушку.

Старый бородатый филин сидел на старой ели. Наступила ночь, его время. И он сразу увидел одинокого лисёнка – лёгкую добычу.

Лисёнок лишь на долю мгновения почувствовал боль, а потом он стал подниматься всё выше. И хотя была ночь, и хотя он, как и все лисы, не различал цвета, он увидел прекрасный, просвеченный солнцем, шелестящий, звенящий, полный птиц, насекомых, зверей лес. Лисий лес, где его уже ждали...

ЛЯМКИ И ХЛЮСТИКИ

(правдивая история для взрослых и детей)

1

Любезный читатель, а ты веришь в существование лямок и хлюстиков?.. Это звери такие... Вот и мой восьмилетний сын Алексей не поверил сначала. Впрочем, обо всём по порядку...

Всякий взрослый человек иногда вспоминает своё детство.

Однажды вечером я полез в ящик комода за какими-то бумагами. Алёша смотрел мультфильмы про крокодила Гену и Чебурашку, наша мама, то есть моя жена, готовила ужин, в общем, все были заняты делом. Так вот, полез я в ящик комода и наткнулся на семейный альбом – обычный, как во всех семьях, с твёрдой обложкой и краткой семейной хроникой внутри. Я и раскрыл его зачем-то. Захотелось вдруг. А там, на первой же странице, фотография, где я – мальчик, стою рядом со своей бабушкой Ариной Тимофеевной. На голове у неё белая косынка «шалашиком», а лицо всё в добрых морщинках. А мальчик, ну, то есть я – даже не верится, что был когда-то таким – коротко стриженный, чёлка слева вздёрнута хохолком, который, помню, долго не давал мне покоя (и смоченной водой ладошкой я его приглаживал и даже, бывало, плевал на ладонь-то)... И только к нынешним тридцати девяти моим годам вопрос с хохолком решился окончательно – ввиду частичного облысения.

...Так вот, стоим мы с бабушкой на лужайке перед её домом (на фото видна бревенчатая стена и часть окна), за домом угадывается огород, за которым луг, а дальше и лес. А лес, как узнал я в то лето, становится мокрым, болотистым, а там дальше, куда я никогда не заходил, уже и настоящие болота начинаются с топкими трясинами, лишь островки леса всплывают посреди этих болот, а ещё дальше, рассказывала бабушка, – таинственное Светлое озеро, а в нём – остров...

В тот год я успешно, с одной четвёркой по чтению, закончил второй и был переведён в третий класс, и на все летние каникулы был отвезён мамой в деревню к бабушке. Она одна там жила. Дедушка, муж её, к тому времени уже умер. А был он когда-то охотником. В доме висели приколоченные к стене, разлапистые и пыльные лосиные рога, а над кроватью – роскошный, распластанный по стене, отливающий на солнце фиолетовым птичий хвост.

– Это тетеревиный, бабушка?

– Нет, это зверя лямки.

Я не понял, что она сказала. Опять спросил:

– Тетерева, да?

– Говорю же: зверя лямки. Дед из леса принёс.

И уж тогда, видя моё недоумение, бабушка рассказала, что водятся в здешних краях, в глухих болотистых лесах такие звери – лямки.

– Хвосты у них что у тетеревов, тулово барсучье, а морда пушистая, как у нашего кота Васьки. И лапки коротенькие, когтистые. Я сама-то не видела, дедко твой баял. Ишшо говорил, есть звери хлюстики – те на перепончатых лапах, как у гусей или уток, телом длинные, и по всему телу иголки ровно ежовые, а голова круглая, да ещё хвост длинный, пушистый, ну, вроде как лисий. Есть, есть такие звери – сам рассказывал, а он никогда не врал. А самое их место заповедное на острове, что посреди Светлого озера...

– А это он добыл, что ли? – кивнул я на хвост.

– Нет, не добыл. На таких зверей грех охотиться. А хвосты они сами откидывают, ну, как лоси рога. Вот дедушко-то твой и подобрал, домой принёс.

Всё лето я надеялся повстречать в лесу лямок и хлюстиков.

Далеко в лес я, конечно, не заходил, но, думалось: почему бы и сюда, в ближний к деревне лесок, не зайти какому-нибудь лямке или хлюстику? Лежу, бывало, под сосной – высокая, с коричневым шершавым стволом, с витыми длинными ветвями (росла она на опушке лесной поляны) – лежу, жду... Однажды ёжик ко мне подбежал, ткнулся носом в руку, а когда я захотел потрогать его, свернулся, превратился в колючий пульсирующий клубок, видно было, как вздрагивает он весь от каждого удара своего ежиного сердечка... И я поднялся, чтобы отойти от ёжика, не пугать его. И увидел на другом конце поляны, над травой, веером раздвинутый, на солнце радужно отливающий хвост! И хвост этот над травой вдоль дальней от меня лесной кромки двигался, обладатель хвоста (лямка или тетерев?) невидимый шёл там. Я сначала присел от неожиданности, а потом поднялся, сделал шаг в ту сторону. Думал: если птица, то взлетит. Никто не взлетел, но хвост быстро поплыл в траве и скрылся за кустом, а там уж и лес... Я подошёл к тому месту – трава была примята, но больше никаких следов не было.

Потом я вырос. Однажды даже ходил с деревенскими ребятами на Светлое озеро, плавали мы и на тот остров, ловили там рыбу, ели ягоды, но никаких лямок и хлюстиков, конечно, не видели. Позже я перестал ездить летом в деревню. Не стало и бабушки. Я надолго забыл про таинственный остров и его обитателей.

И всё это вспомнилось в какую-то минуту, пока глядел я на старую фотографию в альбоме. Лёша всё смотрел мультики, мама готовила ужин, а я ещё долго листал фотоальбом.

Алексею что-то в тот вечер не спалось.

– Что, брат, не спится?

– Ага...

– А вот знаешь, есть такие звери – лямки и хлюстики...

И я рассказал всё, что знал про них.

– Что-то мне, папа, не верится. Ты, наверное, этих зверей выдумал.

Я обиделся:

– Значит, в Чебурашку и говорящего крокодила ты веришь, а что в глухих лесах могут жить звери, не изученные наукой, – нет? А между про-

чим, они и науке известны – ещё в девятнадцатом веке описаны знаменитым в своё время натуралистом Иваном Ивановичем Кулебякиным.

– Ты и Ивана этого Ивановича выдумал, папа.

– Ну, хорошо, Алёша, я тебе докажу!

Так он и не поверил мне в тот вечер, уснул. А я принялся искать книгу Ивана Кулебякина. Книг у нас в доме много, так что на поиски ушло несколько дней.

Из дневника второклассника: «Вчера папа рассказывал про зверей – лямок и хлюстиков. Но я не поверил. Папа любит шутить».

2

И вот передо мной эта книга (я купил её лет пятнадцать назад в букинистической лавке) – с оторванной обложкой, с коричневым пятном, наверное, от чая, напоминающим по форме Африку, на первой странице...

«Опыт исследования флоры и фауны Европейского Севера Российской империи. Сочинение И. И. Кулебякина. Издание Императорского географического общества».

Опуская всё остальное, тоже очень интересное, я сразу стал искать и нашёл главу про лямок и хлюстиков.

Привожу эту главу полностью:

«Глава одиннадцатая Лямки и хлюстики – таинственные обитатели вологданских лесов

Один из жителей уже упомянутой мной ранее деревни, охотник, рассказал, что в лесах за деревней водятся звери, лямки и хлюстики, особенно же много их на островке посреди Светлого озера. Подтвердили его слова и другие жители этой местности – видели этих зверей: лямки с тетеревиными хвостами, размером примерно с барсука, с покрытым шерстью туловищем; хлюстики – с хвостами, напоминающими лисьи, но с перепончатыми лапами... Видели их многие, но не близко. Особенно ценным посчитал я для себя свидетельство местного священника отца Герасима – человека, не подверженного суевериям. «Есть такие звери – да не всем увидеть дано», – сказал он. Сам отец Герасим видывал и лямок, и хлюстиков, а ещё рассказал эпизод из жития местно чтимого святого Николая по прозвищу Островитянин, жившего на острове посреди Светлого озера и с руки кормившего и лямок, и хлюстиков.

Что же и оставалось мне, кроме как самому убедиться в правоте этих рассказов.

Тот самый охотник, что первым рассказал мне о таинственных животных, болотной тропой провёл меня к озеру.

Измотанный трудной дорогой, стоял я на берегу небольшого, правильной круглой формы озера, полностью оправдывавшего своё название – «Светлое». Вроде бы и день был не слишком солнечный, не тучи, но облака то и дело скрывали небесное светило; и окружающая природа – сумрачный болотистый лес на многие вёрсты...

Вода озера не просто была прозрачна (что очень странно посреди болот) до страшной, кажется, бездонной глубины, вода светилась, и светился сам воздух, или «белый свет» над озером. И, как сказка, стоял посреди светлой

воды остров в оторочке зелёных прибрежных ив, а дальше, в глубине острова, тянулись к небу могучие ели... Неодолимой силой повлекло меня туда, на тот остров...

Проводник мой вытащил бечевою из кустов лодку-плоскодонку, помог мне вставить вёсла в уключины, усесться в подвижной лодчонке, подал мешок с припасами и, коротко на словах простившись, пообещав вернуться через три дня, развернулся и пошёл по тропе...

И таинственный остров принял меня. В самой середине его нашёл я старую землянку под огромной старой елью, как крышей накрывавшей своими лапами убогое жилище, тут же стоял покосившийся, замшелый деревянный крест. Прочитав краткую молитву и осенившись крестным знаменем, я обернулся, почувствовав, что кто-то смотрит на меня...

Это был самый настоящий лямок, а рядом с ним хлюстик. Я сначала оторопел, а потом сделал движение в их сторону. И загадочные звери мгновенно исчезли, будто растаяли в зелёной листвяной дымке.

Не буду подробно описывать все три чудесных дня, проведённых мною на острове. Да и какими словами можно описать тишину, молитвенный покой... Счастье!

Скажу лишь, что в эти дни я много раз и подолгу наблюдал и лямок, и хлюстиков. Можно сказать, что мы подружились.

Вот рисунки, которые я сумел сделать, наблюдая за моими друзьями... Да-да, мы – я, лямки и хлюстики – подружились...

Невозможность более долгого нахождения на острове не позволила мне в полной мере узнать их повадки и образ жизни. Но не оставляю надежды вернуться на Светлое озеро, в тот замечательный край. К моим друзьям...»

Статья, согласитесь, довольно-таки странная. Совсем не похожая на научную статью, совсем даже выпадающая из того, что и как писал Кулебякин.

Рискну предположить, что человек на том острове (а может, и вблизи него) впадает в некое состояние эйфории, восторга... Жаль, что ни Кулебякин, ни какой-либо другой учёный с тех пор не побывали на том острове.

Из дневника второклассника:

«...Папа нашёл книжку учёного Кулебякина, там написано про лямок и хлюстиков и нарисованы они. Неужели правда? Вот здорово!..»

3

Постепенно отцом и сыном всё более овладевала идея поиска таинственных лямок и хлюстиков. И они стали готовиться к летнему путешествию.

– Ты должен быть сильным и закалённым, поэтому должен закаляться и делать зарядку, – сказал Алёшке отец.

Алёша полностью согласился с папой и в свою очередь предложил ему бросить курить. На что папа сперва неожиданно обиделся, даже сказал: «Сын не должен указывать отцу на недостатки!..» Но спустя какое-то время вдруг объявил маме и Алёше:

– Всё, товарищи дорогие, я больше не курю!

Мама очень обрадовалась, но сказала, что неплохо бы перед путешествием в страну лямок и хлюстиков (она так и сказала: «страна лямок и хлюстиков», и это очень понравилось Алёше) некоторым участникам экспедиции подтянуть учёбу и заканчивать четверти и весь учебный год без троек...

Из дневника второклассника: «Жаль, что во втором классе нет географии! Стараюсь по «Окружающему миру» учиться на одни пятёрки – пригодится во время путешествия в страну лямок и хлюстиков».

4

Я мечтал о том, как приду туда, в заповедный край моего детства, со своим сыном. И боялся этого.

Боялся не узнать те места. Не увидеть деревню. Не найти «своих» полянок в лесу...

Но я верил, что озеро-то осталось. Должно остаться! И тот остров. И лямки с хлюстиками.

И вот мы едем. Я и Алёшка...

Когда-то маленький, пропахший бензином автобусик долго трясся по разбитой дороге до деревни, где жила бабушка. Теперь большой удобный автобус за полчаса домчал нас по асфальтовому шоссе до того места, где когда-то была деревня... Будто бы построили это шоссе, чтобы быстрее и удобнее разъехались люди по городам из всех этих стоящих повдоль шоссе деревенок...

И отец, как мог, скрывал боль свою от сына. И не скрыл. А как тут скроешь-то – стоял над полусгнившими развалинами дедовского дома и... ком в горле...

Из путевого дневника бывшего второклассника: «Мы приехали в деревню. Там уже ничего нет. Только развалины домов. Папа расстроился. Зато мы ночевали в палатке! Вечером долго сидели у костра. А утром я проснулся, выглянул из палатки и сначала ничего не увидел. Мы были в самом тумане! Как ёжик из мультика. Потом туман стал исчезать. Я посмотрел на луг в сторону леса. Трава была зелёная, золотистая, белая! А над травой плыл, как большой веер, хвост. Он переливался всеми цветами радуги. Я залез в палатку и стал будить папу. Но когда мы вместе стали глядеть туда, где был хвост, то уже ничего не увидели...»

Алёша ещё и сходил туда, где, по его мнению, гулял, распустив хвост, зверь лямка. Искал траву примятую или следы от когтей на земле. Трава, возможно, выпрямилась оттого, что роса уже обсохла, а на земле Алёша ничего не разглядел.

Может, и не было лямки, мало ли что в тумане спросонья причудится!

А папа уже развёл костёр и даже повесил на треногу котелок с чистой родниковой водой (родничок этот он с детства помнил и вчера, когда нашёл его, очень обрадовался и Алёше показывал).

А потом, свернув палатку, тщательно затоптав кострище, пошли в лес. Отец шёл с огромным рюкзаком. Алёша тоже тащил рюкзачок, в котором были и продукты, и его тёплый свитер.

Лес вбирал их в себя. Ступал вокруг них ёлки, бурелом и коряги, скрывал солнечное небо лапами елей, ветвями и листвой осин. Вскоре и зачавкало под ногами.

– Не устал, Алёшка? – спросил отец.

– Нет, папа! – бодро откликнулся сын, хотя подустал уже изрядно.

Он впервые оказался в настоящем лесу (пригородный лесок, куда выезжали иногда всей семьёй и где таких же, как они, грибников было чуть ли

не больше, чем грибов, – не в счёт). Алёша ещё – хотя уже видел тот великолепный хвост! – не до конца верил в лямок и хлюстиков, но встречи с каким-нибудь зайцем или белкой (о волках и медведях он старался не думать) вполне ожидал. Только вылетела из-под ног какая-то птица, затрещала крыльями, напугала и тут же исчезла в тёмно-зелёной хвойной и лиственной завеси.

– Рябчик, – сказал отец.

– Папа, а звери, ну, другие, не лямки и хлюстики, здесь водятся? – не выдержал Алёша.

– Конечно, это ведь лес. Но увидеть зверя не так-то просто, ни один сам к человеку не выйдет. Человек для зверя – опасность. А слух и нюх у зверей во много раз сильнее развиты, чем у нас. Мы вот сейчас идём, а заяц уже за километр отсюда знает об этом и прячется.

– И медведь? – осторожно спросил Алёша.

– И медведь. Медведи вообще трусишки. Не зря у них болезнь бывает – медвежья...

Алёша не понял про медвежью болезнь, но спрашивать не стал, а отец не объяснял...

Так и шли – не быстро да и не медленно. Отец не волновался, он знал, что до озера, по прямой от деревни, не более пяти километров. А шли они самым прямым путём.

5

Из путевого дневника бывшего второклассника: «Мы прошли через болотистое место, там даже кое-где лежали почти уже сгнившие брёвна. Деревянная дорога! Папа сказал, что такая дорога называется «гать». А потом вышли на твёрдую землю, впереди была высокая трава, через которую ничего не было видно. Мы поднялись на горушку. И тут меня ослепило – так блестяло под солнцем озеро. Оно искрилось, и белое облачко отражалось в искристой синей воде. Я посмотрел дальше, вперёд и увидел будто из воды растущие огромные деревья – ёлки, а внизу кудрявые зелёные кустики. Это и был остров лямок и хлюстиков.

Я всё смотрел на озеро и на остров, думал, что увижу лямку или хлюстика, но не видел никого. Папа сказал, чтобы я помог ему собирать дрова для костра, и мы вдвоём быстро насобирали целую кучу дров. А ещё папа нашёл лодку! Да-да!..»

Лодка была, конечно, старая, ветхая. Лежала в кустах метрах в десяти от берега. Отец помнил, что именно здесь всегда и оставляли лодку (на острове был очень хороший черничник, да и рыбаки любили почему-то рыбачить не с этого берега, а с острова).

Даже уключины ржавые были на месте, даже вёсла лежали под лодкой – обычной для этих мест плоскодонкой.

Отец тут же перевернул её, тщательно осмотрел. Под горку по траве она довольно легко съехала к воде. На носу и цепь была. Когда отец взял её в руки – ладони стали рыхими от ржавчины.

Лодка легла на воду, а цепь отец обмотал вокруг ствола прибрежного ивового куста. И оставил так, чтобы проверить, нет ли течи.

Потом они пили чай, заваренный со смородиновыми листьями. Отец нацепил на прутик кусок хлеба, зажарил его над огнём и отдал Алёшке. Этот запах живого огня, этот горячий вкус хлеба!.. И спустя годы Алёша вспоминал его.

А отец жарил второй кусок, для себя, и вспоминал своё детство, бабушку, отца, маму...

6

Лодка была в порядке, совсем немного воды всё-таки просочилось через какую-то щель. Я ещё простучал борта, опробовал скамейки. И всё же не решился плыть к озеру вечером. Разбили мы с Алёшкой палатку. Я наладил удочки. Странно (и очень хорошо), что здесь, у Светлого озера, совсем нет комаров. Они были там, у деревни, в болотистом лесу, а здесь их не было совсем.

Солнце садилось, оставляя на воде алую полоску. А озеро сейчас, в наступающих сумерках, показывало себя во всей красе. Будто прозрачный свет разливался над ним, и такой же прозрачной (до дна!) была вода... Мир и покой, само счастье опустились на нас. И Алёшка присмирел, не задавал вопросов...

А порыбачили неважно. Совсем ничего не клюнуло. Но рыба играла, громко плюхала. Значит, неслучайно рыбачить плавали на остров – там, у островных прибрежных кустов, она, видно, и гуляет.

Алёша всё смотрит на остров, мечтает о лямках и хлюстиках...

Утром они плыли по прозрачной воде. Громко скрипели уключины. Алёша пристально вглядывался в приближающийся зелёный остров. Отец грёб неторопливо, сильно. А с острова из кустов на них уже смотрели внимательно лямки и хлюстики. Ждали.

**Александр
РАЕВСКИЙ**

ДЕРЕВО ВЕЧНОСТИ

СОЛОВЕЙ

В саду осеннем
    под сиренью,
В траве пожухлой, не дыша,
Забывтый, маленький, смиренно
Он кверху лапками лежал.
Комочек серый, невесомый,
Не отличить от воробья,
Он не покинул куст знакомый,
Не улетел к чужим краям.
Ещё весной порхал по веткам,
Клевал росу, жару терпел
И услаждал слух человека –
Как восхитительно он пел!
Как вдохновлял он человека,
Что он под звёздами творил:
То дивно щёлкал и чечекал,
То воздух трелями сверлил!
Старался так самозабвенно,
Как будто нёс благую весть,
Что вся земля благословенна
И что любовь на свете есть!
Умолк, родной.. Мой разум ропщет:
Вот так, один, замру и я;
Нам только жизнь даётся общей,
А смерть у каждого своя.
Зачем для доли скоротечной
На этот свет нас занесло?..
Мы как бы знаем, что не вечны,
Осознавать вот тяжело.
Застыть на долгую минуту,
Себя жалея.. А потом
В бордовый лист певца укутать
И схоронить под тем кустом.

-
- Александр Дмитриевич Раевский родился в 1951 году в с. Алабуга Каргатского района Новосибирской области. Окончил Новокузнецкий педагогический институт, Иркутское пожарно-техническое училище. Служил в пожарной охране МВД, капитан в отставке. Печатался в областных, региональных, центральных газетах, журналах, в общих сборниках. Автор семи поэтических книг. Лауреат премии журнала «Наш современник». Член Союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

1812 ГОД

Среднерусские равнины –
Вены рек. Холмы, поля.
Тучи. Избы да овины.
Шлем былинный в ковьялах.

Звякнет дальняя церквушка,
Тонко тронет слух Христа,
И – покой; лесной кукушки
Сонный счёт... А где-то там...

...Разноцветным ручейком
Дать отпор Наполеону
Шли походные колонны,
Шли знамёна и иконы
Мимо пушкинских окон...

МАЙ 1945 ГОДА

Всё!.. Кто выжил, те в свой дом
Придут не похоронками.
Твердь усеяна кругом
Гильзами, воронками...

Мир настал – сойти с ума!..
Что ж, начнём жить заново!
...Дым. Рейхстаг. Цветущий май,
«Валенки» Руслановой.

Реет выше синевы
Знамя то – нетленное!
И бредут по мостовым
Те – военнопленные...

Вновь Европе на года
Не тлеть на наковаленке;
Победили – как всегда! –
Ватники и валенки.

ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА

Глянет синими в небо тусклое,
Грусть-печали допив стакан.
На земле своей горькой, русской
Он последний из могижан.
Жили плохо, за всех платили,
То беда, то опять война..
И победы, увь, не сплотили –
Подкольных пришли времена.
Русь народам не стала светочем.

Ни спасибо тебе, ни прощай –
Каждый сам по себе. Больше незачем,
Больше некого ей защищать.

ВИДЕНИЕ

Равнина молчала. А сердце стучало
Безмолвно и плавно – жалея не жалея –
Небесное войско к закату умчалось...
Один я остался на горькой земле.

Стою, очарован тоской несказанной,
Созвучной душе, недоступной уму,
Последний огонь провожу со слезами...
И холод межзвёздный как данность приму.

Но свято поверю, что войско вернётся.
И, снова собравшись на битву со злом,
Возьмут и меня. И тогда мне найдётся
Копьё и кольчуга и конь под седлом.

Пойму, забыв всё, что мучило прежде,
Что свой среди своих я – и даль нам близка,
Сомкнувшись в ряды, в осенённых одеждах
И в шлемах победных мы будем скакать...

Стремительно-плавно, клубя облаками,
Умчимся к закату, растаем во мгле.
Затопит безмолвьем, укроет веками...
А кто-то останется ждать на земле.

ЗАКАТ

...Туча вздыбилась в полном безмолвии,
Жаркой лавой залит горизонт...
Нервно чиркают дальние молнии –
Там небесная битва идёт.

Даль дымит, тишиной угнетённая,
В грозных отсветах алая высь –
Рать крылатая с силами тёмными
Снова в схватке вселенской сошлись...

Перед заревом тоненькой свечкой,
С замирающим сердцем в груди,
Беззащитный стоит человек,
В это страшное небо глядит.

...На пределе клубится сражение,
Но великий грядёт перелом –
Он плеснётся в зрачках отражением,
Но и это исчезнет потом.

Плавно схлопнутся своды вечерние,
И сквозь щели незримые в них
Перья белые с иглами чёрными,
Догорая, осыплются вниз...

В бездну сдвинутся сгустки багровые,
Бесовщине разбитой вдогон,
И Архангела крылья махровые
Мощным взмахом погасят огонь...

Вновь пришлось совершить небывалое,
Чтоб нашествие зла превозмочь,
Чтоб спустилась на землю усталую
В звёздных россыпях свежая ночь.

***

В глухом краю среди тиши древесной
Поляна есть – заветный закуток,
Хранимый небом, людям неизвестный,
Лишь косачи слетаются на ток.

Из лета в лето пенится в цветенье...
Никто не видит этой красоты,
Ну, разве что залётный шмель оценит
Да бабочки, что сами как цветы...

Из года в год горят на зорьке ясной,
Искрят росой и капают в траву...
И жалко мне, что облетят напрасно,
И радостно, что те цветы не рвут.

Чисты в своём стремленье к совершенству,
Они растут и светятся из тьмы,
Не тщась достичь над кем-то верховенства,
Не то что мы. Увы, не то что мы...

ДЕРЕВО ВЕЧНОСТИ

Раздвинув столп вселенского пространства,
Вознёсшись выше всяких облаков,
Стоит оно – могуче и прекрасно!.. –
И ствол окован кольцами веков.
В ветвях его гнездятся только звёзды,
Хоть проросло из зёрнышка Земли...
Молчит оно. Его молчаньем грозным
Пропитаны ветра и ковыли...
В тени его незримой млеют дали...
И – как напоминанье о Суде –
В корнях лежат замшелые скрижали
И Книга человеческих судеб.

***

Безумный мир ещё чадил,
Кровянил в смертном беспорядке,
А я по краешку ходил,
На жизнь поглядывал украдкой.
Не состоял, не воевал –
Хранилось наше поколенье, –
Не ведал, не осознавал,
Что это Божье провиденье:
Стране, истерзанной войной,
Тогда давалась передышка...
Ни над войной, ни над страной
Я не задумывался слишком.
Беспечно юность подгонял,
Как банку ржавую пиная,
И ждал, и ждал свой идеал,
Тебя – иная, неземная!..
Лелеял в сердце и в мозгу,
Что это всё-таки случится:
Бродить мы будем на лугу
По василькам и медуницам...
Мечтал: продлится на века
Пора счастливого цветенья,
И отразится в облаках
Двух душ и тел переплетенье!..
Но так уж вышло, что ко мне,
Как тот глоток во время жажды,
Твой образ лунный в странном сне
С небес явился лишь однажды.
Кипела чаша бытия,
И луг нас ждал – душист и светел,
Но слишком поздно, грусть моя,
Среди земных тебя заметил.
Пока вострил своё стило,
С судьбой играл до беспредела,
Украдкой счастье обошло,
Ну, ни ресничкой не задело!..
Печаль моя! Моя звезда!
Хоть усмехнись, хоть возрази мне,
Но ты безумно молода,
Я безвозвратно многозимний.
Грядут иные времена,
Другие вырвутся на воздух,
И все забудут про меня,
Когда уйду бродить по звёздам.
В краю забвений и разлук
Зашелестит трава иная..
А ты ходи, ходи в тот луг,
Меня украдкой вспоминая.

САМОМУ СЕБЕ

Когда уже радость, казалось, не светит,
Откуда-то с дальней, забытой межи
Внезапно подует берёзовый ветер –
И вновь станешь свежим. И хочется жить.

Бессонница сгинет, тоска рассосётся,
И снова потянет – сперва на восток,
А после на запад клониться за солнцем,
Как тот беззащитный зелёный росток.

И вновь на износ станет сердце работать,
Страдая за добрых, несчастных людей,
Но всё-таки верить в хорошее что-то,
Землёй любоваться и в небо глядеть.

Когда всё же свыше решат с похоронкой,
Вернись с покаяньем к тому, что манит, –
Всегда тебя примет родная сторонка,
Найдётся могилка. Господь сохранит.

**Алексей
ВАСИЛЕНКО**

ДВА РАССКАЗА

ПРО НОРМАЛЬНОГО ПОГРАНИЧНОГО КОНЯ

Я уже давно живу. За этот долгий срок всё вокруг, как и положено, изменяется, сам я изменяюсь. Но время от времени какая-нибудь мелочь толкнёт в сердце, и забьётся оно чаще, вспомнятся давно прошедшие времена. Однажды такое случилось впервые. Это было тоже давно, тогда, когда ещё во многих городах можно было увидеть обычно очень неприметный, но очень любимый многими кинотеатр повторного фильма. Там показывали старые-старые ленты, давно уже забытые многими, там можно было ненадолго вернуться в прошлое, вспомнить даже не фильм, а скорее самого себя, того, каким ты был когда-то.

И вот шёл я неторопливо по парку, потому что день был жарким, спешить мне в тот момент было некуда, а глаз зацепился за афишу возле длинного одноэтажного когда-то сарая или склада, потом стрелкового тира – не аттракциона с фигурками и пневматикой, а настоящего тира, где и сам в школьные годы частенько стрелял из малокалиберных ТОЗ-ов. А вот теперь – кинотеатр повторного фильма, афиша. Фильм, как и положено здесь, очень старый. Назывался он «Георгий Саакадзе».

...И сразу, через десятки лет, услышал голос Потапова, увидел всё, что было тогда вокруг. Вспомнил, что не поверил тогда, в детстве, рассказам Потапова, но сейчас они вдруг всплыли в памяти, и неудержимо захотелось к этому детству прикоснуться.

На экране разворачивалось историческое полотно о древнем грузинском полководце, о временах, когда Грузию рвали на части «добрые» соседи – Персия и Турция... Я смотрел фильм, как смотрят картинки в школьном учебнике истории, – равнодушно пролистывал кадры, лишь иногда позволяя любопытству ненадол-

-
- Алексей Юрьевич Василенко родился в 1938 году в г. Тбилиси. Окончил филологический факультет Ереванского университета в 1960 году, сценарный факультет ВГИКа. Работал литсотрудником пограничной газеты «На боевом посту». С 1967 года – редактор, затем старший редактор на радио, главный редактор, курировавший подготовку передач для Всесоюзного радио и Центрального телевидения. С 1991 года живёт в Костроме. Работал заместителем председателя Костромского телерадиокомитета. С 2009 по 2012 годы – главный редактор литературно-художественного журнала «Кострома литературная». Автор цикла видеофильмов «Земля костромская», «Земляки», телеальманаха «Мгновения культуры», цикла видеоновелл «Один день войны» и «XX век. Россия. Кострома». Прозаик, автор многих книг. Член Союза журналистов России, Союза писателей России.

го взять верх. Я ждал. Просто ждал, когда же наконец будет то, из-за чего я пришёл в этот узкий душный зал с десятком зрителей.

Потапов неторопливо слюнил краешек самокрутки, отвинчивал колпачок зажигалки, сделанной из винтовочной гильзы, чиркал колёсиком, прикуривал, выпуская облако жгучего синего дыма. Мама нашей дружбе не препятствовала, хотя всегда сразу узнавала, что мы снова сидели возле конюшни на брёвнышке и разговаривали. Она морщилась и сердилась только от этого табачного запаха, которым я весь был пропитан, вернувшись домой. Первые затяжки делались всегда молча, можно было Потапова ни о чём не спрашивать: он этот миг отдыха проживал и проникался им. Всё это происходило обстоятельно, без суеты. Он вообще был такой: немногословный, тяжеловатый в разговоре. Щедрая россыпь веснушек не делала, как обычно это бывает, его лицо более добродушным и улыбчивым. Бойцы комендатуры называли Потапова не иначе, как мужиком: солидный мужик, крепкий мужик. О небольшой хромоте своей, из-за которой не брали его на фронт, сколько заявлений он ни писал, он говорил пренебрежительно:

– Ну, шкандыбаю малость... Лобогрейка покурочила. Это до войны ещё, ты, Лёша, ещё и не родился тогда. Так после того годов пять-шесть меня на селе «рупь-пять» дразнили...

– Почему?

– А как же! Рупь – шаг большой, это здоровой ногой, а пятачок – шаг короткий. Дразнили... Из-за этого и не женился до войны, ребятишков нету... Ничего, война уже к концу идёт, раненых да покалеченных нынче много. Небось, теперь-то женюся! И на фронт вот не брали. Э-эх, Лёша, мал ты ещё, тебе не понять! Да рази ж дело в ноге? Здесь вот с твоим отцом мы тоже чуть не каждый день в бой вступаем. А в таком разе – никто против меня не моги! На стрельбах все пули в десятке – мои! Промашку не дам. Вполне снайперить мог бы, им, снайперам, бегать не надо... А они – нога и нога... Пока военкоматскую глубокую оборону пробил, замучился. Потом спросили: а ещё что можешь делать? За конями ходить-обихаживать, говорю, все их повадки мне ведомы, весь норов их. Ну и послали сюда. Вот, брат Лёша, дела-то какие...

После разговоров, если время позволяло, мы с Потаповым шли к роднику, из которого всё село брало воду. Родник был обложен тёсаным камнем, из трубы била мощная струя. Мы садились поблизости на камушек, сидели молча. Потапов провожал глазами пугливых девушек, которые перебрасывались непонятными словами, посмеивались, прикрывая рот концом платка. Они набирали воду в огромные кувшины и шли, изгибаясь под их тяжестью.

Потапов вздыхал, потом, не выдержав, вставал, говорил:

– Ну, чего ты?.. Давай пособлю!

Но девушки качали головами и поднимались в гору к своим домам, к церкви, увенчанной острым шатром, похожим на заточенный карандаш. Потапов, наверно, всё надеялся, что какая-нибудь однажды не откажется от помощи, и он пойдёт с ней на виду у всего села и будет говорить о том, какие у них дома дуга, и ни одной горы нету, ничто край земной не застит, вольготно...

Как я теперь понимаю, по штатному расписанию Потапов числился в пограничной комендатуре коноводом-стрелком. Обычно он возле дома, где отцу выделили комнату, не появлялся. Но по ночам часто бывали тревоги: на сопредельной стороне «нейтральная» Турция «не замечала» вооружённые банды, которые раз за разом делали попытки прорваться через границу. Иногда им это удавалось. Тогда бой подолгу шёл на нашей стороне. Бойцы, многих из которых не брали в действующую армию, совершали порой неве-

роятные подвиги, за которые очень редко давались ордена: кто-то где-то считал, что «тыловикам» достаточно и медали... Иногда «тыловики» погибали. Их хоронили на сельском кладбище.

...Так вот, когда бывала очередная тревога, Потапов верхом влетал на двор с карабином за спиной, ведя в поводу Рифа для отца. Риф фыркал, перебирал ногами и косил глазом на дворового пса Жулика, нещадно облаивавшего поздних пришельцев. Жулик побаивался Рифа с тех пор, как тот исхитрился лягнуть его в бок, поэтому близко подойти не осмеливался.

Очень редко отец с Потаповым наезжали днём. Потапов вежливо отказывался от приглашения к нехитрому столу, оставлял коней у окна, а сам шёл в свой обычный поход к роднику. Вот это уже был мой час! Я с подоконника вскарабкивался в седло и горланил: «Конная Будённого, дивизия – вперёд!». Риф поворачивал голову, как бы желая удостовериться в наличии седока, смотрел внимательно, а когда я уж очень расхотелся, осторожно покусывал меня за голую ногу.

Риф был... очень, ну, очень красив! Я не знаю, как рассказать его красу – с тех пор прошло будто миллион лет... Но я до сих пор чувствую ласковое прикосновение его бархатных губ к ладони, на которой лежала сбережённая для Рифа величайшая драгоценность – отгрызок солоноватой галеты «Поход». До сих пор иногда по ночам мне снятся его огромные печальные глаза, его вздрагивающие от прикосновения бока – серые в яблоках.

Он весь был как из сказки – тонконогий, крутошей, умный. Но не из той сказки, где богатыри выходили на Идолище поганое, там у них кони были тяжёлые, могучие, под стать седокам. Нет, Риф был из сказки, где красные кони летели над красной землёй, и трубач в такой же будёновке, какую отец хранил и иногда давал мне поносить, своей сверкающей трубой выводил чёткий, требовательный сигнал атаки...

Я разговаривал с Рифом, вышётпывал ему в ухо все свои маленькие радости и печали, а он покачивал головой, сочувствуя и соглашаясь.

– Хорош конёк, – говорил Потапов, – цены ему нет. Кабы не война, на племя бы его оставили. Это уж точно я тебе говорю.

Потапов Рифа очень любил, но вся нежность у него умещалась в нескольких словах, которые ронял он, ухаживая за конём:

– Ай, скребницей пройдемся... Ладно, милый? Ты не бойся, я тебя в обиду никому не дам.

Когда же Риф капризничал, Потапов хмурился и бурчал недовольно:

– И чего вертишься? Спокою тебе нету, что ли? Киноартист!

Первый раз услышав это, я спросил:

– А почему Риф – киноартист?

– Почему, зачему... Судьба у него, значица, такая. Говорят, год назад это было, его в грузинском кино фотографировали. Я, честно, сам тогда здесь не был, не видал, но с отряда ребята фильм смотрели – он самый, говорят. Как вылитый. Полководца какого-то грузинского в кино он возил. Георгий... Сакадзев, что ли? Там, в кино-то, он геройским конём был, а после съёмок – его сюда, к нам... А здесь-то чего? Обычный верховой конь. Конечно, дисциплину он знает, на любую заставу с завязанными глазами доскачет, хозяина не бросит. Нормальный пограничный конь...

...Когда на одной из застав начался бой, а связь никак не удавалось восстановить, Потапова со срочным донесением отец послал в комендатуру для скорости на Рифе. Дорога шла вдоль границы. На этот раз бандиты схитрили: напали на заставу, отвлекая внимание, а основная часть банды перешла границу как раз там, где в тот момент оказался Потапов. Догадавшись, что скачет он за помощью, турки хотели взять его в плен. Место

было открытое, укрытия никакого не было. Пограничный конь Риф, как его когда-то научили, лёг и прикрывал Потапова, пока тот не расстрелял оба подсумка. Три пули вспороли атласную шкуру Рифа. Он лежал, истекая кровью, но ждал команды. Он услышал её, когда у Потапова остался один патрон и уже где-то близко был слышен бешеный карьер оперативной группы из комендатуры. Риф ещё сумел встать и унести Потапова от опасного места. С начала боя прошло всего десять минут. Оставшиеся в живых нарушители отступили.

Потапов стоял возле лежавшего Рифа. Надежды не было никакой. Оба они всё знали. Подошёл начальник комендатуры с пистолетом, посмотрел, сделал было движение, но Потапов остановил его:

– Сам я...

С окаменевшим лицом он вставил горячий ещё ствол карабина в ухо и выпустил последнюю пулю.

...Я дождался Рифа через много-много лет. Это был он, конечно, он! Вырос на экране – тонконогий, чуткий, и стоял, раздувая ноздри...

Я ушёл из зала. Я не мог смотреть. Они мне до сих пор снятся – Потапов и этот нормальный пограничный конь...

ДРУГ ЮНОСТИ АЛЁША

Давно это было. Поручили тогда нам с другом написать историю одного предприятия. Это был один из тех нескольких сотен заводов, которые были построены в нашей стране в тридцатые годы. Приближался полувековой юбилей теперь уже крупного химического комбината, а тогда было принято к таким датам создавать книги, в которых был бы описан весь путь юбиляра, отмечены главные достижения, лучшие люди... В общем, вдвоём мы взялись за эту работу. Распределились – кому о чём писать, и приехали в совершенно нетипичный для Армении зелёный, лесистый край под названием Лори. А ещё обычно добавляли – армянская Швейцария.

Очень работающая эта зона славилась несколькими русскими сёлами. В них жили и не смешивались с местным населением так называемые молочкане: обыкновенные русские крестьяне, которые понимали христианство по-своему, за что и были сорваны царским правительством со своих родных мест и отправлены на поселение за Кавказский хребет. Выращивали хлеб, капусту, самые большие стада крупного рогатого скота были именно здесь. Короче, кормились сами и кормили других. А какие сыры делались! Рассказывали историю о том, что как-то на одной из зарубежных выставок лучшим был признан швейцарский сыр, сделанный в Лори. Много примечательного здесь, много выдающихся людей выбралось из этих гор на просторы не только России, но и всей планеты. Но я-то не об этом хотел... И стада упомянул неслучайно. Но – по порядку.

Стране тогда очень нужно было готовиться к обороне от возможных и уже реальных врагов. А для этого требовалось строить и строить. Повсюду поднимались заводы, фабрики, прокладывались каналы и железные дороги. Но для всего этого нужны были электроэнергия, железо, уголь, нефть – многое, без чего невозможно было крепко встать на ноги... И одной из главных помех было отсутствие достаточного количества карбида кальция. При острой нехватке электроэнергии электросварка применялась редко, поэтому без карбида тогда было совершенно невозможно что бы то ни было строить:

любая сварка металлов велась почти исключительно с помощью этого самого карбида, ацетилена, который из него получали. Именно поэтому в зоне, которая могла бы стать действительно похожим на Швейцарию курортным местом, строились известная тогда всей стране ДзораГЭС, описанная в романе Мариетты Шагинян «Гидроцентральный», и карбидный завод. Это потом, много лет спустя, он стал комбинатом, выпускавшим удобрения, синтетические корунды и много всяческих других химических хитростей. А тогда главной целью был всё же карбид.

Мы разговаривали со всеми тогда ещё жившими ветеранами стройки. Пятьдесят лет назад были они молодыми, ехали на стройку отовсюду, были готовы к любым трудностям. А вот этого как раз здесь было больше, чем нужно. И тяжкая работа, не прерывавшаяся ни днём, ни ночью, и голод порой, и отсутствие нормального жилья... А вспоминали они обо всём этом с какой-то... мечтательной дымкой в глазах, с незабытой романтикой юности.

И очень многие вспоминали про Алёшу. О нём говорили с особенной теплотой, стараясь припомнить подробности, так, как может говорить старый пулемётчик о своём «максимке», который в его руках и врагов косил, и тяжким проклятием был на плечах во время долгих переходов, и жизнь спасал в трудную минуту. И если израненный, убелённый сединами воин, вспоминая былые битвы, говорит: «Так жарко было, что я уже всем богам молился, а «максим» мой вдруг поворачивается и мне подмигивает – «прорвёмся, мол, не тушуйся...» – если боец и скажет такое, то вы верьте ему, нельзя ему не верить, потому что он всё знает про закадычного своего друга, порой очень говорливого, порой молчуна, иногда холодного, отчуждённого, а иногда горячего, своего стального, но – друга.

Вот так и про Алёшу рассказывали. За давностью лет то ли подзабылось кое-что, то ли очень хотелось рассказчикам, чтобы было именно так, но из многих воспоминаний Алёша вырастал легендарной глыбой, становился своеобразным символом стройки. Впрочем, может, так оно и было на самом деле?

Алёшей звали быка. Почему у него было русское имя здесь, в Армении, никто не знал, предполагали, что привели его на стройку из молюканского села. Не припомнил никто, и как он появился на строительстве. Видно, так, как все остальные быки и лошади: был мобилизован. Организовывался транспортный цех, а транспорт по тем временам в Караглисе и его окрестностях означал только одно: круторогую скотину да конское поголовье. Да и тех – попробуй достань! Попытайся убедить крестьянина, что какой-то там химический (слово-то какое непонятное!) завод важнее его собственного клочка земли! Исхитрись купить у земледельца его главного помощника, опору его дома, его дорогого «езо», которого и называли-то здесь не иначе, как «езоджан», «ахпер-джан». Братом называли.

С лошадьми – с теми оказалось проще: каким-никаким, а был Караглис местечком для отдыха, куда ещё с царских времён ехали «на дачу» барыньки из Тифлиса с детьми и гувернантками. А какой из уважающих себя подобных городков не имел тогда фаэтонов? И очень скоро кто-то из начальства обратил внимание на то обстоятельство, что фаэтоны простаивают почти три времени года из четырёх и что владельцы их, надо полагать, охотно пойдут на стройку вместе со своими лошадьми. Вот так и появился первый вид транспорта на стройке. Вскоре и быков пригнали. Вот тогда-то, наверно, и появился на площадке Алёша.

Он очень красивый был, красной такой масти. Огромный, мощный. Даже можно было не подходить, издали было видно, какая у него сила. Мы тогда

всё оборудование получали частями по железной дороге. Всё – огромное, тяжеленное. А от станции до площадки довольно далеко. Как перевозить? Устроили помосты на полозьях, запрягли лошадей, а они с места сдвинуть всё это сооружение не могут. Попробовали быков. Тот же результат. Тогда Алёшу привели. И – пошло дело! Уж сколько он перетаскал всякого железа – не сосчитать! Не один, конечно, других быков тоже впрягали, но Алёшу всегда коренным ставили, он прирождённый вожак был: как только он появлялся, все остальные работали изо всех сил. «Все остальные» – это я не только про быков. Мы ведь тоже на выгрузку приходили по несколько десятков человек. Дорогу расчищали, на буграх вместе с быками тянули канаты, сзади толкали, с боков плечами подпирали... Вместе мы работали, понимаешь? На равных!

Однажды что-то не такое большое тащили, не помню уже, что. И Алёша один был, и нас, ребят, человек пять-шесть. А тут, только немного прошли от станции, – дождь! Ну, это нам не страшно – лето, летом дожди короткие, да и жарко же. Дело не в этом. Дорога, волок этот, моментально раскисла, а нам как раз на бугор. Толкаем груз сзади, ноги скользят, чувствуем: помост назад подался, скатывается, и всё быстрее и быстрее. Мы жмём изо всех сил, но толку мало – съезжаем. Потом приостановились. Я сбоку стоял. Смотрю вперёд, а Алёша расставил ноги, буквально врос копытами в глину, на спине бугры собрались, держит, но на пределе держит...

И в этот момент он повернул голову и замычал. Да, конечно же, замычал, но в тот момент я услышал другое: «М-м-у-у-чаюсь! Помм-у-угите!»

Наверно, и другие ребята то же самое слышали. Разом как навалились, нажали... Пошло! Эх, Алёша! Держись!

Вытащили мы груз на бугор. А там уже попроще было...

Он любимцем всей стройки был! И так привык к работе здесь, что... Вот вы не поверите, а я чем хочешь поклянусь, что это правда! Он на работу по гудку выходил! Как гудок – он тут как тут. И, кстати, на перерыв – тоже по гудку. Вот один раз, говорят, я сам не видел, но ребята рассказывали... Тогда он тоже что-то тащил, а тут как раз подошло время перерыва. Бригадир вовремя сообразил, что к чему, и бегом к директору: что делать? У меня к монтажу всё готово, а Алёша сейчас остановится на перерыв. Его не заставишь!

Директор долго не думал, распорядился: «Гудок на обед не давать, пока Алёша не дотащит!». Вот такое было к Алёше уважение.

Один раз Алёша прихварывать начал. Худел, не ел ничего, силы на убыль пошли. Тогда повели его к ветеринару в город. Оказалось – Алёша зубы сломал. И ребята пустили шапку по кругу, собрали денег сколько надо и вставили Алёше зубы...

Не серебряные – золотые коронки вставили, кажется. Так говорили.

Стройка уже заканчивалась, пришла пора Алёше умирать. И отвезли его в горы, на луга, где цветы...

...Сколько в этих рассказах легенды, сколько правды? Кто знает? Да и надо ли знать точно? Старые бойцы помнили своего друга. Были, конечно, и люди трезвые, которые точно помнили, что со временем пустили Алёшу и его постоянного напарника Мишку в подсобном хозяйстве на мясо – трудно с продовольствием было, а говядина на дороге не валялась. Один кто-то точно вспомнил, что не мог есть в столовой это мясо... Скорее всего было именно так. Но как хотелось седым ветеранам, чтобы Алёша, друг их юности, по сей день гулял среди облаков на цветущих альпийских лугах и чтобы солнце блестело на его золотых зубах...

**Василий
КИЛЯКОВ**

СМИРЕНЬЕ, ЛЮБОВЬ И ПЕЧАЛЬ...

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Растаял снег, в лесу просторно.
Высокая сосна глядит во все концы.
В живой тени, раскинутой узорно,
звонят пичуги, словно бубенцы.

Там – расцвели в лещине верболозы,
здесь – лось ходил, оставил шерсти клок...
И ослепительно под солнцем из берёзы
стекает сок в пробитый котелок.

***

Кричит испуганная птица.
Ночь распахнулась, как крыло,
и на уснувшее село
холодный лунный свет ложится.

Я, очарованный луной,
смотрю на дальнее светило.
И вдруг очнулся: что за сила!
И что за бездна надо мной!

А там, в мирах иных полей,
так мрачно облака теснятся,
что хочется к земле прижаться,
как в детстве – к матери своей.

-
- Василий Васильевич Киялков родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1996, мастерская М.П. Лобанова). Публиковался в журналах «День и ночь», «Гостинный Двор», «Литературная учёба», «Наш современник», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», в газете «Литературная Россия» и других изданиях. Лауреат Всероссийских литературных премий «Традиция» (1996), им. Б.Н. Полевого (1996), премии «Умное сердце» (2010), премии «Дойче Велле» (Берлин, 1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» издательского совета РПЦ (2019). Член Союза писателей России. Живёт в городе Электросталь Московской области.

НОЧНОЕ

Река дышала, словно вечность.
Звенели жабы до утра,
ругая жизни быстротечность
и пламя моего костра.

Река плескала и дремала,
и девки пели на току...
Семья лосей переплывала
в восходе плоскую Оку.

Лось плыл и шевелил ноздрями,
хрипел, костра глотая дым,
и даже звёзды егерями
застыли, улыбаясь им.

Потом на берег первозданный
все выбрались –
и затрубил
сохатый дико и гортанно
в избытке грозных, дерзких сил.

...Рога, мухортые колени,
в ночи копыт тяжёлый стук...
Восторг, и радость, и волнение,
и – страх за эту красоту!

ПАМЯТНЫЙ ПОКОС

Извечной грусти полон зов кукушки,
и шапки пламени, и писк ольхи в костре,
и кислый квас из оловянной кружки,
и дальний окрик дружных косарей...

Как в этой зорьке ветрено и зябко!
Всё больше дел, всё меньше – сил и слов.
И долгий-долгий взгляд кухарки с тряпкой,
и сладкий пар вскипающих котлов...
Совхозные за речкою покосы,
и жеребёнка с маткой росный бег...

Кухарка девочка.
Мы счастливы и босы.
И долог день
как век.

***

Сентябрь, как крепкий тёрн на ветке,
созрел в замшелый день.
На гумнах ссорятся соседки,
а в сердце – сон и лень...
И ветер носит пух в навозе,
в хвосты толкает кур.
И гаснет солнце на морозе,
а луч его – что твой шампур!
Вот он пронзил подворье остро –
в застреху, в щель...
Летает пыль, соломы остье,
в луче от искр – метель!

Лежу в сенáх на сеновале –
и жизнь люблю.
И за бытийность эту в теле –
благодарю!

***

Подгорели листья клёнов,
и подсохла грязь тропинок.
Вьются в рощах отдалённых
нити светлых паутинок.
Ближе оклик журавлиный,
даль яснее, эхо глуше.
И заря костром калины
сентябрю рубаху сушит...

***

Вот октября последний тёплый взгляд,
осенних яблок спелый аромат,
их тяжкий стук в укроп, в сырую землю...
Всему я рад, всё чувственно приемлю:
осенние и светлые пруды,
и липовых аллей сквозное солнце,
и лодку с ржавым черпаком на донце,
и дальний свет предутренней звезды...

Пройду один, опять по грудь в тумане –
и с тихой радостью вдруг сердцем оживу:
нет, некуда спешить – и никуда не тянет.
Бортом хлебает лодка на плаву...
А завтра – глядь! – уже случайный снег –
безмолвно, медленно, волшебю, как награда...

Я на пороге – зрелый человек –
вдруг сам замру, жалея целину
осыпанного снегом сада.

ТЁЗКЕ ВАСИЛЬКУ

Цвет милый, синий, васильковый,
скажи, откуда ты?
Какого отчества и крова
твоя родня – цветы?

И вновь иду привычной ранью
во ржах тебя сорвать.
Как это радостно и странно:
цвести, существовать...

А человек – он схож с тобою:
любовью к белу дню,
любовью к солнцу, к непокою,
ко влаге на корню...

Зачем рождён я человеком,
не знаю я и сам.
Как ты, я в землю врос навеки –
а тянет к Небесам...

***

Я бы век промолчал здесь,
в берёзовой роще заречья:
словно вновь я вернулся на землю,
как будто бы жил уже здесь...
Всё по-новому ясно
и понятнее – всё человечье,
и теплее молитва,
и святая – любовь, а не месть.

Песню льёт жаворонок,
и пробуют голос кукушки...
Сколько здесь я дышу?
Полчаса? Или час?
Или день? Или век?
И берёз золотые, с поклоном верхушки
протянулись к небесной,
бездонной для всех синеве.

Как случилось,
что жизнь прокатилась
бесследно, не пыльно?..
Слишком рано, так рано
в туманы окуталась даль!

Не вернусь я сюда,
я уйду по дороге неторной, ковыльной –
в Небеса,
где смирение, любовь
и печаль.

**Ирина
САБЕННИКОВА**

ТАК ОНО БЫЛО

ИЗ ДЕТСТВА

У всех есть какие-то детские воспоминания, были они и у Раи. Смутные, отчасти рассказанные родителями или старшими, но всё же именно её. С самого раннего детства она очень остро чувствовала всякую несправедливость, не покорялась ей, не мирилась, а боролась, боролась теми средствами, которые у неё были.

И вот её вместе со старшей сестрой отдали в детский сад. Только что созданный детский сад в колхозе «Власть Советов» помещался в просторной избе, специально для него выделенной по решению сельсовета.

Дело было совершенно новое – советская власть решила «освободить» женщину, рабочих рук не хватало, и женские были ничуть не хуже мужских. От подсобного хозяйства женщин освободили, национализировав скот, теперь освобождали и от детей.

Председателем новообразованного колхоза, о чём трёхлетняя Рая знать не могла, был её отец, отвоёвавший в империалистическую, командовавший бронепоездом в гражданскую, квалифицированный рабочий и член большевистской партии, куда вступил по идейным убеждениям, по сути, сводившимся к вполне христианской идее: всем людям должно быть хорошо жить. Вот как члена партии его и послали в составе двадцатипяти тысячников создавать колхоз. По странному стечению обстоятельств колхоз «Власть Советов» должен был включать и то село, где Василий родился и вырос, где жили его родители и где его отец считался зажиточным крестьянином, ради чего сам всю жизнь работал не разгибая спины и сыновей заставлял. Василий был единственным, кто в шестнадцать лет вопреки отцовской воле подался в город.

Зная крутой нрав отца, Василий Семёнович некоторое время старался его уговорить добровольно передать скотину в общее

-
- Ирина Вячеславовна Сабенникова родилась в городе Балашове Саратовской области, окончила исторический факультет СГУ. Доктор исторических наук, член Союза писателей России, член-корреспондент Российской академии словесности. Автор пяти поэтических книг и пяти книг прозы. Публиковалась в литературных журналах «Вестник Европы», «Москва», «Волга–XXI век», «Российский колокол», «Свет столицы».

пользование, но такую справедливость отец понимать отказывался, и тогда сын открыл ворота и выгнал скот со двора. Отец этого не пережил, слёг и в скорости умер. Говорили, правда, что сына перед смертью простил.

Детей в саду набралось много, разного возраста, за всеми и не уследишь. Родители отдавали их в чужие руки, понимая, что там их хотя бы накормят и присмотрят, а значит, худого не случится.

Маленькая Рая принуждения не выносила, а тут такое: днём хочешь не хочешь укладывают спать, да ещё и раздевают, чтобы не сбежали. Она пыталась протестовать – не получилось, но спать всё равно не стала. Нянечки, уложив детей на пару часов, садились отдохнуть, посудачить, перекусить. Вот это и показалось ребёнку особенно несправедливым – «нас спать, а сами чай пить». Поскольку другой формы протеста, кроме как убежать, у трёхлетнего ребёнка не было, девочка, выбравшись с веранды, где спали дети, напрямик отправилась домой. Не найдя дома никого из взрослых, она для большей безопасности залезла под большую родительскую кровать, где лежала всякая ветошь и на лето были сложены половики, и, в ожидании родителей, уснула, не подозревая, какой переполох поднялся в деревне из-за её пропажи.

Ребёнка искали сначала в самом детском саду, потом по всей деревне Паново, заходя в сады и палисадники, и, наконец разделившись на группы, стали прочёсывать лес. Леса под Коломной хотя и не самые густые, но заблудиться и взрослый человек может, не то что ребёнок. Поиски не дали результата. А ребёнок спокойно спал под родительской кроватью, да так крепко, как умеют спать только маленькие дети. Проснулась Рая от голоса отца:

– Если б только найти Раечку, вот уж в сад бы никогда её не отдал, не для неё это, я же это знал!

Вот тут-то Рая и появилась из-под кровати с обычным для детей вопросом: – Правда, не отдашь?

В сад её, конечно, отдали, но не сразу, и даже некоторое время разрешили в тихий час не спать, а пить чай с нянечками, пока ребёнок не привык к режиму.

***

В Паново все были знакомы: бабушка, дядя – отцовские братья, их дети – Раины двоюродные и троюродные братья и сёстры, и она жила вроде как в одной семье. Назвали её Рая, точнее, не Рая, а Ираида – так её назвал отец (то ли имя показалось ему необычным, то ли звучание его напоминало ему раскаты молодецкого «ура»). Как известно, имя во многом определяет характер человека, а через это и судьбу, вот Ираиде, или, по-домашнему, Рае, и достался такой непокорный характер.

В Паново детвора не скучала – летом купались в Оке, зимой катались с крутого склона заснеженного оврага.

– Ра-й-а, иди р-жа-ны-е ле-пё-о-ш-ки есть, ба-буш-ка спек-ла! – кричал что было сил двоюродный брат Димка, и эхо его голоса разносилось по всей реке, рикшетило от берегов и звенело: «и-и-и-ди-и-и».

Рая бежала домой, а там на широкой чистой скамье, застеленной льняным полотенцем, бабушка раскладывала хлеб, и такой от него шёл аромат, что голова кружилась с мороза. Румяные ржаные лепёшки бабушка пекла на сметане, а поверх делала насечку ножом, чтобы ломать было сподручней. Разломишь такую лепёшку, а она внутри мягкая, лишь снаружи румяная

корочка. Правда, такое лакомство бывало нечасто, но тем более пропустить его было нельзя.

***

Колхоз «Власть Советов» был лишь маленькой каплей в коллективизации крестьянских хозяйств, развернувшейся по всей стране. Но страсти и там кипели нешуточные. Были те, кто Василия Семёновича поддерживал, но не все. Кое-кто оказался недоволен мягкостью председателя – коров и лошадей национализировал, а кур по домам оставил, да ещё у Мироновых корову не взял, пожалел. Правда, у тех Мироновых двенадцать детей – им без коровы не выжить, но всё равно мягкотел председатель.

Василий Семёнович знал, что на него писали в вышестоящие инстанции, оттуда предупреждали, что линию партии на коллективизацию нужно проводить жёстко, без сантиментов.

– Ну а дети-то как? – спрашивал он, понимая, что без молока на одной картошке детей не поднять.

– Сам думай, на то ты и поставлен, но у нас директива: скот обобществлять. И ладно бы козу какую оставил, а то корову! – наставляли его партийные товарищи.

К осени случилось и вовсе невероятное – пропал Вороной, председательский конь, на котором тот объезжал поля. Коня искали и в конце концов нашли отрубленную голову Вороного. Василия Семёновича обвинили во вредительстве. И хотя не было у него никакого резона убивать, да ещё так зверски, любимую лошадь, с председателей его сняли. Вызвали в Коломну, в райком партии, и там велели партийный билет сдать. Кто-то из друзей шепнул, что и «арестовать могут, разведись...» Он подумал и развёлся.

– Что, Шура, нам с тобой от этой бумажки? Мы же перед Богом венчаны. Венчаны! Вот перед ним и отвечать будем, не перед людьми, да и детей это, может, убережёт.

Детей, а их было уже пятеро, уберегло лишь отчасти. Василия Семёновича сослали в трудовой лагерь недалеко от Щурово на шахтинские работы, а семью поселили тут же, в посёлке, правда, не за колючей проволокой.

Рая к тому времени пошла в первый класс. Школа была за три километра. Под ногами глина, галоши в ней вязнут, вот-вот засосёт. Идти через овраг, а в овраге источник из земли бьёт. Возле того источника дети останавливались обычно воды попить. Вода леденящая, зубы даже летом сводит, но ребята на спор пьют: кто больше стопок за раз выпьет. Больше пятнадцати никто не выдерживал, правда, потом можно было соревноваться по новой.

Школу любили все – в школе печка, тепло, дощатые полы натёрты валенками до блеска, а в коридоре ряды галош – без них на улицу не выйдешь – сияют литой резиной, точно жуки. Рая училась хорошо: быстро стала читать да и писать тоже, а уж как научилась, принялась читать всё подряд, что в школьной библиотеке могла отыскать. Эта страсть к знаниям осталась у неё навсегда.

Василий Семёнович проработал в трудовом лагере недолго, в стране набирала темпы индустриализация, кадровых рабочих не хватало. А тут ещё Малышев – первый нарком тяжёлого машиностроения и товарищ его по МВТУ с проверкой на Коломенский паровозостроительный приехали – завод расширять собирались. Выяснилось, что единственный специалист по работе на тяжёлых станках в трудовом лагере землю роет. Стали разбираться, почему да за что, но концов не нашли. Вернули на завод масте-

ром, предложили восстановиться в партии, всё-таки партийный стаж у него с гражданской войны был. Только Василий Семёнович отказался:

– Не чувствую себя достойным.

Так беспартийным и остался.

– Мне руководящих постов не надо, а на своём я и без партбилета сгожусь.

В ЗАГС с женой тоже не пошёл.

– Лучше мы с тобой, Шура, так, без бумажки, мы же венчаны, а то сама знаешь – «сегодня пан, а завтра пропал».

Детей у них было уже семеро, их нужно было кормить, обувать, одевать, а все девочки. Ещё в ранней юности, до революции, Василий Семёнович работал в портняжной мастерской, учился на закройщика и неплохо шил, было у него абсолютное чувство формы, что для закройщика самое важное. Люди жили бедно, купить не то что готовую одежду, а даже материал могли позволить себе не все, вот Василий Семёнович и стал ночами шить, а больше перешивать и перелицовывать – делать из старого новое. И это его умение семье очень помогало. Девочек он тоже своему мастерству учил, кроме Раи, та ему по ночам, когда он шил, книги вслух читала. Он же сам их прежде не читал, не до того было.

– Что ж ты Раю-то шить не учишь? – спрашивала жена.

– Надо будет, и сама научится, пусть читает, видишь, какая она любопытная.

В редкие праздники или выходные Василий Семёнович ходил по окрестным деревням, брал заказы, а то и шил сразу на месте, мерку снимал на глаз и не ошибался. Его ждали, платили кто чем мог, большей частью продуктами. С ним, чуть подросла, ходила Галя, помогала – порола, смётывала.

Рая отца обожала, была между ними какая-то внутренняя связь, которая не всегда возникает между родителями и детьми. Ей нравилось в нём всё: и умение говорить с людьми самыми разными, и врождённая доброта, особенно к детям, которых он любил всех – и своих, и чужих, без разбора, а ещё пытливые желание понять другого человека, не отмахнуться с порога его точку зрения, а именно понять. Знал он всех – от директора завода до дворника. Среди бесчисленных знакомых отца был и местный священник. Жил он на соседней улице, но часто приходил и в их дом, что по тем временам не приветствовалось. Говорили о религии, о Боге, всё больше спорили. Рая часто слушала эти споры, но не могла понять, что отец находит в этом попе. В школе говорили совсем другое.

Иконы в их доме были, да и праздники праздновали – и новые, советские, и церковные, особенно шумно и радостно, когда те совпадали.

Из детства Рая помнила забавный случай. Только что построили дом, целый посёлок выстроили для рабочих Коломенского завода. Дом пах смолой, хвоей и свежим деревом, детские голоса звонко отдавались в пустых комнатах, все готовились к Рождеству, мыли полы, убирали строительный мусор, и вдруг:

– Хозяева, гостей не ждали?

Дядя Иван, папин брат, со всем своим многочисленным семейством пожаловал в гости.

– Ты что, Иван, до праздника-то ещё неделя, перепутал, что ли? – переполошилась мать.

– Неделя? – дядя Иван рассмеялся. – А и хорошо, что неделя, вот всю неделю и гулять будем, вон у вас какие хоромы-то. Зря, что ли, приехали?

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ...

Сирена завывала неожиданно. Она выла тревожно и низко. От этого воя сводило живот и почему-то хотелось куда-нибудь спрятаться. Мама металась по дому, не понимая, что нужно взять с собой, потом схватила за руку Верочку и Бориса и потянула к двери.

– В картошку – быстро! – подталкивала она перепуганных детей и, оглянувшись на старших, растерянно жавшихся друг к другу, командовала:

– В поле бегом, там не заметят.

Сирена выла не прекращая, казалось, что вот-вот произойдёт что-то страшное. Галя с Раей выскочили вслед за матерью из дома и побежали в сторону картофельного поля. Соседи тоже бежали – кто к полю, некоторые к посадкам – как и они, напуганные воем сирены.

– Ложитесь, между рядами ложитесь! – причитала мать, толкая на землю младших и укрывая своим телом двухлетнего Борю.

Перекрывая вой сирены, прогремел взрыв, потом другой, третий.

– Гром, что ли?

Галка плюхнулась на живот между кустов цветущей картошки так, чтобы видеть сестру.

– Облаков же нет, откуда ж грому-то? – засомневалась Рая, переворачиваясь на спину, лежать вниз носом ей совсем не хотелось, да и пропустить можно самое интересное – сирена же не просто так воеет.

Снова что-то грохнуло где-то в районе паровозостроительного.

Рая приподняла голову над кустами картофеля, успев заметить, как со стороны завода полыхнуло, точно молния ударила.

– Ложись, я сказала! – прикрикнула на неё мать. – Голову руками закрой, не смотри!

Рая спряталась за кусты, но не смотреть вверх не могла. Небо было такое синее, глубокое, и что-то гудело где-то совсем рядом, почти над ухом.

– Шмель, что ли? – подумала девочка, скосив глаза на бело-синие цветы с яркими жёлтыми пестиками.

Шмеля видно не было.

Гул нарастал, он больше не был похож на жужжание и почти слился с сиреной и вдруг перекрыл, заглушил её.

Совсем низко на бреющем полёте над картофельным полем шёл самолёт. На буро-сером фюзеляже Рая отчётливо видела чёрные кресты. Самолёт немного накренился, и девочка увидела лётчика в лётном шлеме и больших очках, он смеялся, видя лежащих в междурядьях картофеля людей. На короткий миг их взгляды встретились, и Рае показалось, что человек перестал смеяться.

Самолёт выправился, набрал высоту и ушёл на Запад. Над полем, точно накрыв его со всех сторон, синело летнее небо. Звенели цикады. Девочка вдруг поняла, что вой сирены прекратился, стало тихо. Она села. Где-то между рядами примятого картофеля плакал напуганный Боря. Мать, отряхиваясь, поднялась, взяла его на руки.

– Ироды, завод бомбили, – произнесла она устало.

– Немцы? – с удивлением спросила Рая.

– Кто ж ещё? Фашисты!

Из картофельных кустов показалась белокурая головка Галки, чуть дальше запачканное землёй лицо Верочки.

Рая помотала головой, она никак не могла взять в толк, как тот лётчик мог сделать что-то плохое, он же смеялся, и глаза у него были светлые

и совсем не злые. Фашисты в её представлении должны были быть совсем другими.

— Ну вставайте, вставайте, что на земле лежать-то. Галь, а ты дверь в дом прикрыла?

КИРОВ

Рая не понимала, что происходит, она попала в какой-то заколдованный мир, где либо ужасно жарко, так жарко, как и летом не бывает, даже если уснёшь на солнцепёке, либо жутко холодно. Девочка очнулась от стука собственных зубов, зубы помимо её желания выбивали нервную дробь, и, словно подчиняясь этому ритму, непроизвольно вздрагивало и всё тело. Открыла глаза: ставни закрыты, темно, на неё сверху навалили, кажется, всё, что было в доме: одеяла, пальто, даже матрац.

— На вот, выпей лекарство, доктор сказал, поможет.

Рая попыталась открыть рот, ничего не получилось. Мама приподняла голову и, всунув между зубов край эмалированной кружки, влила в рот что-то горькое.

Озноб сменился жаром.

— Выбраться надо отсюда, выбраться, я же умру.

Рая елозила под кучей одеял, стараясь их с себя сбросить, сил не хватало.

— Галь, помоги, скидывай их на пол, видишь, задыхается.

— Да что с ней такое? — Галя ничего не понимала, она была напугана: её старшая сестра, всегда такая заводная, теперь даже одеяла откинуть не может.

— Малярня. В дороге, наверно, заразилась, страсть-то какая! — причитала мать.

— Она умрёт?!

Галя уже видела смерть, но, когда умерла её новорождённая сестрёнка, это было не страшно — просто уснула, и всё. Да она с ней и подружиться не успела. С Раей же они не разлей вода — погодки, везде вместе.

— Бог с тобой, что говоришь-то, лекарство доктор прописал новое, выздоровеет Рая, сильная она.

Через несколько дней температура спала, Рая попросила есть. Галка кормила её как маленькую, с ложечки, подкладывая, что могла, со своей тарелки, хотя есть и самой хотелось — отцовской рабочей карточки на всех не хватало, да ещё сестрёнка Наташа только что родилась, мать её кормила.

Рая действительно была сильной, вроде сама небольшая, худенькая, но воля железная, не согнёшь.

Как только перестало качать из стороны в сторону, тут же отправилась в школу. В Киров эвакуировали не только паровозостроительный завод, но и школу, класс присоединили к местному 6 «В». Местные смотрели на эвакуированных снисходительно — оно и понятно, без них в городе было спокойней да и сытней. Приезжие держались все вместе, если дрались, то тоже сообща, стояли друг за друга, не уступали. Потасовки случались часто.

Здесь, в Кирове, с едой было немного полегче, по крайней мере, в детской кухне можно было получить стакан молока для самых маленьких. Матери было некогда, она работала, за молоком ходила Рая. Двухлетнюю Верочку сажала на закорки, четырёхлетнего Борю вела за руку, а самой-то только 12 исполнилось. Молоко полагалось только Верочке, но братика одного

дома не оставишь, да и ему что-то перепадёт – молоко или кусочек булочки: женщины в детской кухне сердобольные, у самих дети. Поэтому Рая водила обоих, хоть и тяжело. Возьмёт молоко и булочку, между детьми разделит, а сама отвернётся, есть же хочется, лучше уж не смотреть. Потом обратно домой. Боренька слабенький, устаёт, но на руки двоих не возьмёшь, вот и приходится идти долго, с остановками. Потом по дому что-то делать, отец на заводе и ночует, ему еды надо отнести, мать к ночи приходит. Ещё и уроки. Галка, конечно, помогает, но ответственность всё равно на ней, на старшей.

Зимой Раю оформили на завод, отец похлопотал, семья почти голодала, ей выдали рабочую карточку, а это 800 граммов хлеба. Цеха холодные, завод в чистом поле поставили на скорую руку и тут же запустили – фронту нужны были танки. Раю взяли чертёжницей – надо было переносить чертежи на металл.

Металлический лист клали на мёрзлую землю, и Рая ползала по нему на коленках, отмечая и расчерчивая необходимые детали. Огромный холодный лист был точно лёд, через час такой работы ноги уже ничего не чувствовали. Хотелось в школу, девочка начинала представлять, как там ребята, что делают, и постепенно забывала о холоде. Потом вспоминала о маленьких, за ними присматривала Галка, её на завод не взяли.

– Вырасту, война кончится, буду учиться! – решила она тогда.

КАРТОЧКИ

Из эвакуации семьи вернулись раньше, завод всё ещё оставался в Кирове. Нужно было опять налаживать жизнь. В эвакуации она пропустила целый учебный год, пока работала на заводе, и теперь должна была учиться классом младше. Их прежний класс разделили – мальчики и девочки учились теперь отдельно, правда, дружить они продолжали как и прежде – жизнь в эвакуации всех сплотила, но ходили в разные школы. Рая, понимая, что она сильно отстала от своих сверстников, старалась наверстать упущенное и больше занималась. Отоваривать карточки ходила Галя.

Перед хлебным прилавком толчея, все торопятся, толкаются, всем надо скорей на работу. Галку тоже толкают: «Не зевай, бери быстрее! Что стоишь, дай другим уже!» Там любой растеряется, тем более ребёнок.

Пришла домой, карточек нет. Галка вывернула карманы, вытряхнула сумку – нет. Прошла назад до хлебной лавки, оглядывая дорогу, – всё бесполезно. Спросила продавщицу, не находила ли, та развела руками – какое там, в толчее разве что углядишь!

Плач сестры Рая услышала раньше, чем вбежала в дом. Галя в слезах, и мать с полотенцем в руках, разгорячённая, с каким-то совершенно отчаянным, несвойственным ей выражением лица. Что случилось, девочка поняла быстро.

– Не надо, мама, не надо! – Она встала перед матерью, закрывая собой сестру. – Мы что-нибудь придумаем.

– Да что вы придумаете, подождем все! Есть-то что будем, что малышам дам, вон ревут...

Мать была в отчаянии. Отца не было, посоветоваться было не с кем. Карточки выдавали на месяц, и теперь вся семья была лишена хлеба, купить на рынке денег не было. Помог случай.

***

– Ты что такая? – Валя с любопытством заглянула в лицо одноклассницы. – Помер, что ли, кто?

– Галка карточки потеряла, – отозвалась та непривычно глухим голосом и вдруг вспомнила, что Валькина мать приторговывала на рынке грибами, она и сама это не раз видела.

– Валь, а ты за грибами ходишь?

Валя отвела глаза, её уже школьная учительница попрекала за то, что мать торгует на рынке, мол, она пионерка и должна с ней работу провести. А теперь ещё и эта задавака, что от неё ждать?

– Слушай, а ты нас с Галкой с собой не возмёшь?

Валя прищурилась: Рая была не из тех, кто о чём-то просит, к тому же таких, как она, значит, дела совсем плохи. Сознать, что от неё теперь зависит отличница Райка, было приятно.

– Ясно дело, голод не тётка, вам теперь и грибы сойдут, – начала было она, но тут же осеклась под взглядом строгих серых глаз и уже обычным голосом спросила:

– Корзинки-то есть?

Рая кивнула.

– Тогда после уроков, – бросила девочка и первой вошла в школу.

Лес был за городом, и добраться до него оказалось непросто, вряд ли бы сами и справились, да и в лесу они почти не бывали. Валя же чувствовала там себя как дома – то под кусты шмыгнёт, то за деревьями затеряется. Рая боялась её потерять и всё больше следила за одноклассницей, чем искала грибы. Грибов она тоже не знала, приходилось всякий раз спрашивать: «Этот съедобный? Посмотри, этот взять можно?» Валя сердилась или делала вид, что сердится, чувствуя, что без неё девочки словно дети беспомощные.

– Смотрите, какие я собираю, такие и берите, а то ещё потравитесь, меня обвинят, – отзывалась она.

– Как за тобой смотреть? – не выдержала Рая. – Ты ж всё время убегаешь.

– Так в лесу же, здесь дороги нет! – откликнулась та, вытаскивая очередной гриб прямо из-под Раиной ноги.

– Ну её, Вальку, за ней разве угонишься! Давай лучше на опушке, тут хоть не заблудимся, – попросила Галя, которая боялась потеряться ещё больше сестры.

Валя появилась из чащи довольно скоро.

– Ну всё, пошли, я корзинку набрала, – деловито заявила она, демонстрируя полную бельевую корзину отборных белых грибов.

У Раи с сестрой и на двоих столько не было.

– А как же мы, мы-то ещё не набрали, – попыталась возразить Галка.

– Кто ж тебе виноват, не на прогулку, чай, приехала! – заметила Валентина и, повернувшись, направилась в сторону дороги, заметно склоняясь под тяжестью своей ноши.

– Хотите – оставайтесь, – бросила она, не оборачиваясь, – только скоро смеркаться начнёт.

Оставаться одним в лесу сёстрам не хотелось, и они, переглянувшись, пошли за Валентиной.

На рынок Галка отправилась сама, она была побойчее, и торговать у неё получилось значительно лучше.

– А вот грибы лесные, подходите, не стесняйтесь, покупайте! Для супа, для жарёвки! Кто грибов не купил, не проходите мимо! Да вы понюхай-

те, понюхайте, пахнут-то как! – тараторила она, суя гриб под нос какому-нибудь притормозившему гражданину.

– Дяденька, жена вам спасибо скажет – грибы что мясо, берите, недорого, а то мне домой уже надо.

Грибы она продала и деньги какие-никакие за них выручила.

НЕСЛОЖНЫЕ СПОСОБЫ ВЫЖИВАНИЯ

В конце зимы разрешили пилить на дрова пни, оставшиеся от лесозаготовок. Пни кряжистые, древесина жёсткая, не всякому мужчине под силу такой спилить, куда там девочкам. Но дрова заканчивались, топить дом было нечем. Старшие работали, так что опять Рае с Галкой пришлось брать санки, двуручную пилу и идти вместе с другими в лес, где из снега едва выглядывали спилы деревьев. Сначала девочки притапывали вокруг такого пня снег, чтобы пенёк стал повыше, а потом пилили. Руки быстро уставали, спина ныла, но уйти было нельзя – тут же бы кто-то прибрал спил, и пришлось бы пилить другой с самого начала. Работа была тяжёлой, а закончить её нужно было до темноты. Спиренный кругляк закатывали на санки и вдвоём тянули за собой. Пока шли по опушке, было ещё ничего, но, как только выволакивали санки на мост, тянуть становилось невмоготу – снег с моста сошёл, и по асфальту нагруженные санки скользить никак не хотели. Девочки разделялись – Рая тянула за верёвку, Галя толкала, потом наоборот. Домой они добирались лишь к ночи, уставшие и голодные. Да и дров от такого пня хватало ненадолго, и снова приходилось идти на вырубку, где пней с каждым разом становилось всё меньше.

***

– Мама, давай мы картошку почистим, – приставала к матери Галка, – мы с Раяй быстрее управимся, а ты отдохни немножко.

– Сейчас дочиху, передохну, – отмахивалась от неё мать, доставая из ведра очередную картофелину.

Детей в семье семеро, чистить приходилось большую кастрюлю.

– Что это мать сама взялась чистить? – не могла взять в толк Рая, так как чистка картофеля была их с Галкой обязанностью.

Картошку они чистили наперегонки, соревнуясь, у кого шкурка будет тоньше. Есть особенно было нечего – картошка да хлеб, так что такое мастерство ценилось.

– Не видишь, что ли, какую кожуру она оставляет, это ж пол-картошки счищает! – прошептала недовольно Галка, вслух критиковать мать она не решалась.

– Давай ей скажем... – Рая собралась войти в кухню.

– Не ходи, – предупредила сестра, – рассердится. Она ж очистки Мусе носит, голодают, говорят, они.

Татарин Муса жил в конце их улицы в неказистом домишке, и было у него девятеро маленьких детей и больная неработающая жена. Вечно болеющие, бедно одетые, дети сторонились своих ровесников, вероятно, стесняясь этой своей бедности. Известие о том, что мать сама взялась чистить картошку потому, что девочки слишком тонко счищали шкурку, поначалу возмутило Раю: «А мы-то как же, нам разве не голодно?!» Но тут же ей стало стыдно: «Мы-то понятно, Мусе с малышами тяжелей».

– Мам, – не выдержала Рая, – ты правда очистки Мусе отдаёшь?

Мать, не ожидавшая такого вопроса, возможно, и не подозревавшая о наблюдательности детей, смутилась. В самом деле, своих семеро, кормить нечем, а она...

– Мам, – опять раздался голос дочери, – а что ж они с очистками делают-то?

– Суп хоть сварят, – откликнулась мать, – у них-то совсем ничего нет.

– Так снеси им картошки, – тут же предложила сердобольная Галка.

– Да как снеси, у нас этой картошки и до весны не хватит, – заметила мать с горечью.

Вид у неё был подавленный.

– Ладно, мам, давай мы дочистим, – Галка взяла у матери нож, – мы аккуратно.

***

К весне картошка действительно закончилась. Есть хотелось всё время, младшие плакали, ничего не понимая и прося что-нибудь покушать, а кормить их было нечем. Кто-то из соседей разведal, что под снегом остался неубранный с осени картофель, из которого можно приготовить крахмал, из крахмала напечь блинов. Это выглядело настолько заманчиво, что девочки вместе с соседкой отправились на поле. Снег уже сходил, ледяной наст крошился под ногами точно сахар, кое-где уже чернела земля. Её как могли разрывали в поисках неубранного картофеля. Собранные заледеневшие картофелины скидывали в корзину и несли домой сушить. Сушили на печке, а когда картофелины рассыпались в белый крахмал, пекли оладьи. Дома был праздник, блинов не видели года четыре, а маленькие так и вовсе не знали, что это такое.

Ночью у Раи поднялась температура, открылась рвота и начались судороги. Перепуганная мать побежала за врачом, тот, узнав о картошке, поставил диагноз: отравление соланином. Девочку отвезли в больницу, сбор картофеля на крахмал запретили, поле перепахали. Сладковатый вкус перемороженной картошки преследовал её потом всю жизнь.

На выпускной вечер отец сшил Рае тёмно-синее платье с маленьким белым воротничком, и это было её первое нарядное платье. Оно не досталось ей от сестёр, а было сшито именно для неё и из нового материала. Отец выменял этот материал и две ночи кряду шил. Дочь вертелась рядом, объясняя, что именно она хочет.

В этом платье Рая поехала в Москву поступать в институт.

**Владимир
ГУСЕВ**

Окончание. Начало в № 4 2023

ВЕЛИКАЯ УТРАТА

Историческая повесть

Журнальный вариант

В ТЮРЬМЕ

В карцере Мариупольской тюрьмы было сыро и зябко, и к тому же с потолка постоянно капала вода. Избитый, весь в синяках, Фёдор лежал на деревянных нарах и ощупывал свои рёбра – не сломаны ли они? Окружной суд Казани приговорил Чайкина, у которого нашли документы на имя Варфоломея Стояна, к 12 годам каторжной тюрьмы. Но, поскольку Фёдор молчал, где находилась икона, то в Сибирь его решили не ссылать, а отправили по этапу на малую родину, в Екатеринославскую губернию, в исправительное учреждение города Мариуполя.

Фёдор прибыл в Мариупольскую каторжную тюрьму в декабре 1904 года. Начальник тюрьмы был предупреждён, что к нему заедет такой необычный сиделец, кроме того, в тюрьму пришло секретное распоряжение из Санкт-Петербурга, из Министерства внутренних дел: любым путём принудить Чайкина сознаться, куда тот дел две украденные иконы.

Главному тюремному управлению Российской империи постоянно не хватало кадрового состава. И хотя через тюремную систему можно было войти в высшие чины государства без связей и денег, служить в тюремном ведомстве никто не хотел, особенно на низших должностях – смотрителей и надзирателей. Многие помнили поговорку: кто в палачах да в вертухаях¹ бывал, тот в рай не попадёт, вот и не шли на службу в тюрьму молодые крестьяне да рабочие. Поэтому отношение ко всем надзирателям и младшим чинам, которые несли службу в российских тюрьмах, со стороны начальства было по-хозяйски бережливым, им прощались некоторые шалости, навряд ли издевательств над сидельцами или подпольной торговли среди заключённых.

При этом в каждом исправительном учреждении в любые времена случается такое, что службу несут изуверы, садисты, которым нравится избивать заключённых, мучить их на почти законных основаниях. Некоторые люди специально идут в тюремщики, чтобы потакать своим тёмным наклонностям. Они упивают-

---

¹ Вертухай (жарг.) – тюремный надзиратель.

ся своей властью над заключёнными, возможностью доминировать, пытать людей. В том числе, двое таких надзирателей было и в Мариупольской тюрьме. Один из них – малоросс Павло Доценко, второй – русский Степан Гальцев. Оба были физически крепкими, широкоплечими, с большими кулаками. Павло был более внушительной комплекции, чем Гальцев. После разговора с начальником тюрьмы, который поставил задачу – добиться, чтобы Фёдор любыми путями сознался, куда дел иконы, они в ситуации лёгкого возбуждения, в предвкушении садистского наслаждения от грядущих экзекуций вышли из кабинета начальника и направились в камеру, куда посадили Чайкина.

– Чайкин, на выход, – с ехидной улыбкой, открывая дверь камеры, слегка гнусавым голосом сказал Доценко. – Ну-ка, пойдём с нами..

Фёдор, почувствовав недоброе, спросил:

– Зачем?

– А мы тебе расскажем, Федя, сейчас всё узнаешь, – загадочно ответил Фёдору Гальцев.

После прохода по узкому тюремному коридору надзиратели и Фёдор оказались в пыточной камере. Сама камера была абсолютно пустой, с лавкой у одной стены, для отдыха надзирателей, и с большим ржавым крюком, который висел с середины потолка. Рядом с лавкой стояло большое ведро с водой. Надо сказать, что во времена Николая II, по сравнению с действиями чиновников Тайной канцелярии времён императора Петра Первого или царицы Екатерины Великой, экзекуции заключённых стали намного гуманнее. Арестантам уже не выжигали на лбу слово «вор», не рубили руки или пальцы, не рвали ноздри и не выкручивали руки на дыбе. Но традиции суровой российской тюрьмы продолжали культивироваться, поэтому изощрённые пытки, берущие своё начало в средневековье и связанные с членовредительством, сменились обычными избиениями. Надзиратели связали Фёдору впереди руки и так подтянули к потолку, что он еле-еле носками своих тюремных башмаков касался пола.

– Нам начальник велел спросить у тебя, Федя, где иконы, которые ты из монастыря украл? – спросил Гальцев.

Фёдор выдал из себя подобие улыбки:

– Так я на следствии и на суде уже рассказывал, господа надзиратели: иконы сжёг, бриллианты пропил.

– Пропил, говоришь? – вступил в разговор Павло. – Сколько же ты будешь перед нами «ваньку ломать», Федя, а? Это же надо было десять лет пить. А я посмотрю, у тебя здоровья-то вагон целый. Сейчас мы тебе его разгрузить поможем..

Раз – и кулак Доценко врезался Фёдору под правое ребро, пробил печень.

– А-а-а, суки! Твари конченные, – Фёдор поджал ноги и взвыл от боли.

– Давай, давай, ори больше!

Второй удар ногой, кирзовым сапогом по мягкому месту заставил Фёдора поджать ноги и закрутиться на крюке..

Опять удар в живот, потом сзади, по почкам, снова в живот. Надзиратели хорошо знали своё дело. Когда Павло запыхался и присел на лавку отдохнуть, то в дело вступил Гальцев. Но бил он слабее, так как уступал Доценко в силе.

– А что, Павло, по лицу-то его бить можно? – спросил у Доценко Гальцев.

– Давай, для порядка... А-а-а, лучше я сам... На, получай! – с этими словами Доценко вскочил с лавки, и его крепкий кулак смачно припечатал

Фёдорову скулу. Из глаз подвешенного Чайкина посыпались искры, он потерял сознание...

Вот тогда-то и увидел он в первый раз Богородицу. Увидел словно наяву. Она была в длинном багряном одеянии с головы до пят, а лицо её так и светило небесной красотой.

– Кто ты? – мысленно спросил Фёдор.

– Я та, в кого ты не веришь, Федя. Чью икону ты из монастыря похитил...

– Так тебя же нет, Матушка...

– Для всех – нет, а для тебя есть. Ты же сам к моему лику прикоснулся. Помнишь, что почувствовал тогда? Тепло от иконы моей ощутил? И сейчас я к тебе пришла, чтобы утешить да укрепить. Потерпи, Фёдор, деваться-то всё равно некуда... Терпи муки земные...

– Не убьют они меня? – мысленно спросил Фёдор Богородицу.

– Не убьют, но бить будут. Не в последний это раз... Потерпи, Фёдор. Уповай на Бога. Он наша помощь и щит. Зубы стисни и жди, пока мучители устанут, а сам молитву читай. Как немощоту станет, позови меня, я приду к тебе снова. Не оставляю я тебя теперь, и Сын мой Божественный не оставит. Ты нам теперь не чужой. Терпи...

– Как же так, Матушка? Икону своровал – и не чужой?

– Бог милостив к разбойникам. Самое главное – не убивал ты, душегубом не был, о близких своих заботился, падчерицу растил как дочь родную, с друзьями честным был. А так, вспомни – первым в рай за Христом вошёл разбойник, который на соседнем кресте раскаялся. Поэтому – уповай на Бога и терпи.

Как сквозь вату Чайкин услышал далёкий гнусавый голос:

– Э-э-э, ты что же это, Фёдор, помирать собрался? Мы так не договаривались, ты живой нам нужен. Ну-ка, Стёпа, окати его водой, – сказал Доценко Гальцеву.

Тот плеснул в лицо Фёдорову кружку воды. Чайкин открыл глаза.

– Давай в карцер его, пушай освежится... Слышь, Федя, сейчас тебя в карцер поведём. Ты там немного посиди, а мы через пару-тройку деньков снова тебе в гости придём, может, что и вспомнишь.

Подошли надзиратели оттащили Чайкина в сырой карцер и бросили на нары.

Избиения продолжались с периодичностью раз в неделю, потом Фёдора опять вели в карцер. Иногда били припасённым сыромятным кнутом, полосовали по обнажённой спине вполсилы, чтобы Чайкин не умер от болевого шока, но чаще – кулаками и ногами. Кормили плохо – вода и кусок хлеба, иногда давали баланду, жидкий суп. В то же время в столицу, в Главное тюремное управление и Министерство внутренних дел, постоянно шли письма, отчёты, как надзиратели «работают» с заключённым, какими способами выбивают из него признание, и что он пока молчит. От постоянных побоев и скудного питания Фёдор Чайкин начал таять, жизненные силы стали потихоньку уходить из него.

***

Стоял июль 1906 года. Российский самодержец Николай II смотрел на бьющие фонтаны и тёмные воды Финского залива из своей резиденции в Петергофе. В Петергофе прошло детство царя. Николай помнил и свои игры в прятки среди пышных аллей, и строгий нрав отца, и ласковые руки матери, и учителей своих, мучивших его иностранными языками и естествен-

ными науками. Как бы было хорошо вернуться туда, в беззаботное, безоблачное детство.

«Хорошо здесь всё-таки, Боже, как же хорошо! Хороша Россия-матушка, всего-то у нас вдоволь: и ископаемых, и земли, к урожаю пригодной, и золота с серебром, и руд разных... Сейчас вон дорог железных понастроили, через всю страну, почитай, скрепляем громадную территорию воедино. Одно плохо – народец российский своенравен и норовист больно. Права им подавай, как во Франции. *Liberte, Egalite, Fraternite* – Свобода, Равенство, Братство. «Отречёмся от старого мира». Пovyлазили изо всех щелей студентки, гимназисты, рабочие, инженеришки, опять же. Революционеры нашлись, понимаешь. Баррикады, Красная Пресня, стрельба по солдатам и казакам. Это мыслимо ли – крестьяне, тягловые людишки, на селе помещицЫ усадьбы жгут? Поганый народец место своё забыл», – так думал Хозяин Земли Русской – Великий царь и самодержец Николай Александрович.

Да, бои в Москве в 1905 году были жестокие. В октябре 1905 года во время мирной демонстрации в Москве черносотенцем Михалиным был убит известный революционер, большевик, уроженец Казани Николай Бауман. Похороны Баумана превратились в грандиозную рабочую демонстрацию, которая в дальнейшем перешла в вооружённое восстание. В декабре 1905 года большевики вывели на баррикады второй российской столицы примерно шесть тысяч человек. На Красной Пресне, на знаменитой текстильной фабрике «Трёхгорка» была создана настоящая пролетарская республика, во главе которой стоял Совет рабочих депутатов. Здесь были своя комендатура, куда дружинники приводили задержанных подозрительных лиц, продовольственный комитет, организовавший питание бастующих рабочих, финансовый комитет, помогавший семьям, революционный трибунал, судивший предателей и провокаторов. У восставших не хватало оружия, поэтому они дежурили по сменам. В основном у рабочих дружин были револьверы, гораздо реже – ружья и винтовки, многие были вооружены только холодным оружием. А у царских войск были пушки и пулемёты.

До прибытия регулярных войск из Санкт-Петербурга генерал-губернатор Москвы Фёдор Дубасов никак не мог справиться с мятежниками. Часть московского гарнизона сочувствовала восставшим, поэтому неблагонадёжных солдат наглухо заперли в казармах. И только прибытие регулярных армейских частей и казаков из столицы позволило переломить ситуацию в пользу царского режима. 18 декабря 1905 года дружинники Красной Пресни прекратили сопротивление, декабрьское вооружённое восстание потерпело поражение. У рабочих революционной Москвы было мало опыта и оружия. При организации сопротивления им явно недоставало тщательно разработанного плана. Большевикам не удалось привлечь на сторону революции армию, в целом царь и его окружение взяли ситуацию под контроль. Однако итоги вооружённого восстания 1905 года вызвали у правящей династии шок.

Николай II ждал премьер-министра и одновременно министра внутренних дел, бывшего саратовского губернатора Петра Столыпина с докладом о революционной ситуации и розыске иконы Божией Матери, похищенной два года назад святотатцами в Казани. После убийства министра внутренних дел Вячеслава фон Плеве исполняющим обязанности министра был вновь назначен Пётр Дурново, выходец из древнего дворянского рода, который было рьяно начал наводить порядок и подавлять революционные выступления народа. Но так как он уже прославился по всей столице своими любовными похождениями и громкими скандалами, даже рукоприкладством, то для этой беспокойной должности нужен был другой человек, с одной стороны, урав-

новешенный и семейный, с другой стороны, решительный и не погрязший в столичных интригах. Выбор пал на саратовского губернатора Петра Столыпина, беззаветно любившего свою красавицу-жену, нарожавшего с ней кучу детишек и не связанного со столичными порядками, царскими чиновниками, «серыми кардиналами» российской политики.

Столыпина как человека решительного и жёсткого царю порекомендовал военный министр Александр Редигер, генерал, потомственный дворянин немецкого происхождения, который, будучи поставленным царским указом на должность в 1905 году, внимательно следил за ходом крестьянских бунтов в губерниях. В 1903 году сам Столыпин был назначен губернатором большой, но беспокойной, «бунташной» Саратовской губернии. К поздней осени 1905 года революционный огонь охватил все десять уездов Саратовской губернии, особенно сильными выступлениями крестьянской бедноты были в Балашовском уезде, в селах Малая Шитнёвка и Малиновка. Столыпин, поначалу терпеливо увещевавший крестьян и всячески отговаривавший их от бунта, постепенно устал, у него «закончились речи», и он напустил на бунтовщиков казачьи части. А те и рады стараться, начали плетьюми запирать крестьян до смерти. За два дня в Малиновке было насмерть забито сорок два «красных» крестьянина. В Малой Шитнёвке плетьюми заporоли четырёх активистов из крестьянской бедноты, да так, что снимали их с лавок, на которых porоли, уже мёртвых. А пятый избитый, крестьянский парень, был жив и ещё стонал².

– Куды его, господин есаул? Живой ведь ещё, – спросил командира карательной сотни, молодого, но шустрого офицера пожилой бородатый казак.

Есаул ответил:

– На телегу и в уезд вези, в больницу. Может, спасут ещё. Казачки, слушай мою команду: по коням, выдвигаемся!

По дороге выпоротый молодой парень умер.

– Кажись, помер. Куды его, ваше благородие? – опять спросил казак есаула.

– Выкинь в овраг.

– Да что же мы его как собаку. Хоть похоронить надо, православный ведь.

– Вот ещё, время на погребение тратить. Он бунтовщик. Бунтовщик против царя и законной власти. Делай, что приказано. Иначе самому велю плетей всыпать заслушание.

– Есть, ваше благородие! – скрепя сердце бородатый казак выкинул труп крестьянина в овраг.

«Зелёный, а борзый уже такой, сучонок. Ничего, дай только срок, нарвёшься на своих!» – нелестно подумал он про есаула.

Стычки бедноты и зажиточных крестьян в губернии обострились, жертвы исчислялись сотнями. Столыпин в своём письме к жене так описывал эти события: «Пугачёвщина растёт – всё уничтожают, а теперь ещё и убивают. Вчера в селе Малиновка осквернили Божий храм и вырезали 40 человек». Жестокость порождает жестокость, и там уже не разберёшь, кто начал, кто прав, кто виноват, смерть и насилие со всех сторон. Однако решительность Столыпина и его стремление к наведению порядка не остались незамеченными при дворе. Опять же – русский дворянин Пётр Столыпин родился в Дрездене, был крещён в православной дрезденской церкви. Детство и юность он провёл в Вильно, был на государственной службе в Ковно и Гродно, в запад-

² Небесный Саратов <https://om-saratov.ru/blogi/10-november-2014-i16913-nebesnyi-saratov-6-raspros>

ных губерниях Российской империи. Иными словами, Пётр Аркадьевич был западником до мозга костей.

Вдобавок к революционному бунту в Москве и в крупных губерниях в начале 1906 года добавился бунт на Транссибирской железной дороге. Железнодорожники с лозунгами «За трудовые права, повышение заработных плат и восьмичасовой рабочий день» брали власть в крупных городах, стоящих на Транссибе, в свои руки. Усмирять бунт на железной дороге «с беспощадной строгостью» царём были призваны генералы Павел фон Ренненкампф и Александр Меллер-Закомельский, которые применяли против восставших пушки и пулемёты, без колебаний выносили смертные приговоры и вешали бунтовщиков прямо вдоль железнодорожного полотна. Любимый краткий приказ потомка тевтонских рыцарей барона Меллер-Закомельского: «Пятьдесят плетей – и расстрелять»; любимый приказ генерала Ренненкампфа: «Вешать!». Царские слуги расстреливали, вешали, пороли, выбрасывали из домов на улицу семьи казнённых.

Сам «карательный» поезд генерала Ренненкампфа представлял из себя передвижную крепость: на первых вагонах видны были дула пушек и стоявшие со штыками солдаты, на последующих вагонах выставлены пулемёты, числом до двадцати, со стоящими позади наводчиками. На площадках вагонов стояли офицеры на карауле. В двух вагонах, охраняемых солидным конвоем, находились заложники из числа бунтовщиков. Подобным жестоким карательным мерам неорганизованное население российских городов противостоять не могло³. А иностранцы, путешествующие в те дни по России, поражались российскому варварству и бесчеловечности царской власти, вешавшей людей прямо на столбах вдоль железной дороги ради устрашения: «Прямо как в Древнем Риме, где рабов после восстания Спартака распинали на крестах, стоявших вдоль пути в Вечный Город».

– Да, страшен бунт народный, подавляем, как можем. Жестокие времена требуют жестоких мер. А тут ещё история с иконой этой... – Мысли Государя так и возвращались к казанской краже.

Когда икону в Казани похитили, Николай подумал:

«Ну всё, началось. Икону – покровительницу дома Романовых, похитили. Заварила чёрная каша, теперь быть беде на земле Российской».

И точно. После кражи Казанской иконы Божией Матери начинаются и самые тяжёлые поражения на Востоке империи, в Русско-Японской войне, и Кровавое воскресенье, и вся революционная смута 1905–1907 годов. Очень странно и мистически тревожно переплетались даты тех событий. Уже не было тех победных лозунгов, ура-патриотических настроений, как в начале японской кампании. «Да мы, Великая Россия, япошек шапками закидаем», – писали ведущие газеты в январе 1904 года. А после кражи иконы – поражение за поражением. Слушание дела в Казанском окружном суде началось в те дни, когда японцы шли на очередной штурм крепости Порт-Артур. В день оглашения вердикта Казанского суда японцам удалось овладеть господствующей над Порт-Артуром высотой, и они начали вести прицельный огонь по русским военным кораблям, стоящим на рейде. Царь часто думал на эту тему.

В январе 1904 года тогдашний военный министр Алексей Куропаткин обвинил министра внутренних дел Вячеслава фон Плеве в содействии раз-

³ Ушерович Саул. Смертные казни в царской России https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009352405/

вязыванию войны с Японией, на что тот ответил: «Чтобы удержать народ от революции, нам нужна маленькая победоносная война». Так вот, та предполагаемая победа, «лёгкая прогулка по Дальнему Востоку» на деле обернулась поражениями при Мукдене и Цусиме, а затем унижительной капитуляцией гигантской Российской империи перед крохотной Японией, по которой к противнику отошла южная часть Сахалина с прилегающими островами, Ляодунский полуостров с военно-морскими базами Порт-Артур и Дальний, часть Южно-Маньчжурской железной дороги. Царь Николай II в своих мыслях напрямую увязывал эти события – поражение в войне с восточным соседом и революцию 1905–1907 годов – с утратой Казанской иконы Божией Матери.

С другой стороны, летом 1904 года в царской семье произошло долгожданное для всей Российской империи и радостное событие. 30 июля 1904 года, через месяц после кражи икон из монастыря, в царской семье родился наследник престола, царевич Алексей.

«Может, дождусь я благосклонности от Божией Матери и божественного её Сына, может, упасёт Господь меня и мою семью от предсказанного тяжёлого жребия», – так думал царь Николай.

Ещё отроком во дворце царь слышал о предсказаниях то прозорливого монаха Авеля, то святого Серафима Саровского по поводу собственной судьбы. Когда царь женился и взошёл на престол, то его ознакомили с подлинником завещания монаха Авеля, которого за его идеи и видения великая царица Екатерина II заточила в каземат. Авель в подробностях предсказал гибель царя, всей его семьи и крах династии Романовых. Иовом многострадальным назвал молодого Николая: «На венок терновый сменит он венец царский, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий». Предсказания Авеля хранились в тетради в особой комнате Гатчинского дворца, в пакете от прапрадеда Павла I, с его собственноручной надписью: «Вскрыть потомку нашему в день столетия Моей кончины». В задумчивости вышел молодой царь из дворца после оглашения Авелевых пророчеств⁴. Сразу вспомнилась коронация молодого монарха, площадь Ходынская в Москве, сперва ликование, а потом паника, давка, смятение. Народу погибло много, подавили люди друг друга в толпе. 1400 погибших и 900 покалеченных – настоящая трагедия. Тогда думалось – может, случайность, нелепое стечение роковых обстоятельств. Потом прославление преподобного Серафима Саровского в 1903 году в Дивеево, на котором присутствовали Николай II и вся его семья. Блаженная столетняя старица Паша Саровская тогда долго с царем говорила, и вышел он от неё расстроенный, даже «горько плакал». А царица, также присутствовавшая при разговоре, не сдержала себя и закричала на людей: «Не может такого быть, чтобы мы погибли. Не верю».

А потом – Кровавое воскресенье 1905 года, и это уже была не случайность, а головотяпство генералов да полицмейстеров столичных.

«А виноват всегда кто – царь, – думал Николай II. – Кто будет разбираться, кто приказ отдал на стрельбу? Царь был на Дворцовой площади? Не был. А где был? В резиденции своей, в Царском Селе. А что, народ испугался? Нет, не испугался, просто отдыхал в воскресный день, руководил подчинёнными по телефонному аппарату. А делегацию рабочих с жёнами да детишками готовился принять? Нет, не готовился, думал, за него всё министры сделают. А министры да генералы – дуболомы российские. Куклы

⁴ Житие Авеля Пророчателя. – М.: «Сибирская Благовонница», 2013.

деревянные. Так кто же приказ на стрельбу по мирной демонстрации отдал? Кто велел казакам протестующих на Невском проспекте плетью да шашками сечь? Болваны придворные, а не генералы».

По характеру своему царь Николай II не был плох, он не был жестоким или сумасбродным правителем, прозвище Кровавый к нему прицепилось во многом несправедливо, благодаря западной «демократической» прессе, ненавидевшей российскую монархию. Только часто царь российский был суеверен и нерешителен, генералам и полицмейстерам своим чрезмерно верил, боялся резких поступков и любых перемен. «Надо, чтобы всё чинно было, чтобы порядки завести, как при прапрабабушке Екатерине Великой. Она-то вон сорок лет правила, с Вольтером и Дидро дружбу водила, Европу и Турцию на колени поставила, а зачинщика бунта Емельяна Пугачёва как есть четверговала. Надолго тогда забыли про бунты. И вот опять».

И ещё – царь Николай II боялся. Часто он бывал нерешителен именно из-за боязни. Всех боялся, всё своё многочисленное окружение – дворян, военных, заговорщиков, революционеров, бомбистов, студентов, каторжан. Здесь сказывалась генетическая память, опыт прапрапрадеда Петра II, отрёкшегося от престола и убиенного после переворота, устроенного Екатериной II. И опыт прапрадеда Павла I, убиенного пьяной толпой военных в Михайловском замке, на отстранение которого от власти дал добро его старший сын, будущий царь Александр I.

«Так Александр Павлович не знал, что до убийства дойдёт. Как можно предположить, что пьяные офицеры в запале сотворят, – так оправдывал Николай II произошедшее. – А дед мой, царь Александр II, – он-то чем был для народа плох? Царь-освободитель, крепостное право отменил, шесть покушений пережил, а на седьмой раз всё-таки взорвали его, гады. Неймётся погани всякой, не живут спокойно люди».

Любому человеку свойственно ошибаться. Но ещё важнее, как, каким образом человек исправляет свои ошибки. Последний русский царь Николай Александрович понимал, что совершил роковую ошибку в Кровавое воскресенье 1905 года, однако вместо её признания и предоставления народу, разным сословиям и чинам свобод и поддержки от государства Российского напустил в 1905–1907 годах на простых людей, рабочих да крестьян до зубов вооружённые воинские части, солдат с пулемётами да казаков с шашками. Послушал приближённых своих, которые говорили: «Русский народ надо пороть. В повиновении, в стойле держать, чтобы бунты не учиняли». Знаешь о пророчествах грозных, о тернистой судьбе своей, о мученическом венце – будь милосерд, заступайся за подданных, жалей и поддерживай людей, а не направляй на них винтовки. А если по-другому – здесь уж, конечно, жди беды. А пришла беда – открывай ворота.

За этими невесёлыми мыслями застал царя приехавший в Петергоф премьер Столыпин:

– Разрешите, Ваше Величество.

– Да, Пётр Аркадьевич, проходите, дорогой друг. Как борьба с бунтовщиками? В каких губерниях сейчас неспокойно?

– Ваше Величество, я составил подробную докладную записку. В целом принятые меры дают результат, казаки и военные своё дело знают. Бунты идут на спад.

– На спад – это хорошо. Почитаю тогда ваши документы. А как расследование по краже в Казани? Икону Казанскую ваши люди часом не нашли?

– Не нашли, Ваше Величество, ищем.

– Так поторопитесь, милейший Пётр Аркадьевич. Найти икону – очень важно не только для меня и моих близких, но и для всей матушки России. С истории Казанской иконы во многом началась история государства Российского. Так что – ищите, ищите. А этот разбойник Чайкин где сейчас сидит?

– На родине у себя, в Малороссии, Ваше Величество, в Мариупольской городской тюрьме. Суд казанский его на родину отправил, в Екатеринославскую губернию.

– Так вы его потрясите, поднажмите на него, чтобы сознался.

– Трясём, Государь, допрашиваем, стараемся, как можем. Ежедневно Чайкин подлежит экзекуции. И выпытывают надзиратели, чтобы сознался. Но пока молчит, стервец.

Царь задумчиво посмотрел на Столыпина:

– А что, Пётр Аркадьевич, Чайкина в тюрьме бьют?

Тот утвердительно кивнул:

– Конечно, бьют, Ваше Величество. Когда кулаками, а когда – кнутом. Где это видано, чтобы в тюрьме да и не били! Надо из него признание-то вытрясти, куда он икону дел.

– А Чайкин что?

– Молчит, Ваше Величество, терпит и молчит. Посмеивается иногда сквозь зубы. А так, всё своё твердит: икону сжёг, бриллианты прокутил с полюбовницами своими. Это ж как кутить надо было, чтобы такие суммы потратить! Всего за неделю. Только вот...

– Что только?

– Угасать он как-то начал, Ваше Величество. Врач тюремный, его осматривающий, пишет в докладной: соки жизненные из Чайкина уходят, как бы не помер.

Царь изменился в лице, в глазах блеснули искры раздражения:

– Приказываю вам прекратить пытки и избиения!

Столыпин настаивал:

– Государь, но ведь надо, чтобы он сознался, куда икону дел.

– Если, не дай Бог, помрёт, то мы точно ничего не узнаем. А будет жив – хоть надежда есть какая-то, что сознается. Может, совесть его замучает?

– Чайкин и совесть? Помилуйте, Ваше Величество. Эти понятия несовместимые.

Царь разозлился и сердито молвил:

– Знаете, дорогой Пётр Аркадьевич, мы тоже хороши. Власть наша от Бога, но творим дела не богоугодные, а, напротив, богомерзкие. Вот и наказание нам. То эскадру потопят, то революцию устроят. Ещё раз говорю вам: не бить! Ни кулаками, ни кнутами. Сегодня же в тюрьму отпишите. И вообще, прекращайте практику с экзекуциями да вешаньем. Это вы в Саратове, на прежнем месте службы, научились? Вы знаете, что петли на верёвках теперь «стольпинскими галстуками» прозывают, а лично вас – «обервешателем»?

Столыпин нахмурился:

– Да, знаю, Ваше Величество, слышал об этом.

– Так делайте выводы, милейший Пётр Аркадьевич. А то как бы за вас эти выводы не сделали революционеры. Не бить. Не пытаться. Быть гуманнее. Чтобы не говорили наши друзья на Западе, родственники мои в Германии да Великобритании про варварскую страну с её жестокосердным начальством. Как же так, вы – министр, а по вашему приказу наш несчастный народ мучают?

– В России, Ваше Величество, несчастных нет. Есть только Ваши подданные – одни законопослушные, а другие – преступники.

Царь укоризненно покачал головой:

– Ваши слова, Пётр Аркадьевич, да Богу в уши. Несчастных нет – а все бунтуют. Идите и подумайте над моими словами. Гуманнее надо быть, милосерднее...

– Хорошо, Ваше Величество. Я всё сделаю, как Вы сказали.

С этими словами Столыпин покинул кабинет императора.

И точно, здесь царь Николай II как в воду глядел. Через месяц, 12 августа 1906 года, на Петра Столыпина в его доме на Аптекарском острове было совершено покушение представителями партии социал-революционеров. Бомбы для покушения на премьера были сделаны в мастерской в московской квартире и доставлены в Санкт-Петербург.

Около четырёх часов пополудни у подъезда дома Столыпина на Аптекарском острове остановилась повозка с откидным верхом, из которой вышли два жандарма с портфелями в руках. Они неспешно зашли в дом и направились к кабинету премьера. Волею судьбы эти два «жандарма» оказались подозрительными швейцару и заведующему охраной генералу Александру Замятнину. Они подметили небольшую деталь: на посетителях были каски старого образца. Швейцар дома бросился наперерез жандармам, а генерал – в приёмную, чтобы предупредить Столыпина. И тут происходит вот что. Жандармы отпихивают швейцара, врываются в приёмную, где уже всё перекрыто генералом, секретарями и многочисленными просителями. Они видят, что до кабинета Столыпина им не добраться, и с силой бросают свои портфели на пол с криком: «Да здравствует революция!» Стены дома сотрясает мощнейший взрыв.

В результате взрыва на Аптекарском острове погибли 27 человек, 70 человек были ранены, шестеро из них умерли на следующий день. Дочь Столыпина Наталья получила тяжелейшую травму ног, оставшись калеккой на всю жизнь, сын Аркадий получил перелом бедра. Сами террористы, генерал Замятнин и швейцар были разорваны на куски, но премьер-министр не только остался жив, но и не получил никаких травм. Единственное – взрыв, сотрясший комнаты, подбросил в воздух чернильницу, которая, перелетев через голову Столыпина, облила его чернилами. В ходе полицейского расследования было установлено, что каждая из бомб, лежавших в портфеле, весила не менее шести килограммов, преступление было организовано на деньги, украденные в результате вооружённого налёта на банк Московского общества взаимного кредита 7 марта 1906 года.

После взрыва на Аптекарском острове популярность российского премьер-министра в столице значительно выросла. Столыпин не только не попросил у Государя разрешения уйти в отставку, но и показал пример мужества и самообладания, которые не каждый государственный чиновник способен был продемонстрировать после столь кровавого покушения на свою жизнь. Через 12 дней после теракта, 24 августа 1906 года, был опубликован указ царского правительства, согласно которому в местностях, находящихся на военном положении, вводились военно-полевые суды-тройки для ускоренной расправы над революционерами. Разбирательство по конкретному революционному делу военно-полевым судом ограничивалось двумя днями, а исполнение приговора, как правило, смертного, осуществлялось в течение суток. Три дня – и расстрел. И опять завертелось колесо смерти, загуляла лихая кровавая вьюга по просторам российским.

***

Заключенный живёт надеждой. Надеждой, что закончатся мучения его, освободится он, увидит своих родных и знакомых. Вот и Фёдор знал, что всё это закончится, что выйдет он на волю всем смертям назло и, может, даже поквитается со своими обидчиками. Когда били, Фёдор молился, всё было легче, боль уходила, приходил покой. А в тревожных тюремных снах стала ему видится икона Казанская, как будто Богородица с иконы говорит с ним. Младенец Иисус молчит и всё как-то смотрит укоризненно, а Владычица с Чайкиным разговаривает. После таких снов у Фёдора появлялся злой огонь в глазах:

– Всё одно – выйду я отсюда! Мы ещё посмотрим, чья возьмёт, господа надзиратели. А уж выйдя, доберусь до кого-нибудь из вас, по кусочку буду резать, зубами рвать, всё вспомню вам, гады! Умою вас вашей же кровью, вертухай проклятые.

Через три месяца, уже зимой, из Санкт-Петербурга в Мариупольскую тюрьму пришло высочайшее указание министра внутренних дел Столыпина: Фёдора Чайкина не бить, оказывать только психологическое давление, может, сломается и скажет, где похищенные иконы. С тех пор надзиратели Фёдора не трогали, его перевели в общую камеру на двадцать человек, которой руководил «Иван»⁵. «Ивана» звали Матвей Бурлаков, или Мотя, большой тюремный «авторитет», небольшого роста, с тяжёлой нижней челюстью и крепкими кулаками, всю жизнь по тюрьмам... Мотя был вором с репутацией, в своё время знал и Мыколу Грека, и одесских биндюжников, и крымских, и кавказских, тифлисских и бакинских воров. Вокруг Моти постоянно крутились блатные, так называемая «шпана», которые выполняли за «авторитета» всю грязную работу: подай-принеси, приберись, курево раздобудь, по ушам надавай, если не слушают. В первый день сидения в общей камере Фёдор рассказал о себе, что сделал, за что сидит. Мотя, грузный, чем-то напоминающий учителя Фёдора Мыколу, растягивая слова, нараспев, ответил:

– Да мы уже слышали, мил человек, кто ты таков. Ладно, от начальства тюремного твёрдое указание: тебя не обижать. Говорят, сам министр Столыпин за тебя просит. Пальцем тебя здесь никто не тронет, я тебе обещаю. Хотя было бы неплохо, если бы ты про иконы рассказал нам, где их спрятал.

– Оклады с бриллиантами прокутил, иконы сжёг, – как скороговорку, быстро сказал Фёдор.

Мотя криво усмехнулся:

– Это нам известно... Ну да ладно, сидеть долго тебе ещё, может, и вспомнишь чего поподробнее. Занимай шконку свободную, да не у поганого места, а в середине где-нибудь. Ну-ка, подвиньтесь там, освободите место для хорошего человека. Вопросы если будут какие, курево нужно, продукты или деньги – ко мне обращайся сразу, без боязни, чем смогу – помогу тебе.

Так Фёдор стал жить в тюремной камере вместе с ворами и убийцами. Надзиратели его не трогали, боялись, только «шпыняли» в бессильной злобе. То тычок, то подзатыльник от них нет-нет да и прилетал Фёдору. Давление на него стало больше психологическое: косые взгляды, перешёптывания, провокации на драку. Когда же Фёдор с кем-нибудь ссорился, его волокли в карцер, но опять же не били, а только не давали спать, стучали железными ключами по массивной двери, да и кормили как с помой-

⁵ «Иван» (жарг.) – авторитет в дореволюционном преступном мире, аналог «вора в законе».

ки. Но после зверских избиений, порки кнутом эти трудности нашему герою были как и не трудности вовсе, а так, прогулка лёгкая по набережной Волги или Днепра. Только барышни с зонтиком не хватает.

Летом 1906 года Чайкин замыслил побег. Удобного момента пришлось ждать недолго, и в августе Фёдор воспользовался представившейся возможностью, сделал подкоп и бежал из Мариупольской тюрьмы. На перекладных добрался до Казани, провёл там несколько дней, проверил тайник на Арском кладбище. Тайник в склепе был цел, даже все маячки схрона, скрученные проволоочки, специально положенные в определённых местах небольшие камешки – все они были на месте. Забрав небольшую часть припрятанных денег, Фёдор было начал искать Прасковью. Но Кучеровых – Прасковьи и Жени, и Елены Ивановны Шиллинг и след простыл.

Через несколько дней Фёдор заметил за собой слежку, наверное, донёс кто-нибудь или по приметам опознали. Из Казани пришлось срочно уезжать. В поездках картёжничал, обыгрывал разных недотёп. Попал в Ярославль, был схвачен при налёте на ювелирный магазин и препровождён в Ярославское охранное отделение, строгую тюрьму для каторжан, насчитывающую более трёхсот заключённых. В тюрьме хорошо освоил ремесло кузнеца, основательно закрепил навыки, полученные в молодые годы. Там же, в Ярославле, Фёдор Чайкин впервые близко столкнулся с политическими, многие из которых мыкались по застенкам и каторгам после революционных событий 1905 года.

Политических в Ярославле было не так много, человек пятьдесят из трёхсот сидельцев. Держались они особняком, и в определённой мере противостояли блатному миру, ворами и убийцами. Друг за дружку были горой, обращались друг к другу уважительно: «Товарищ». Среди политических считалось, что, если сядешь за Великую Идею, за мысли и дела, способствующие свержению царизма и построению новой жизни, то из тюрьмы можешь выйти только окрепшим. За хорошие деньги надзиратели приносили заключённым газеты, поэтому политические более или менее представляли то, что происходило на воле, в крупных городах и губерниях России. Фёдора не сразу, но приняли в свою компанию, приняли за дерзость суждений, за пытливость ума, недюженную любознательность и умение постоять за себя, что в тюрьме очень ценится.

– Молодой ещё, такого можно нашими идеями завлечь, – думали про него старые революционеры, сидевшие за «политику» уже не по одному разу.

Чайкину потихоньку, неспешно начали рассказывать про великих пролетарских вождей – Карла Маркса и Фридриха Энгельса, про «Капитал», про «Манифест Коммунистической партии», про партию большевиков РСДРП, про труды товарищей Ленина и Троцкого. «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»⁶. Так как политические заключённые были людьми начитанными, то говорили они с Фёдором Чайкиным и про Достоевского, и про Льва Николаевича Толстого, и про Пушкина с Некрасовым. Интересно было Фёдору с ними, потихоньку начал он внимать, проникаться социалистическими идеями. Начал проходить «тюремные университеты».

А те из политических, кто помоложе и кто слышал историю Чайкина в подробностях, думали, глядя на него: «Вот молодец какой, он один царю столько вреда принёс, сколько мы всей артелью революционной не принесли. Умыл весь двор царский с иконами крадеными».

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.

В 1912 году Чайкин был переведён из Ярославля в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму на острове Орешек под Санкт-Петербургом, где и сидел до Февральской революции.

СОТРУДНИК ЧК

1 марта 1917 года заключённый Фёдор Чайкин вышел за ворота Шлиссельбургской каторжной тюрьмы⁷. Освобождали заключённых по приказу Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который на первом же своём заседании в феврале 1917 года принял решение об амнистии. «Волею восставшего народа», под честное слово – не грабить и не воровать, из Шлиссельбурга было освобождено около тысячи человек, из которых политических было всего семьдесят. Начальник тюрьмы Василий Зимберг под давлением новой власти сложил с себя полномочия и сдал прибывшим рабочим ключи от крепости.

Вот она, долгожданная свобода! Было обеденное время, день выдался погожий, по-весеннему солнечно и тепло, щебетали воробушки, первые пучки зелёной, пробивающейся к свету травы проглядывали то тут, то там сквозь весенние проталины. Фёдор, отвыкший от яркого света и солнечных лучей, от души потянулся, так, что аж хрустнули кости.

– Куда ты теперь, Фёдор? – Молодой караульный Егор Хватов было тоже потянулся на весеннем солнце, но при этом спохватился, сжал в руках винтовку и пристально уставился на бывшего арестанта. – Родня-то у тебя есть?

– А, Егор... Куда глаза глядят... Сейчас время новое начинается, лихому человеку в такое время сподручнее, – с улыбкой ответил Чайкин. – А родню поискать придётся. Как-никак, 13 лет по застенкам мыкаюсь... Родню найти – вот задача. Может, на родину поеду, в Екатеринослав... Может, в Мариуполь. А может, в Казань поеду, там родню, жену с дочкой, буду разыскивать.

– В Казань? И не боишься? Не пристукнут там тебя за дела молодости? За икону краденую да сожжённую? Святотатство ведь.

– Сожжённую, говоришь? – Фёдор как-то скривился с недобрим прищуром, приоткрывшийся рот обнажил передние сколотые зубы... – Не мели, Емеля, чего не знаешь!

И вдруг по-хитрому перевёл тему разговора:

– А ведь слышал ты, Егорка, скоро Бога власти отменят. Совсем отменят.

– Бога отменят? Это как так можно – отменить?

– Человек займёт место Бога. Человек – хозяин нового мира.

Егор недоверчиво продолжил:

– Человек вместо Бога? Как же это так? Кто же это поведал тебе такое, Фёдор?

– Кто поведал, кто поведал? Были люди, вот и поведали... Молодой ты ещё, поживи с моё. Поживёшь подольше – узнаешь побольше.

– Фёдор, а тюрьмы отменят новые власти? Тебя вон выпускают, и ещё других сидельцев сколько освободили из острога, а среди них и убийцы, и грабители. Может, и тюрьмы отменят, и преступников не останется?

⁷ Версию о том, что Фёдор Чайкин вышел в 1917 году из тюрьмы и в дальнейшем служил в ЧК, поддерживают казанские краеведы Любовь Агеева и Анатолий Елдашев. https://kazan.aif.ru/society/10-let_vozvrashcheniya_kazanskoj_chudotvornoj_5_maloizvestnyh_faktov_o_svyatyne

– Да нет, Егор, пока человек есть, и тюрьмы нужны будут. Говорю же, молодой ты ещё. Не видишь правды среди лжи, леса за деревьями. Человек – тварь грешная, мысли у людей чёрные, верить никому нельзя. Я смотрю – хороший ты парень. Вот мы сейчас с тобой говорим, а попался бы ты мне в притоне в молодые годы, среди водки и девочек, так, может, насадил бы тебя на перо. Просто так насадил бы, за то, что вертухай.

Егор изменился в лице. Пальцы ещё сильнее впились в трёхлинейку. Чайкин засмеялся и продолжил:

– Да успокойся ты, бедолага. Пугаю я так тебя. Вот видишь, какой ты доверчивый. Я в молодые годы отчаянным был – и дрался, и за нож хватался, но не сейчас... Сейчас другой я стал, знаешь, тюрьма-то – она даром не проходит. Другой-то – другой, а только в праведники записываться опоздал уже. Поэтому думаю так: будем жить как живётся, кого пограбим, кого обманем, а кого и прибьём ненароком, по мере необходимости. А может, так станется, что к революционерам подамся. К новой власти прибьюсь. Раз Бога отменят – не в монахи же идти. Хоть какое-то время на свободе погуляю. Только вот знаешь, Егор, Бог-то – он всё равно есть, иначе бы вообще в мире всё было верх тормашками...

– Слышь, Фёдор, а скажи на прощанье, может, и не сжёт ты икону-то Казанскую? – Тут уже Егор любопытно, как-то недобро посмотрел на Чайкина. – Может, схоронил ты её до времени, а там оклад, бриллианты от императрицы...

– Ты же газеты читал, Егор. Написано же было: бриллианты императриц российских с женщинами прокутил, каждую любовницу свою одарил камнями царскими, любовниц много было, а икону сжёт в печи. Газетам-то верить надо. А что до остального – сам знаешь, какие зубры в застенках меня пытали, и если им ничего не сказал, то, думаешь, тебе скажу?..

Пойдя прочь, но обернувшись вполоборота, напоследок Фёдор сказал караульному:

– Ты знаешь что, Егорка, бросай службу-то тюремную, в Петроград двигай, там сейчас дела крутые заворачиваются. А то, если в тюрьме будешь отсиживаться, для всех виноватый будешь, кто-нибудь тебя да и шлёпнет, молодого. А тебе ещё жить, жениться, детушек рожать для России-матушки. Ну, бывай, друг Егорка.

Фёдор Чайкин, чуть прихрамывая, припадая на левую ногу, пошагал прочь от тюремных стен. Пошагал навстречу новому миру, красным бантам и знамёнам, навстречу вооружённым солдатам и матросам, Временному правительству и Советам народных депутатов. Пошагал бывший каторжанин и тюремный узник Фёдор навстречу революции, чтобы быть заверченным, закрученным бурными событиями. Или убитым быть, стинуть в водовороте революционной пучины, или, напротив, самому начать убивать, напиться досыта кровушки обидчиков своих – тюремщиков, надзирателей, судей да прокуроров, а потом, после грозной мести своей, и самому отправиться навстречу той, ради кого он рисковал, ради кого всю свою репутацию лихого человека, честного вора-домушника на алтарь судьбы положил, как кладут на картонный кон последнюю монету в надежде отыграться. На каторгу, на тюрьму, на позор себя обрёл, из честного домушника клюквенником сделался, а ведь клюквенник – хуже душегуба.

– Ну, хоть одно доброе дело, да есть за мной. Икону-то спасли. Цела икона-то. Где только она? Зачтётся мне поступок этот на том свете. Так что выше голову, Федя Чайкин, первым делом – в кабак, а там – как масть воровская в революционную эпоху ляжет. Найти надо икону, постараться

найти. И схрон мой цел, надеюсь, каменья там, риз золотых да серебряных обрезки...

***

Дождавшись вечернего парома с тюремного острова, Фёдор ночью прибыл в Петроград. Столица наутро встретила его бурлящими людскими массами, то тут, то там ему встречались вооружённые солдаты, матросы, офицеры, даже генералы и адмиралы царские с нацепленными красными бантами, везде висели лозунги: «Да здравствует революция!», «Нет войне!», «Нет буржуям и помещикам!», «Долой царизм как пережиток прошлого!». Как и обещал себе, Фёдор первым делом отправился в питейное заведение, трактир на Невском проспекте. Взял маленький штоф водки и пару пива, сухой рыбы, чтобы закусить, взял на заранее припасённые в тюрьме небольшие деньги, но пить не хотелось. «Странно, – подумал Фёдор, – а ведь когда сидел, думал, выйду и напьюсь вволю, и вот свобода, а пить-то и не хочется».

Не допив вторую кружку пива, он вышел на улицу и не спеша отправился по Невскому проспекту в сторону Московского вокзала. На углу Невского и Екатерининского канала, недалеко от Казанского собора, построеного в честь победы в Отечественной войне 1812 года, на деревянных стульях сидели молодежавый унтер-офицер в морской форме и ещё один матрос, перед ними был письменный стол с бумагами, рядом толпились люди... И у матроса, и у офицера на груди были приколоты красные банты. Офицер давал матросу указания, и он опрашивал и записывал подходящих людей, в основном мужчин. На столе была табличка: «Запись добровольцев в ряды Рабоче-Крестьянской Красной гвардии». Фёдор остановился у стола, присмотрелся, подумал: «А может, попробовать. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Может, оружие дадут какое, да за новую власть с этим оружием повоюю. А может, и мучителей своих, тюремщиков царских, навещу... Россия хоть и большая, но кого-нибудь из надзирателей-душегубов точно встречу».

Чайкин спросил:

– Кто последний?

Перед Фёдором стоял молодой белобрысый парнишка, безусый ещё. Сказал:

– Пятеро нас перед тобой. Вставай, мил человек, и жди очереди.

Когда подошла очередь, унтер-офицер строго спросил:

– Кто таков? Назовись.

Фёдор машинально ответил, не сморгнув:

– Василий Андреевич Стоянов, из крестьян, с Екатеринославской губернии, 1876 года рождения.

– С Екатеринослава? Это в Малороссии, что ли? Что же тебя в Петроград-то занесло?

Фёдор поджал губы:

– Из тюрьмы я, господин офицер. Из Шлиссельбургской крепости. Сидел тут, да вот новая власть выпустила.

– Не господин офицер, а товарищ. Товарищ унтер-офицер Балтийского флота. Господ всех скоро мы прогоним. За что сидел? По уголовной статье или по политической?

Здесь Фёдор опять соврал, отрапортовал бойко, чтобы сомнений не было:

– По политической. Нашли у меня жандармы запрещённые книги, первый том «Капитала» и «Манифест Коммунистической партии», произведе-

ния товарищей Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Сказали, что агитировал я друзей своих, подбивал против царя.

Унтер улыбнулся:

– За революционную литературу сидел – это знакомо. Это мы проходили. Сам-то чем занимался? Дело какое у тебя в руках?

– Кузнец я, вернее, был кузнецом в молодые годы. У себя, в Малороссии.

– Кузнец? Надо же. И я в подмастерьях у кузнеца был в молодости, до морской службы. В Рязанской губернии трудился, а кузнецом отец мой был. Смотри-ка, и здесь мы с тобой чуть ли не сродственники. – Фёдор явно понравился унтеру, и он продолжил спрашивать:

– А товарищей-то правда агитировал супротив царя?

– Так точно, товарищ унтер-офицер. Агитировал за трудовой народ, против эксплуататоров. За что и посадили.

– Ладно, давай запишем. Иван, – обратился унтер к матросу, – запиши его.

Матрос спросил:

– Документ у вас какой-нибудь имеется? Паспорт, удостоверение какое или справка об освобождении?

– Нет, товарищ матрос, паспорт, как посадили, отобрали, и справки нет. Сейчас многих из тюрем без справок выпускают. Не хочет начальство тюремное на себя ответственность брать, говорят – старые, царские печати недействительны, а новые ещё не выправили.

– Ладно, так запишем: Стоянов Василий Андреевич, 1876 года рождения. Пётр Иванович, – матрос обратился к унтеру, – а как с революционным поручением быть? Надо, чтобы поручился кто-нибудь за него.

Унтер спросил Чайкина-Стоянова:

– Василий, знакомые у тебя здесь есть? Из рабочих?

– Нет, товарищ унтер-офицер, знакомых в Петрограде не имею.

– Ладно. Тогда пиши, Иван, что я, машинный унтер-офицер 1-й статьи революционного крейсера «Аврора» Пётр Иванович Курков⁸, поручаюсь за Василия Андреевича Стоянова при вступлении в Рабоче-Крестьянскую Красную гвардию как за классово близкий элемент, из крестьян, пострадавший от царского режима. И вот что, Василий, зови меня теперь по имени-отчеству. Сегодня вечером, в 18.00, будь у Финляндского вокзала, там познакомишься с командиром своего отряда, получишь винтовку, революционную нарукавную повязку и удостоверение. На будущее: меня, если понадобится, можешь найти на крейсере «Аврора», он на рейде на Неве стоит. Меня там все знают. А потом уж, как служить будешь, как в борьбе нашей примешь участие, так и дела твои пойдут. Давай, Василий Андреевич, служи хорошо, поручился я за тебя.

Воодушевлённый доверием унтера Куркова Фёдор-Василий ответил:

– Хорошо, товарищ унтер-офицер Балтийского флота, вернее, товарищ Пётр Иванович. Буду верно служить и бороться за пролетарское дело. Вечером обязательно приду на вокзал.

Так, в мае 1917 года Фёдор Чайкин, бывший вор-домушник и клюквенник, похититель Казанской иконы, стал Василием Андреевичем Стояновым, бойцом революционной Рабоче-Крестьянской Красной гвардии.

⁸ Пётр Иванович Курков (1889–1937) – видный деятель революционного движения, депутат Петроградского Совета, председатель судебного комитета крейсера «Аврора».

***

Таким удивительным образом началась вторая жизнь Фёдора Чайкина, теперь уже бойца Красной гвардии, а потом уже Рабоче-Крестьянской Красной армии Василия Стоянова. В октябре 1917 года Василий участвовал в штурме Зимнего дворца, весь 1918 год служил в Петрограде, в начале 1919 года оставался сперва на Северо-Западном фронте, против армии генерала Николая Юденича, затем в составе частей усиления был отправлен на малую родину, в Малороссию, воевать в составе красных частей против Добровольческой армии генерала Антона Деникина. Воевал в пешем строю – служить в конных частях хорошо смолоду, на коня садиться во взрослые годы было уже поздно. Потихоньку продвигался по службе, сперва стал командиром взвода, потом роты. Учтявая то, что хорошо знал он малоросские края, все тропки и овраги в окрестностях и южнее Екатеринослава, часто Василий-Фёдор был инициатором успешных небольших военных операций, которые в конечном итоге способствовали большим победам. В партию большевиков тем не менее не вступал, хотя и предлагали ему вышестоящие командиры и комиссары. Всё отнекивался, находил причины – то одно, то другое. Побоялся, что уголовное прошлое может всплыть, тогда конфуз может получиться. А то и к стенке могут поставить за обман.

Под Екатеринославом Василий заехал в родное село. Понятное дело, что никто не узнал в красном командире, сорокалетнем мужчине в полном расцвете сил сбежавшего из села пятнадцатилетнего подростка. Поспрашивал о родных. Родители его умерли давно, ещё до революции. Младший брат ушёл на юг с белыми. В родительском полуразрушенном доме сейчас проживала семья их дальних родственников. «Ну, хоть отчий дом не пустует», – подумал Василий-Фёдор. Попросил жильцов проводить его на сельское кладбище, увидел могилы жестокого отца и любимой матери – два скромных земляных холмика с деревянными крестами. Так как Василий был не один, то нахлынувшие эмоции пришлось сдерживать.

– А вы им кто, товарищ командир Красной армии? – спросил его провожавший на кладбище двоюродный племянник лет шестнадцати и не подозревавший о своём родстве.

– Да так... Никто. Я с их сыном, Фёдором, сидел в Шлиссельбурге, под Петроградом... Пообещал ему, что, если буду жив, заеду в его село к родственникам.

– Это тот самый Фёдор, что икону в Казани украл?

– Да, тот самый.

– А с ним самим что случилось?

– Умер он в тюрьме царской. Надзиратели его запытали.

– А-а-а, понятно, – мальчишка понимающе покачал головой.

«Э-эх, Фёдор, грешник ты вселенский. Родителей, мать свою позабыл за делами воровскими. И теперь врёшь, продолжаешь врать, говоришь, что умер. Вот и умер ты, Чайкин, для старого мира, для старой жизни умер, а для новой жизни, для нового мира родился», – подумал Василий-Фёдор про себя.

И везде, везде в Малороссии Василий-Фёдор искал свою семью, Прасковью с Женей. Когда красные части в октябре 1920 года брали Мариуполь, а потом бойцам дали несколько дней отдыха, он прошёл все публичные места, все рынки, толкучки, бульвары, магазины, спрашивал местных жителей, может, кто что видел или слышал, проживали здесь такие – Кучеровы, Прасковья с дочкой. А в ответ – тишина, только ответы:

– Что ты хочешь-то, милок, война гражданская. Сколько народу сейчас от пуля да сабли погибает, а тех, кого пуля миновала, болезни косят.

И точно – в годы гражданской войны приморский город Мариуполь семнадцать раз (!) переходил из рук в руки – брали его то Петлюра, то Махно, то немцы с австрияками, то белые, то красные, то атаманы всякие, которых развелось немерено. И все бравшие город убивали, убивали, убивали. Красные – белых, белые – красных, петлюровцы и махновцы – и тех, и других. Разве найдёшь человека в таком водовороте судеб людских!

Но всё-таки одного знакомца Василий-Фёдор нашёл. В выходной день с раннего утра наведаясь он в Мариупольскую каторжную тюрьму, в которой когда-то сидел. Тюрьма была закрыта, только один старый охранник, в царской ещё, замызганной и залатанной гимнастёрке, но без погон, и в бушлате, встретил его. Василий спросил:

– Какой власти служишь, отец?

Охранник, напуганный визитом вооружённого красноармейца, ответил:

– Какой, какой... Какая придёт, той и служу.

– Давно здесь?

– Давно, почитай, всю жизнь. А ты кто таков, уважаемый? А то внешность твоя мне как будто знакома.

– Кто я, знать тебе необязательно... Я законный представитель Советской власти. А рожа моя знакома, может быть, потому, что я сидел тут пятнадцать лет назад. По политической статье. Вопросов ты не задавай, а то придётся пустить тебя в расход. А вот я тебя спрашаю. У вас здесь два надзирателя служили, Павло Доценко и Степан Гальцев. Злые они были... Били заключённых, псы жандармские. Как мне их найти?

– По политической статье, говоришь? Политических у нас мало было, всё больше разбойники всякие, воры да убийцы. Гальцев и Доценко – да, были такие. Степан Гальцев, он как помоложе, говорили, с беляками ушёл, в Крыму сейчас, в армии барона Врангеля. А Павло никуда не уехал, здесь живёт, на окраине города. Как доберёшься до Портовского района, то у него там, на склоне у моря, дом. Заметная хата, вся беленькая, с синими резными ставнями. Вот он там с женой и дочкой проживает.

– Ладно, спасибо, отец. Ты, если умный, помалкивай, что я к тебе приходил. А то, знаешь, пуля – дура, она не разбирает. Понял?

Пожилой охранник ответил:

– Понял, понял. Время сейчас такое – язык на привязи держать надо.

– Оно любое время такое, что язык надо на привязи держать. Вот и договорились. Ну, бывай, отец, жди новых сидельцев. Сейчас Советская власть пришлёт сюда контру всякую. Буржуев да офицеров-золотопогонников. Работы у тебя много будет.

– Бывай и ты, мил человек.

Дом Доценко Фёдор нашёл быстро. Сам Павло, его жена и дочь лет пятнадцати сидели в горнице за столом. Павло постарел, то ли просто от времени, то ли болезнь какая подкосила. Постарел, поседел, покрылся морщинами. Но это был точно он – тюремный садист Доценко. Чайкин зашёл в дом с наганом в руках:

– Встать. Руки вверх!

Павло поднял руки и встал. Жена Павло прижала дочку к груди, та испуганно закрыла лицо.

– Ты кто, гражданин хороший? – руки Павло так и были подняты вверх...

– Всё такой же гнусавый, Павло? Не помнишь меня? Ничего, сейчас напомним. На выход.

– Дочку с женой не трогай.

– Не волнуйся, не трону, я не душегубец какой-то. Не садист, как ты.

Василий обратился к жене и дочке:

– Не тревожьтесь, барышни, вам ничего не угрожает. Обедайте дальше. А с отцом вашим у нас свои дела, мы знакомцы с ним старые. На выход, Павло! Шевелись давай.

Под дулом нагана Павло неохотно пошагал по склону на берег моря. Василий шёл за ним и молчал. Павло затеял разговор:

– Да ты кто такой-то? Объясни мне толком. Если уж убитым мне быть, то за что?

– Стой! – Василий огляделся по сторонам. Дома Павло уже не было видно, да и в округе вроде никого. – За что, говоришь? Ты помнишь, гад, как ты сидельцев в тюрьме мучал? Как зубы да рёбра заключённым крушил? Как кнутом их порол и улыбался при этом, с дружкой своим, Гальцевым?

– Помню. Так приказ был на то тюремного начальства. Как приказ не исполнить? За это мы жалование получали. А ты, что, сидел в нашей тюрьме? Когда сидел, за что, напомним? Столько было сидельцев за всё время. Не могу в толк взять, кто ты такой?

– Я – Фёдор Чайкин, которого вы, садисты, били раз в неделю, да так, что чуть душу из меня не вышибли. А потом гноили в карцере. Так вот, я сейчас с тобой посчитаюсь, гад.

– Чайкин? Это который по делу Казанской иконы сидел? Так вот ты какой стал? А как же ты с красными-то вместе оказался? Ты же уголовник, клюквенник поганый. Как же они взяли тебя к себе?

– Был уголовник, да весь кончился. Хорошие люди помогли заблуждения свои осознать. И вам с Гальцевым, палачам и садистам, спасибо за университеты тюремные.

Вдруг Доценко как-то плаксиво обмяк и бухнулся на колени:

– Чайкин, пощади! Ты же видел – дочь у меня. Как она без отца, сиротой, будет жизнь свою устраивать?

– Советская власть о ней позаботится. Наша власть – она теперь надолго пришла. Не прощу я тебя, душегуб, палач царский. За всех друзей и знакомых своих не прощу. А это тебе – от поганого клюквенника.

Два выстрела из нагана в грудь оборвали жизнь бывшего тюремного надзирателя Павло Доценко.

На следующий день командир полка Лазарь Рухимович, в котором служил комроты Василий Стоянов, подошёл к нему и потихоньку сказал:

– Товарищ Стоянов, тут вот какое дело. Пришла с жалобой жена бывшего тюремного надзирателя Павла Доценко. Говорит, вчера ворвался красноармеец среди бела дня к ним в дом, увёл без объяснений мужа, а потом его на берегу моря расстрелянным нашли, без суда и следствия. По приметам показывает – на тебя тот красноармеец похож. По одежде да по внешности. Скажи честно – не твоих рук дело?

– Товарищ комполка, врать не буду, моих. Он в тюрьме каторжной заключённых бил, мучал с дружкой своим. Многих запытал до смерти. Вот я с ним и посчитался.

– А ты откуда знаешь это, Василий?

– Сидел я тут в 1905 году. Недолго сидел, но – хватило. А в 1906-м бежал.

– Ладно, раз так. Ну, а как быть, что без суда, без трибунала?

Здесь Стоянов пошёл на хитрость:

– Не хотел убивать я его, товарищ комполка. Хотел просто попугать, посмотреть, как он обделается, как в ногах будет ползать. А он Советскую власть начал ругать, поносить последними словами. Товарища Льва Давидовича Троцкого, наркома по военным делам, «жидовской мордой» обозвал. Ну, я и не выдержал.

Тут уже Рухимович, родившийся в небольшом еврейском местечке Старо-константинов в Малороссии и с юных лет познавший прелести императорского закона о «черте оседлости»⁹, покачал головой и зло сказал:

– А-а-а, тогда конечно. За такое – только к стенке! Правильно ты шлёпнул его, гада. Жаль, меня там не было. Держиморда царская.

***

В начале 1921 года Василия Стоянова, когда тот находился уже в Крыму, вызвал телеграммой в Петроград Пётр Курков, который к тому времени служил в ЧК. Большим человеком стал Пётр Иванович, с ноября 1920 года занимал должность Уполномоченного Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по снабжению Балтийского флота. Кабинет Куркова находился в ПетроЧК, на улице Гороховой, дом 2, на втором этаже. Василий без труда нашёл старого товарища. Обнялись как братья после долгой разлуки, затем Курков предложил Стоянову гранёный стакан с чаем и сухарями, в подстаканнике с ещё царскими клеймами. Не спеша за чаем товарищи начали разговор.

– Я что позвал тебя, Василий. Видишь ты, новая власть поручила мне за Балтийский флот отвечать, в первую очередь, за снабжение, а потом уже и вопросы с контрой недобитой на флоте решать. Уполномоченный ЧК по Балтийскому флоту – большая должность, и хозяйство большое, я это ещё по службе морской знаю. Люди мне нужны здесь свои, грамотные и преданные нашему делу, делу революции. Как меня назначили, я о тебе первым делом запрос послал, как живёшь и как воюешь. Характеристики на тебя пришли, хоть сейчас на курсы командирского состава Рабоче-Крестьянской Красной армии посылай – не подведёшь.

Василий переспросил:

– А кто характеристику на меня писал, Пётр Иванович? Комполка Лазарь Рухимович?

– Да, сперва Рухимович, а потом на основании его характеристики и другие командиры за тебя поручились. Вплоть до начальника штаба Южного фронта. Воевал ты хорошо, все это признают. Поэтому скажи прямо: пойдёшь под моё начало? На Красном Балтийском флоте служить, по линии ЧК?

– Подумать есть время, Пётр Иванович?

– До завтра, до утра. Подумай, приходи пораньше, и продолжим нашу беседу.

Спал Василий-Фёдор в ведомственной гостинице в ту ночь беспокойно. С одной стороны, в ЧК служить очень почётно, государственное обеспечение, власть большая, бояться тебя все. С другой стороны, надо Прасковью поискать с Женей, а для этого в Казань ехать надо. Надо служить не в Питере или в Москве, а в Казани, тогда только есть шанс найти их. Да и схрон там,

⁹ Закон о «черте оседлости» в дореволюционной России – закон о границах территории, за пределами которой запрещалось постоянное проживание лицам еврейской национальности.

бриллианты царские да оклады золотые. В результате за бессонную ночь Василий выработал такой подход – в ЧК пойду, но в Питере не останусь, буду проситься в Казань, чтобы найти Прасковью с дочкой.

Наутро разговор продолжился.

– Что решил, Василий Андреевич? Пойдёшь к нам в ЧК?

– Пойду, Пётр Иванович. Пойду. Но не обессуди, в Петрограде не останусь.

– Вот тебе раз! А куда же ты собрался, Василий Андреевич? Опять в Малороссию вернёшься?

– Нет, Пётр Иванович, просьба к тебе будет большая. Выпрати мне направление в Казань.

– В Казань, к татарам? Что забыл ты там, Василий?

– Жил я там в молодые годы, почитай, семнадцать годков уже прошло. Оттуда и в тюрьму попал. До революции жена с дочкой были, Прасковья и Женечка, хочу поискать их.

– А-а-а, тогда ладно. А может, командирюем тебя в Казань, ты их найдёшь и вернёшься в Питер, мне будешь помогать, вместе служить будем?

– Пётр Иванович, их ещё найти надо. Я как раз с конца 1904 года их и не видел. Не знаю, живы или нет. Родом с Мариуполя жена, мы как город заняли, я там всё перевернул, но так её и не нашёл. Поэтому на Казань вся надежда, что найду.

Пётр Иванович помолчал и после недолгой паузы заговорил:

– Хорошо, выправлю тебе мандат, и поезжай, Василий... Пиши, что и как, не забывай меня. Трудно будет, какая сложность по службе, обращайся. В нашу партию, партию большевиков, не собрался вступать? Если что, рекомендацию я тебе дам.

– Считаю себя недостойным, Пётр Иванович. Подучиться мне ещё надо, труды Маркса и Ленина почитать.

– Хорошо, подучись, раз тюремных университетов не хватило. Скромность – это очень хорошо, товарищ Стоянов. Но если надумаешь, то с вступлением в партию не тяни. Поможет тебе это продвинуться по службе. Дай обниму тебя, Василий Андреевич.

Через два дня, собрав все необходимые документы, Василий-Фёдор направился в Казань, спустя 17 лет после суда над ним и его близкими.

***

В то утро лета 1921 года ответственный сотрудник казанского ЧК Василий Стоянов проснулся рано. Сон, тревожный сон побеспокоил важного государственного работника. Приснился ему женский облик, строгая дева в багряном облачении.

– Не забыл ты меня, Фёдор?

– Не Фёдор я теперь, а Василий. Почто тревожишь сон мой? Тебя же нет, Госпожа. Запрет на упоминание твоё по всем советским организациям и собраниям. Тех, кто помнит тебя, сразу в кутузку по законам новым.

– Нет меня? Как же так получается, а, Фёдор? Вот видишь, прихожу к тебе. Значит, не пропала душа твоя, в руках она того, кого вы вместе со мной запретили. Нашёл ли ты икону, из монастыря украденную?

– Нет, не нашёл, Госпожа. Ищу.

– Ну, давай ищи, Фёдор. А то придёт последний час твой, а ты её не найдёшь. Как помирать-то будешь тогда? Надо икону найти и в музей сдать. Отвезти в Исторический музей в Москву. В тот, что на площади Красной.

Или здесь, в музей Республиканский, рядом с Кремлём. Его сейчас новые власти поддерживают.

Ответственный чекист открыл глаза. Мысли путались. Опять один и тот же сон. Где же эта икона, будь она неладна? Богородица во сне. «А может, только кажется она мне. Может, и нет её вовсе. Враки это всё, бабкины сказки – всё Писание Святое. Может, и нет там ничего, в мире загробном. Пустота одна. А как же просьба Её икону найти и в музей отвезти? Где же икона эта? Где купчиха Шамова, куда она подевалась?»

По городу Василий ходил с некоторой опаской – вдруг узнают его? Хотя, с другой стороны, как узнают, семнадцать годков прошло? На процессе по делу иконы Василий-Фёдор был с усами и бородой, а сейчас – гладко выбрит. Да, есть в сыском деле физиогномисты всякие, прямо кудесники, по глазам, по ушам людей опознают, но то – специалисты, спецы, а народ, люд казанский, переживший ужасы гражданской войны, красного и белого террора, послевоенного голода, в лица всматриваться не будет.

Сам Василий по прибытии в Казань в феврале 1921 года первым делом тайно отправился на Арское кладбище, где когда-то спрятал деньги и бриллианты в одном из склепов на окраине погоста. Вечерело, дул неприятный ветер, в котором уже чувствовалось дыхание весны. На кладбище Василия ждало большое разочарование. Склеп оказался полностью разрушен, на его месте красовались свежие могилы, которые простирались на много сотен метров вперёд.

– А, чёрт, да как же так-то?! Ну ладно, с ассигнациями царскими – вышли из оборота они, никому сейчас не нужны, но бриллианты, бриллианты-то при любой власти, при любых деньгах в цене... Кто-то ведь нашёл и когда? Если в Гражданскую, то, почитай, пропало всё...

На кладбище под вечер было на редкость пусто. Оглядываясь по сторонам, чтобы не заметил никто, Василий пошёл на выход с кладбища, мимо церкви, и наткнулся на пожилого священника. Настоятелем храма на кладбище был почтенный старец, чуть сутуловатый, с окладистой бородой, внимательными и умными глазами. Они задержались взглядами друг на друге, словно присматриваясь. Затем Василий в ответ на взгляд священника грубовато спросил:

– Что надо, отче?

– Да вот смотрю, уважаемый, зачем вы в такой час на кладбище пришли? Похоронен у вас здесь кто?

– Да тут, почитай, у всего города родственники похоронены. Просто зашёл. Могил-то сколько прибавилось...

– А что же вы хотите – война да мор. Люди покоятся, которые убиты, которые от болезней померли, ведь с медикаментами сейчас плохо. Вы в Бога веруете?

– До революции веровал, а потом Советская власть Бога отменила.

Священник улыбнулся:

– А вы сами как думаете – можно ли Бога отменить? Если Его нет, то кто вместо Него?

– Как кто? Партийный вождь товарищ Ленин.

– Но ведь Ленин тоже как-то пришёл к власти? Как думаете, может, Бог его туда поставил?

– Да ладно. Бог поставил... Поповские сказки. Сам товарищ Ленин вождём пролетарской революции стал. Вы, батюшка, лучше вот на что мне ответьте. На личный вопрос. Допустим, был у моего знакомого человека клад. Человек его в пустынном месте зарыл, думал, никто не найдёт. Время

от времени тот человек, мой знакомый, схрон свой проверял, и он был цел. А потом вдруг пришёл – всё перекопано, схрана нет, сокровища пропали. Что делать этому человеку?

– Сокровища сокровищам рознь. Вы читали книгу Иова, уважаемый? Это книга Ветхого Завета...

– Нет, не читал. Достоевского читал, Толстого читал, а эту – нет.

– Так вот, там сказано: «Бог дал, Бог взял. Да будет имя Бога благословенно». Благодарить ваш друг должен, что сокровища у него отнялись, а то в наше беспокойное время прибили бы его за клад этот, как есть жизни бы лишили. И ещё, как сказано в Евангелии: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше». Пусть спасибо ваш друг скажет Господу, что избавил его от этих хлопот.

– Да, избавил? Спасибо сказать? А жить-то как? Посмотрите – вокруг, разруха, голод. С деньгами, чай, полегче было бы.

– Всем сейчас тяжело. Даст Бог, пройдёт и это. Пройдут времена смутные, и опять всё наладится.

Василий-Фёдор внутренне напрягся и спросил священника:

– А вы, отче, как к Советской власти относитесь?

– Как отношусь? Стараюсь мирно с ней сосуществовать... Не совсем понял я её ещё, какая она – власть Советская. Но когда служителей церкви гонят или храмы разоряют, кресты и иконы уничтожают, оклады и сосуды из золота и серебра в казну изымают – с этим я не согласен. И с расстрелом царской семьи не согласен. Категорически. Здесь я ничего не скрываю, об этом и в проповедях своих я прихожанам говорю.

– А что новой власти ваши слова не понравятся – не боитесь?

– Посмотрите на меня, товарищ красный командир. Чего мне бояться, мне уже скоро с Богом разговаривать. Поэтому как в царское время людей утешал да за простой народ заступался, так и сейчас, во времена безбожные, себя веду. Поздно мне меняться.

– Как зовут-то вас, батюшка?

– Отец Сергей. Как у Толстого, повесть есть такая. Читали? Лет десять назад её опубликовали.

– Не читал. Лет десять назад я в тюрьме сидел, как раз в Ярославле. Церковь ведь ваша в честь Ярославских мучеников называется. Прочитаю ещё.

– А вас как величать?

– Товарищ Стоянов, уполномоченный Казанского ЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Ну, бывайте, батюшка. Всего доброго вам.

– И вам не хворать. Лицо что-то ваше знакомо, товарищ чекист. Нигде мы раньше не встречались?

– Нет, раньше не встречались. Показалось вам.

Когда Василий приехал в Казань, он тщательно, самым подробным образом вник в суть проблем и служебных обязанностей. В органах ВЧК тогда ещё Казанской губернии была высокая смертность и текучка кадров. Первым начальником Казанской ЧК был Гирш Олькеницкий, интеллигентный двадцатипятилетний парень, очкарик, душа компании, назначенный в первые дни Советской власти, в январе 1918 года. Через полгода после его назначения, в июне 1918-го, когда Казань была ещё красной и белые части ещё не достигли городских улиц, пуля наёмного убийцы, бывшего царского офицера, сразила его.

Его коллега и заместитель, Исиодор Фролов, был ещё моложе, двадцати двух лет от роду. Активный коммунист, Фролов кроме руководства ЧК, несмотря на молодость, был также членом Президиума губернского Совета, членом коллегии по управлению Казанским военным округом, а с марта 1918 года и первым комиссаром Казанской губернии. Он был тоже убит белыми 6 августа 1918 года. После перестрелки с наступавшим врагом товарищ Фролов был ранен и отправлен в госпиталь, но по дороге машина была перехвачена белогвардейским разъездом. Эх, молодёжь, молодёжь! Много романтики, много задора, юного отчаяния, но мало опыта. Мало реальных навыков, и ещё нет той беспощадной жестокости, которая необходима в военное время.

После того, как Казань ненадолго попала под власть белых, а потом красные отбили её поздней осенью 1918 года, ВЧК в Казанской губернии возглавил опытный большевик, прошедший царские тюрьмы и ссылки, Мартин Янович Лацис. Здесь дела казанской «чрезвычайки» быстро пошли в гору, и через какое-то время Казанская губернская ЧК превратилась в полноценный «карающий меч социалистической революции», ответила на белый террор красным террором. Уже к концу 1920 года в подчинении республиканской ЧК был вооружённый отряд в три батальона общей численностью больше двух тысяч человек, и это не считая руководства и оперативных работников. Мартин Лацис пробыл в городе недолго, затем он был по распоряжению В. И. Ленина перенаправлен на Украину, где возглавил Всеукраинскую ВЧК в Киеве, борющуюся с бандитским подпольем, разведкой и контрразведкой белой Добровольческой армии.

Хорошие рекомендации поспособствовали тому, что Василий-Фёдор всё-таки вступил кандидатом в члены Российской Коммунистической партии большевиков. О прибывшем в Казань из Петрограда Василии Стоянове говорили: новый начальник отдела по борьбе с контрреволюцией очень жёсткий, даже жестокий человек. Кто попадал к нему из белой контрразведки, карательной части или царской жандармерии – короткое следствие и сразу на расстрел, а кто с дореволюционных тюрем – в революционный трибунал и на тюремные нары, как пособники царской власти. Ещё Василий, облечённый большой властью, очень не любил националистов всех мастей. Он считал, что нет хороших и нет плохих народов, а есть только плохие люди: «В мире все должны жить: и русские, и татары, и башкиры, и мордва, и евреи, и малороссы, и много кто ещё, кто в Казани, в Москве, в Петрограде, в Малороссии, да и во всей Великой России проживает. Ну а слугам царского режима Василий просто мстил, платил кровавой ненавистью за годы, проведённые в каторжных тюрьмах, за издевательства и избиения, за боль народа, который многие века был под пятой царской власти. Россия – страна мстителей. Чекист Стоянов считал, что месть – очень сильный мотив для продолжения жизни.

– Ничего, ничего, поглядим ещё, господа контрреволюционеры и вредители, тюремщики и палачи царские, как вы кровью умоетесь. Покажем мы вам всем, за всё посчитаемся. Вон у товарища Дзержинского, председателя ВЧК, сын в царской тюрьме родился. Жена Софья родила первенца Феликсу Эдмундовичу в заключении. Так, когда этот мальчишка вырастет, он что, царскую власть любить будет? За то, что с первых дней жизни своей воздухом казематов дышал? Нет, господа хорошие, не будет у нас мира с вами. Здесь или мы, или они, третьего не дано.

В одну из сентябрьских пятниц 1921 года на совещании во Всетатарской ЧК, на котором присутствовал Василий, начальником секретного отде-

ла было зачитано донесение тайного агента «чрезвычайки», в котором говорилось, что «на Арском кладбище настоятель церкви во имя Ярославских мучеников, пожилой поп отец Сергей (Васюков) ведёт контрреволюционные беседы с прихожанами, ругает Советскую власть, говорит, что ненадолго это всё, власть коммунистов и безбожников. Также поп Васюков утверждает, что новой власти Бог не простит убийство русского царя Николая II с домочадцами. В беседах ссылается на аналогичное мнение патриарха всея Руси Тихона¹⁰. Говорит, что велика будет кара Господня. Господь всемогущий Иисус Христос покарает святотатцев и лишит их власти в государстве Российском».

Новый начальник ЧК товарищ Денисов обвёл взглядом присутствующих:

– Как будем реагировать на сигнал, товарищи? Какие будут предложения?

Заместитель Денисова товарищ Ильин взял слово:

– Дело ясное, Аким Алексеевич. Накрыть их всех, всю общину, прихожан допросить под протокол, попа к стенке.

Денисов обратился к Василию:

– Что скажет начальник отдела по борьбе с контрреволюцией товарищ Стоянов? Вы что думаете, Василий Андреевич?

Василий встал с места.

– Что тут думать, Аким Алексеевич? Завтра вечером служба субботняя, прихожан много соберётся. Взять два грузовика с нашими ребятами да арестовать всех, а попа допросить с пристрастием.

– А вы раньше про этого священника что-нибудь слышали?

– Никак нет, Аким Алексеевич, не слышал. Ничего о нём не знаю.

– Неправильно это, Василий Андреевич. Это ваша работа. Попы, как правило, негативно относятся к Советской власти. На будущее: обратите на церковников самое пристальное внимание.

– Хорошо, понял, товарищ Денисов, учтём.

– Что же, тогда слушайте моё распоряжение: завтра после обеда, к 17 часам, два автомобиля с нашими бойцами выдвигаются на Арское кладбище и задерживают там всех. Операцию возглавит товарищ Стоянов. До завтра, товарищи.

А вот здесь в душе товарищ Стоянов со своими коллегами-чекистами был несогласен. Священника отца Сергия надо было предупредить. Жалко, если расстреляют, совестливый батюшка. Запал тот разговор на Арском кладбище в душу Василия. Надо же, сокровища на небесах. Так и у нас сокровища на небесах. Лозунги наши: «Фабрики – рабочим, землю – крестьянам. Человек человеку – друг, товарищ и брат». Как там, в Евангелии, сказано: «И последние станут первыми». А у нас в «Интернационале»: «Кто был ничем, тот станет всем». Советская власть, хоть и безбожная, однако к небесам поближе будет, чем какая другая.

На всякий случай для выполнения всяких тайных поручений Василий завёл дружбу с беспризорником Митькой Журавлёвым, который обитал здесь неподалёку, в малоприметном подвале на улице Малой Проломной. Василий заметил этого молодого паренька лет пятнадцати во время прогулок по городу и тут же вспомнил своё крестьянское детство. Познакомились, подружились. Стоянов подкармливал беспризорника, подбрасывал

¹⁰ Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин) (1865–1925) – патриарх в первые годы Советской власти

Митьке то банку тушёнки, то хлеб, то сахар, те продукты, из которых состоял чекистский паёк. Митька просил знакомого чекиста не задерживать его и не отправлять никуда из города, рассчитывал найти родных, да всё как-то не находил.

Стоянов заглянул в подвал:

– Митька, ты здесь? Чем занимаешься? Спишь? Так ещё же не ночь. Вылазь давай, дело есть...

Чумазый Митька вылез из подвала и протёр глаза:

– А, товарищ Василий. Как дела, гражданин начальник? Закурить не найдётся? Какое дело-то, объясни толком?

– Надо срочно сходить на Арское кладбище, там, в местной церкви, есть поп, отец Сергей. Отнеси ему от меня записку, но что там – не читай, чтобы тебя потом не привлекли. Скажи только священнику – записка от того, с кем он о сокровищах разговаривал. Он поймёт. Надо сделать это быстро и тихо, и смотри, чтобы не проследил кто за тобой. И – обо всём молчок.

– Ладно, сделаем, товарищ Василий. Так закурить-то дашь или нет?

– Не дам. Вредно курить. На вот лучше хлеба полбуханки, поешь. Дождёшься, Митька, отправлю тебя в коммуну, говорят, их сейчас наша власть организует. Как раз под руководством ВЧК, лично товарища Дзержинского. Там хоть человека из тебя сделают, на специальность какую выучишься.

– В коммуну, товарищ Василий, – как в тюрьму. А я на воле ещё побыть хочу. Хоть и голодно на воле, но – свободно, делаешь что хочешь. Хочешь – спишь, а хочешь – кошельки у прохожих чистишь.

– Я тебе почищу, сорванец! Смотри, приведёт тебя ко мне уголовный розыск – точно в коммуну отправлю. Ладно, иди на кладбище.

Через час священник отец Сергей раскрыл присланную записку, в которой печатными буквами было написано: «Завтра перед вечерней службой облава. Закрывайте храм и уезжайте. Предупредите прихожан». Подписи на записке не было.

На следующий вечер, когда вооружённый конвой Всетатарской ЧК на двух новеньких автомобилях «Fiat-15», выпускавшихся по лицензии в Москве, прибыл на кладбище, оперативные работники увидели лишь массивный замок на дверях храма. Товарищ Стоянов подошёл к двери и попробовал замок рукой, затем обернулся к бойцам и сказал:

– Да уж... Предупредил кто-то их, наверное. Скрылись все. Надо же, как быстро. Зря мы проездили, товарищи. Давайте назад в ЧК. Постепенно будем отлавливать. Думаю, что всех найдём.

Отец Сергей (Васюков) проявил благоразумие и не стал сдаваться сам. Сначала он уехал из Казани за сто вёрст, под Чистополь, в деревню, а затем к началу зимы в гражданской одежде вернулся в город, пошёл было в свою церковь, но, почувствовав, что за ним следят, лёг на пару месяцев в казанскую больницу. Вышел из больницы – и опять уехал в деревню. Как бы там ни было, в храме на Арском кладбище он появился только через год, осенью 1922-го, когда в очередной раз в Казани сменилось руководство ЧК и опасность его ареста миновала.

***

Василий Стоянов никогда не забывал о своей главной цели – найти Православную. Однолюбом был Василий-Фёдор, другие женщины его не интересовали. Когда выдавалась свободная минута, он выходил из Управления ЧК

и шёл в людное место. С одержимой методичностью товарищ Стоянов обходил рынки, базары, толкучки, торговые ряды и вглядывался в женские лица, пытаясь отыскать знакомые черты. Пытался отыскать Прасковью и Женю. В поисках проходили дни, недели, месяцы, но тщетно, никого он не встречал. Порой думал – хоть бы Ерощку из Татарской слободы встретить, хоть кого-то из знакомых, с кем в прежней жизни сталкивался. В Татарскую слободу как-то зашёл, стал про кузнеца Ерощку спрашивать, но получив ответ – уехал в деревню в 1914 году, на фронт не хотел идти, с тех пор о нём ничего не слышно. Говорил Ерощка друзьям: «Не моя это война. Там капиталисты друг с другом воюют. Мне надо плуги для мирной жизни ковать, чтобы было чем землю обрабатывать, а не вшей в окопах кормить».

Все усилия Стоянова по поиску близких и знакомых были напрасными. Да и кого встретишь – семнадцать долгих лет прошло. И ещё Василий аккуратно, чтобы не привлечь внимание коллег по ЧК, выспрашивал про купчиху Шамову. И тоже – ничего. Да, были такие Шамовы, староверы, торговали, больницу «Шамовскую» выстроили, муж умер, куда купчиха делась – никто не знает. Может, шлёпнули в гражданскую или красные, или белые, Колчак или белочехи, кто теперь разберёт... Народу сколько перемёрло в последние годы, тиф, голод, людям жрать нечего, а тут кто-то купчиху ищет. Ищи, мил человек, может, и найдёшь.

Но как-то в самом конце сентября 1921 года Василию повезло. Прохаживаясь по рынку в центре Казани, он ощутил лёгкое прикосновение к плечу и услышал знакомый голос:

– Эй, мужик, табачком не богат?

Кто так фамильярно мог обратиться к чекисту с наганом на боку? «Мужик», а не «товарищ». Оглянувшись, Василий столкнулся с внешне знакомой физиономией. Широкие скулы, глубоко посаженные глаза, настороженный взгляд, на лысой голове была кепка, залихватски сдвинутая на затылок. Голос окликнувшего был знаком. Постаревший, осунувшийся, но это был он. Ананий Комов собственной персоной.

– Ананий, ты? Ну, слава Богу, хоть кого-то встретил.

– Фёдор? А я уж подумал, что обознался. – Ананий неприятно осклабился. – Вон ты какой стал, Федя. Кожанка, фуражка, наган.

– Давай отойдём в сторонку, Ананий. Не Фёдор я теперь. Теперь Василием меня зовут, товарищ Василий Стоянов, сотрудник казанской ЧК. Почему так – объяснять долго. Расскажи, как ты, дружище? Давно ли в городе? Про моих что-нибудь слышал?

– Да нечего рассказать мне тебе, товарищ чекист. В городе я недавно, с полгода. Приехал сюда, думал, жизнь здесь посытнее, как при царе, а здесь всё одно – разруха. Голод. Промышляю так же – воровством. Но что тебе говорить-то? Сейчас, похоже, расходятся наши дорожки, Федя. Ты вон в начальниках...

– А моих, моих ты видел? Хоть кого-нибудь? Я в Малороссии был, перерыл весь Мариуполь, но их не нашёл. Может, здесь они, в Казань вернулись?

– Про Прасковью и Елену Ивановну не слышал ничего, Женю видел здесь, на базаре, пару раз видел, но подойти не стал.

– На каком базаре?

– На рынке в Воскресенском, в пригороде. Она девочку малую за руку держала, лет трёх. Муку покупала, стояла торговалась. Ну, я рядом прошёл, не узнала она меня.

– А купчиху Шамову ты видел? Или слышал что о ней? Где она?

– Нет, про купчиху ничего не слышал. Знаю, что больницу они с мужем выстроили, когда мы уже по тюрьмам сидели. А где сейчас – ничего сказать не могу.

– Ну, а как ты сам? Где здесь живёшь, с кем общаешься?

– Ты посмотри на себя, Фёдор. Слуга новой власти. Хочешь, чтобы я тебе малину сдал? Чтобы вы приехали с вооружённым отрядом и нас всех к стенке поставили? Смеёшься ты так надо мной?

– Да как смеюсь, Ананий? Я, может, помочь тебе хочу по старой дружбе.

– Пошёл ты с помощью своей! Встречаться с тобой, Фёдор, желания не имею, и – не друг ты мне теперь. Какая дружба у вора с сыскарём может быть? Забудь про дружбу нашу.

– А ты завязывай, Ананий, с жизнью воровской, вместе будем новую жизнь строить.

– Завязать – это легче сказать, чем сделать. Дружкам по ремеслу я что скажу? Да и когда вся жизнь по тюрьмам – поздно новую жизнь-то начинать. Когда всю жизнь волком был – поздно добычей становиться.

– Я-то начал жизнь новую, как видишь.

Ананий криво улынулся:

– Ага, как же, начал. Переметнулся к новой власти. Кульбит цирковой сделал, на ходу переобулся, влез в галифе да портупею... Ухитрился, как же! Нет, я не такой. Я так не могу.

– Ну, прощевай, друг Ананий. Смотри, если понадобится – заходи.

– Я же говорю – смеёшься ты... Отвали от меня, и так всю жизнь мне поломал.

– Чем же поломал-то?

– А-а-а, что с тобой говорить...

Василий-Фёдор с грустью смотрел, как Ананий раздосадованно взмахнул рукой, развернулся и тяжело, усталой походкой пошагал прочь, скрылся в ближайшем переулке.

***

Село Воскресенское находилось на другом берегу озера Средний Кабан. Дорога, ведущая в Казань от села, была разбита, в дожди её всю развозило, она превращалась в трясины, поэтому в тёплое время удобнее всего было переправляться на лодках. В Воскресенском располагались два производства, одно – медицинское, по переработке корня солодки, оно в революцию было заброшено. Второе – кирпичный завод, «кирпичка». Завод с перебоями, но работал, новой власти нужны были строительные материалы. В селе располагался крестьянский рынок с дешёвыми продуктами питания, рынок был известен, даже с города плавали в село за продуктами.

В ближайший выходной Василий Стоянов отправился на лодочную переправу и поплыл на сельскую ярмарку. Было зябко, по озеру уже гулял неприятный осенний ветерок. Октябрь, холода подступают. Стоянов потолкался среди торгующих часа два, даже прикупил себе немного овощей, но в первый день никого похожего на Женю он не встретил. Затем были опять рабочие будни в ЧК, сыск, дознание, допросы, сыск, дознание, допросы, как результат – революционный трибунал, расстрел или тюрьма для подсудимых...

В следующий выходной Василий опять поплыл в Воскресенское. И вот, кажется, удача. Перед Василием стояла молодая симпатичная женщина, в белом платке и старом пальто с облезшим меховым воротником, которая держала за руку тепло укутанную маленькую девочку. Внешность её чем-то

напоминала любимую Прасковью: чёрные брови, большие глаза, чувственные губы, только вот глаза были грустные, наполненные какой-то усталостью, нечеловеческой тоской. Как будто днями молодая женщина кого-то похоронила. Сначала Василий понаблюдал за ними издали, на рынке подходить не стал и, только когда мама с дочкой вышли с рынка и пошли домой, окликнул их:

– Женя? Женя, это ты? Постой, Женя.

Женщина недоверчиво оглянулась и, увидев человека в кожанке, с кобурой на боку, заторопилась, чуть не побежала:

– Отстаньте от меня, я ничего не знаю. Я домохозяйка, муж – рабочий. Мы – за Советскую власть. Поддерживаем курс большевиков и лично товарища Ленина.

Маленькая дочка, которую молодая женщина тянула за руку, споткнулась, упала на коленку и заплакала. Василий прибавил шаг и остановил убежавших:

– Да подожди ты, Женя. Не узнаёшь меня? Это я... Ну, я, я... Женя, постой. Помнишь меня? – Василий не решался назвать своё прошлое имя.

Женя нахмурила лоб и потом испуганно выдавила из себя:

– Дядя Фёдор? Это вы?

– Да, я, только я теперь не дядя Фёдор – забудь это имя. Товарищ Василий Стоянов – так меня зовут по паспорту. Почему так – объяснять долго. Я теперь в ЧК служу. Расскажи, как ты? Как мама, жива? Как бабушка, Елена Ивановна? Где они?

Женя тихо заплакала:

– Умерли они, товарищ чекист. Дядя Фёдор или дядя Василий, как вас там теперь величать... Мама умерла в гражданскую, в самом конце 1918 года, здесь, в Казани, от сыпного тифа. А бабушка год назад скончалась. В заключении она чахотку подхватила, сперва легко кашляла, потом всё тяжелее и тяжелее. А как мама умерла, она от горя совсем ослабла и слегла. Так и угасла потихоньку. Мама на Арском кладбище лежит, на дальнем участке, где тифозных хоронили. А бабушка со мной жила, здесь, в пригороде... Здесь мы её и похоронили...

– Ах ты, вот ведь!.. – Василий сжал кулаки, желваки заиграли на гладко выбритом лице. – А ты сама как, Женя? Как здесь живёшь? Девочка – это дочка твоя?

– Да, моя дочь Леночка, в честь бабушки я её назвала. Замужем я, в 1918 году замуж вышла... Мы как раз с Малороссии сюда приехали. Как в такое время без плеча мужского? Вы же помните, как суд был, отец за мной приехал, в Мариуполь увёз. А как мама с бабушкой освободились, они меня у отца забрали. В Мариуполе мы до революции жили. До 1917 года ничего было, нормально, а потом такое началось: война, кровь, то Махно, то Петлюра, то белые, то красные. Голод там был, людей убивали много, и пропадали люди, парни, девчонки молодые... Меня один раз пьяные белогвардейцы чуть не затащили к себе силком в казарму, оттуда бы я уже не вышла. Чудом отбилась, офицер ихний пожалел, приказал солдатам отпустить меня. После этого мы решили в Казань вернуться. Муж мой, Яша, помладше меня немного, здесь на кирпичном заводе работает, у новой власти в почёте, в комсомол вступил недавно... Живём здесь недалеко, по центральной улице, пятый дом от рынка. Я вот не работаю пока, дочь рашу. Трудновато нам сейчас приходится.

В это время маленькая Лена перестала хныкать и стояла не шелохнувшись, испуганно смотрела то на плачущую маму, то на человека в кожаной куртке.

Стоянов продолжил разговор:

– Трудновато? Так давай я помогу. У меня жалование, паёк, полномочия в руках, как-никак... Может, мужа твоего по службе продвинем в заводские начальники. А может, к себе в ЧК его возьму. У «Чрезвычайки» сейчас самая власть, все её боятся – и неправые, и правые. Из села ко мне в Казань переедете.

Здесь Женя замолчала, а через минуту сказала:

– Простите меня, дядя Фёдор или как вас там... Не хочу я этого. Я считаю виноватым вас в наших бедах, в том, что мама и бабушка в тюрьме сидели. У нас же после истории с иконами этими вся жизнь наперекосяк пошла. И мама замуж больше не вышла, и бабушка всё здоровье своё в заключении оставила. Одна я теперь, одна, за всех близких живу. Семья – вот и вся радость моя. Дочку Господь послал. Не хочу я с вами знаться, товарищ чекист, и вы нас не ищите. Что было – то прошло. А простить я вас не могу и не прощу. Вычеркнула я вас из своей жизни. И мама с бабушкой на вас до последнего часа своего обижались.

Здесь у Стоянова было ощущение, что ударили его кузнечным молотом по голове, даже в ушах зашумело то ли от услышанного, то ли от обиды. От обиды не на Женю, её можно понять, а на жизнь свою, никчёмную да проклятую. На жизнь вора и мошенника, полжизни воровавшего, полжизни сидевшего в тюрьме.

– Ну, мы пойдём, товарищ чекист? – Женя утёрла рукавом пальто слёзы и вопросительно посмотрела на Василия.

Тот кивнул.

– Идите.

Женя молча, не прощаясь, развернулась и пошла прочь, сжимая в руке маленькую ладошку дочери.

«Эх, Фёдор, Фёдор, да как же тебя земля-то носит. Вот ещё один близкий человек обвинил тебя в бедах своих. Дочь приёмная общаться с тобой не хочет. Как же всё это неправильно. И Прасковья моя, Прасковеюшка, Параня моя. Не увижу я тебя больше. Царство тебе Небесное. Прости меня, если можешь», – грустно думал про себя чекист Стоянов.

Как бы там ни было, но товарищ Стоянов несколько раз посылал Женю с дочкой паёк, через того же беспризорника Митьку. Женя от продуктов в голодные годы не отказывалась, только говорила мужу про знакомого в Казани, который стал при новой власти большим начальником. Говорила: матери моей знакомый, политический, при царе за идеи сидел. Врала, обманывала мужа – потому что не могла сказать правду.

Василий-Фёдор тяжело переживал разговор с падчерицей. «Любил я их, и Прасковью, и Женю, и Елену Ивановну покойную, но и горе им принёс тоже. Ладно, хоть продуктами семье Жени помогу, а случись что, может, и обратится она ко мне за помощью. Хоть нашел её, хоть узнал про Прасковью. Эх, судьба-судьбинушка. Ладно, в жестокое время живём. Теперь надо найти купчиху, найти во что бы это ни стало. И икону надо найти. Где же ты, дорогая Аграфена Хрисанфовна, и где икона Казанская, будь она неладна?»

***

Февраль 1922 года. Ответственный работник Всетатарской Чрезвычайной Комиссии, начальник отдела по борьбе с контрреволюцией Василий Стоянов шёл домой, в предоставленную Советской властью квартиру. День выдал-

ся тяжёлый. А какие дни лёгкие в политическом сыске? Когда за ним в его молодые годы бегали царские полицмейстеры – тоже, наверное, уставали.

Вечер был тёплый, этакая зимняя оттепель со слякотью и мокрым снегом. Стоянов шёл домой расслабленно, в распахнутом овчинном полушубке, в руках держал форменную кожаную фуражку с красной звездой. Вот уже и квартира недалече. К себе в квартиру, две небольшие комнаты в центре города, Василий-Фёдор приходил только поспать, всё остальное время проводил на службе. Что делать одному в пустом жилье? А нахождение на службе позволяло хоть какие-то действия предпринимать по розыску иконы и купчихи Шамовой. Василий завернул за угол, в переулок, и неожиданно столкнулся лоб в лоб с Ананием Комовым, даже головы их слегка соприкоснулись. Правый бок пронзила резкая боль. На гимнастёрке проступило обширное пятно крови. Один удар – в правый бок, потом второй, ещё более сильный.

– Ананий, ты что это? Друг, что ты наделал?

Ананий с гримасой презрения на лице прохрипел:

– Не друг ты мне. На перо тебя, гада. Ссучился ты, Фёдор. В сыскари при новой власти пошёл, своих гнобишь. Мы вместе с тобой дела делали, а теперь ты сука краснопузая. Я ведь из-за тебя десять лет по каторгам маялся...

Василий, чувствуя, что теряет сознание, выдавил из себя:

– Ананий, да как же так? Я же тебя в прошлый раз отпустил.

– Да лучше бы не отпускал. Ты вон в шоколаде, при должности, при власти, с наганом на боку, а мне до конца жизни властей бояться. Щемиться по холодным притонам с мразью, сволотой всякой... С проститутками да марафетчиками¹¹. От каждого шороха вздрагивать. Ваша Советская власть – она пожётче царской будет. Тут быстро в расход пустят, за бандитизм или ещё за что. А у меня – ни семьи, ни детей. Вместо женитьбы в тюрьму угодил. Ведь это ты, Фёдор, втянул меня в историю с иконой. Так вот, чтобы не мне одному паскудно было, я тебя к праотцам сперва отправлю, а потом и сам подгребу, если найдут меня...

Василий сквозь боль, с гримасой разочарования на лице, улыбнулся:

– Ну, ты даёшь, друг Ананий! Не думал, что от твоей руки смерть приму. Смерти-то как раз я и не боюсь. Облегчение она жизни моей. Ладно, беги, не дам я тебя. Уходи, Ананий. Не было тебя здесь. Прощай, друг.

Тело ответственного работника ЧК Татарской Советской Социалистической Республики тихо сползло вниз по стене. Сквозь пелену Василий услышал истошный женский крик:

– Милиция, милиция, сюда, человек ранен. Кровь течёт, в крови он весь. В больницу ему надо, в хирургию. Может, спасут ещё...

Василий Стоянов был госпитализирован в городскую клиническую больницу № 1, бывшую «Шамовскую». Удары, которые нанёс ему Ананий Комов, оказались смертельными. 15-сантиметровый клинок финки производства Товарищества Завьяловых, царский ещё, стальное лезвие с характерными клеймами в виде двуглавого орла, насквозь пробил печень Василия, а второй удар проник дальше и сильно повредил нижнюю часть правого лёгкого. Образовалось обильное внутреннее кровотечение. Стоянов потерял сознание. Врачи больницы постарались сделать экстренную операцию и переливание крови. Стоянов-Чайкин впал в долгое беспамятство, которое продолжалось

¹¹ Марафетчик (жарг.) – наркоман, происходит от «марафет» – морфий.

более суток. Когда временами разум возвращался к нему, он видел около своей койки встревоженные лица коллег-чекистов, которые спрашивали:

– Товарищ Стоянов, товарищ Стоянов, ты нас слышишь? Василий Андреевич, кто тебя ударил? Кто пырнул тебя ножом? Ты его знаешь?

Василий размыкал пересохшие губы и заплетающимся языком отвечал:

– Не знаю. Пьяный какой-то в подворотне привязался, закурить попросил, а потом ударил. Ищите.

– Почему ты не стрелял?

– Не успел даже наган выхватить, сознание начал терять.

– Как, как он выглядел? Как одет был, приметы особые были? Цвет волос, усы, борода, родинки на лице? Как найти его?

Стоянов отмахивался – не помню, не видел, темно было, а затем опять впадал в беспамятство. Перед тем, как потерять сознание, думал: «Это за старое мне. За все грехи мои. Не успел я их искупить, не успел. Жалко».

Анания он так и не выдал.

Через двое суток у Василия-Фёдора сильно поднялась температура и началось заражение крови.

Последнее, что увидел ответственный чекист Стоянов, лёжа на больничной койке: в углу палаты, напротив окна, стояла, вернее, не стояла, а как бы парила Она, женщина в багряном одеянии, которая сказала:

– Вот и всё, Фёдор. Отмучился ты на этом свете. Теперь тебя ждёт суд не земной, а небесный.

Василий-Фёдор разомкнул спёкшиеся губы:

– Здравствуй, Матушка. Давненько мы с тобой не виделись. Помирать не страшно. Грешником был, вором был, а теперь вот и убийцей стал при новой власти. Родителей своих в Малороссии позабыл. Забыть родителей – тоже грех смертный. Страшна не смерть, а жизнь во зле. И отмаливать грехи мне поздно. Жизнь свою я прожил не так, как хотел. Гордыня смолodu меня мучила. Думал я: всё дозволено мне. Хотел, чтобы вокруг меня все были. А на деле – всех близких своих и потерял. Даже дочь со мной общаться не захотела. Помираю от руки лучшего друга, и плакать по мне некому. Может, в другой жизни с родными, с близкими увижусь, с Прасковьей своей встречу. Хотя бы на небесах.

После небольшой паузы Стоянов-Чайкин продолжил:

– А икону-то твою, Матушка, я так и не нашёл. Сильно искал, всю Казань перерыл – но не нашёл. Не успел.

Богородица слегка приблизилась.

– Другие найдут. Придёт время. Самое главное – в России она и цела. Миновала опасность её уничтожения.

Фёдор сделал безуспешную попытку привстать на локтях.

– Матушка, скажи, а куда я попаду – в рай или в ад?

Богородица улыбнулась:

– Каешься ты, Фёдор, плачет душа твоя – это уже хорошо. Слёзы душевные Бог тебе послал. Значит, не пропал ты для Господа. Куда попадёшь – решать не мне... Есть у нас на небесах Тот, кто судит живых и мёртвых. Только ты не волнуйся, Фёдор – я Его за тебя попрошу. Обязательно попрошу.

– Да, ты уж попроси, Матушка Богородица. Хорошенько попроси. Не оставляй меня в последний час.

Что чувствует человек, когда умирает? Почему смерть – итог любого живого существа – уравнивает всех, и хороших, и плохих? Почему у Бога надо просить не только лёгкой жизни, но и лёгкой смерти? Никто не может ответить на эти вопросы, и никто не может узнать этого до своего послед-

него часа. В свой прощальный миг Василий-Фёдор вцепился судорожно, до синевы, руками в больничную простынь и со стоном выгнулся на железной койке... Последний глубокий вздох умирающего, вспышка перед глазами, выход из тела, ощущение неземной лёгкости, полёта и светлый коридор, ведущий куда-то вверх, в иное, неведомое ещё измерение. Всё.

ЭПИЛОГ

Конец 1920-х годов. В почерневшей от времени деревянной церкви, в малозаметном старообрядческом скиту на севере Татарстана, стояла согбенная, почтенная пожилая женщина и молилась.

– Заступница усердная, Мать Господа Вышнего. За всех молишь Сына Твоего, Христа, Бога нашего... Всех нас защити, Госпожа, Царица и Владычица, и в напастях, и в скорбях, и в болезнях, обремененных грехами многими, предстоящих и молящихся Тебе, с умиленною душою и сокрушенным сердцем пред Пречистым Твоим образом, со слезами, и невозвратно надежду имеющих на Тебя для избавления от всех зол...¹²

Окончив молитву, она припала к небольшой, тёмной от времени иконе Казанской Божией Матери, затем осторожно погладила святой образ:

– Вот она, настоящая икона. Сохранили мы её. Пока она в России, ничего с нами не случится. Все будем живы и здоровы, разве что между собой переругаемся да перессоримся. Великая страна наша цела будет, а это – главное. Но тайну эту знают лишь немногие, и поэтому – молчок. А искать – пусть ищут икону твою, Матушка Богородица. Хоть в России, хоть за границей, пусть хоть весь белый свет перероют. Долго искать придётся. А мне уже недолго осталось... И то, что я знаю, в могилу вместе со мной уйдёт. Господи, на тебя уповаю. Матушка Богородица, к твоей помощи и помощи Сына твоего Всемогущего прибегаю. Зачтите рабе своей грешной все её благие деяния. А прегрешения простите. Боже, помилуй и спаси меня.

Почтенная старушка тихо вышла из храма, и никто, никто бы не узнал в ней в то время, в конце суровых двадцатых годов, во время становления грозной Советской власти, некогда славную казанскую купчиху, хозяйку хлебной торговли всего Поволжья Аграфену Хрисанфовну Шамову. Вот он, старообрядческий след в казанском деле. Среди староверов, среди тех, кто не принял никонианские реформы, была распространена легенда, что если икона Казанской Божией Матери вернётся к ним, то деятельность старообрядческой церкви в России опять будет разрешена. И как это ни удивительно, в 1904 году первоявленный образ Казанской иконы исчезает в результате похищения, а в 1905 году специальным манифестом царь Николай Второй всё-таки разрешает деятельность старообрядческой церкви. И первым крупным храмом, который построили старообрядцы в Казани, был Храм в честь Казанской иконы¹³. Мудрая Аграфена Хрисанфовна сдержала своё обещание и выкупила у Чайкина святыню, как они и договаривались. Староверы сохра-

¹² Молитва Казанской иконе Божией Матери: <https://pravoslavy.ru/molitvy/kazanskoj-bozhej-materi>

¹³ О старообрядческой версии как наиболее вероятной в деле Казанской иконы говорил известный казанский историк и религиовед Дмитрий Хафизов: <https://mediarepost.ru/news/115102-po-sledam-kazanskoj-ikony.html>

нили Казанскую икону, и сейчас она у них, в каком-нибудь далёком лесном скиту или в храме под Казанью.

Адвокат Фёдора Чайкина на судебном процессе 1904 года по делу Казанской иконы Георгий Тельберг, человек яркой судьбы, юрист, политик, министр юстиции в колчаковском правительстве, написал интересные воспоминания, находясь в эмиграции в Соединённых Штатах Америки. Его мемуары хранятся в отделе манускриптов библиотеки Конгресса США, часть из них опубликована в современной России.

Вот фрагмент воспоминаний Георгия Густавовича: «Могу высказать свою догадку о судьбе Казанской иконы. Знаю, что Фёдор Чайкин имел понятие об исторической и религиозной ценности святыни, перевода, разумеется, и то, и другое в ценность денежную. Поэтому он уничтожил бы её только в крайности. Но крайности в его деле не было: после преступления он жил в своей квартире спокойно почти неделю. Думается, у Чайкина был сообщник, ускользнувший от следствия. Как только икона была освобождена от земных богатств, она и часть драгоценностей были тотчас переданы этому сообщнику. Следующее утро уже не застало сообщника в Казани. Куда он двинулся, были ли у них заранее выработанный план и приготовленное убежище – на этот счёт я не имею никаких догадок. Может, преступник спрятал икону в тайник, чтобы переждать горячее время, а затем сам окончил неожиданно свои дни в какой-нибудь стычке с полицией, и Казанская святыня лежит до сего дня, погребённая в тайнике. Пройдут ещё годы, наполненные малыми и большими человеческими смутами, и кто знает, может, опять чья-то лопата, как и четыре века назад, отроет из-под земли древнюю святыню. И лик Богоматери, обсыпанный землёй и ещё более почерневший от времени, снова взглянет на мир скорбными очами».

Мы, жители Руси Великой, матушки России, ждём. Ждём Царства Божия в Отечестве нашем, радости в людских лицах, искреннего смеха, огней многочисленных работающих предприятий, полных детских садов и школ, гарантий для людей, хороших дорог, распаханых и засеянных полей, строительства жилья, полётов к звёздам, уважения к материнству и старости, дружбы и добрососедства с другими странами и народами. В нас, жителях могучей России, есть неизбежная уверенность в том, что это благодатное время, время великих свершений и побед, наступит. Просто не может не наступить. А вот когда оно придёт – тогда и явится нам вновь Казанская икона Божией Матери во всём своём сиянии и великолепии. Мы ждём, мы просто ждём. И верим.

**Иван
ЩИТОВ**

В МОЕЙ БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКОЙ ВСЕЛЕННОЙ...

СВАДЬБА

Чужая свадьба... Платья белый снег.
За прелесть молодую грех не выпить.
Глаза невесты – лошади в огне –
Беснуются и тащат на погибель.

Невеста – от «не ведает греха»,
А кто изведал – «ведьма», не иначе.
Но мне ль её за нежность попрекать,
Доверенную в страсти, без отдачи.

Былой любви уже не повторить.
Кого ни встретить – пародия, и только.
Горланил я, переходя на крик,
Гостям и сердцу ноющему: «Горько!»

Изрядно захмелев, глуша портвейн,
Я еле шёл, катился прочь как камень.
А небо целовало лбы церквей
Холодными багровыми губами.

-
- Иван Григорьевич Щитов родился в 1989 году в селе Усть-Ишим Омской области. Учился в Омском государственном аграрном университете. С 2016 года живёт в Санкт-Петербурге. Автор сборника стихотворений «Моё Отечество – деревня», выпущенного в 2020 году в Москве при поддержке Министерства культуры РФ и Союза российских писателей. Победитель IV Всероссийского конкурса молодых поэтов имени Бориса Богаткова (Новосибирск, 2020). Победитель Всероссийского открытого литературного конкурса, посвящённого 150-летию И.А. Бунина, «Вернись на Родину, душа!» (Орёл, 2020). Победитель Всероссийской поэтической премии имени Николая Рубцова «Звезда полей» (Вологда, 2021).

СВЯЩЕННЫЙ ЗОВ

Умчался день мальчишкой конопатым –
Домой его никак не заволочь.
Рябиновые ягоды заката
Вороной чёрной склёвывает ночь.

Как будто бы согбенные старушки,
Глядя слепыми окнами на лес,
К земле прижались ветхие избушки,
Придавленные маревом небес.

Тайга угрюма, сумрачна и сонна.
Благую тишь не вычерпать ведром.
Свинцовой шали звёздные узоры
Утюжит в речке маленький паром...

И не унять душевную истому,
Священный зов таинственной земли.
И глухнет мир, чтоб слышать эхо грома
За сотни вёрст от родины вдали.

РЖАВОЕ НЕБО

Я видел небо, ржавое от молний...
Большая туча чёрная, как танк,
Затмила свет, и растоптала полдень,
И ливнем прокатилась по цветам.

Весь мир вокруг был, как трава под камнем,
Расплющен опрокинутой грозой,
И лишь осины тощими руками
Сдержать пытались небо над собой.

И я упал – обрушился на землю
Не как солдат, а как метеорит,
Несущий в сердце ненависть вселенной,
Что, вырвавшись, весь мир испепелит.

Гремело небо, ржавое от молний.
Невиданный пожар вставал стеной...
А я лежал и крепко землю обнял,
В расцвете лет раздавленный войной.

БЕССОННИЦА

Всё было сном: жизнь пролетела конницей,
Промчалась вскачь сквозь сны и времена.
Одна лишь ты была моей бессонницей,
Прекрасным пробуждением от сна.

Что наша жизнь – бездумное забвение,
Беспамятство, дремота, забытьё.
Лишь ты одна была моим прозрением,
Нежданное видение моё.

Нам время лжёт, и мы к нему доверчиво,
Как к солнцу, поворачиваем лик.
Я долго спал, но был разбужен женщиной,
Что засыпать мне больше не велит.

Пусть рухнет мир и заново построится,
Низвергнутся и царства, и цари,
Я не усну... со мной моя бессонница –
Мой вечный смысл рождаться и творить.

ЦВЕТОК

В торжестве немого увядания –
В беспощадно сорванном цветке –
Я увидел гибель мироздания
В грубой человеческой руке.

Цвёл он, запустив надёжно корни
В мировую плоть – земную твердь,
Сквозь асфальт и плитку на платформе
Гармонично вписан в круговерть.

Но сорвал его прохожий мальчик,
Бросив рядом с мусорным бачком,
Непригодный, мёртвый одуванчик –
Солнце для букашек и жучков.

Смерть всегда страшна и откровенна,
Но в пылу божественной игры
Сменят гибель маленькой Вселенной
Заново рождённые миры.

Потому я грустен, но спокоен,
Что познал и принял эту мысль:
Как цветок – из мира вырван с корнем
Каждый, кто ушёл, – продолжит жизнь.

ФОНАРЬ

Погас фонарь, и кажется – чего там?
Перегорел сияющий вольфрам.
Но стало неуютно пешеходам
По темноте идти к своим домам.

Он столько лет им освещал дорогу
И в дождь, и в снег, роняя яркий свет,
Он приходил заблудшим на подмогу,
В слепой ночи указывая след.

Но вдруг, не замечаемый годами,
Погас... И сразу вспомнили о нём.
Склонялся он к безвестной встречной даме
Сияющим джентльменом – фонарём.

И хоть на миг, на краткое мгновение
Мир стал другим от алчной темноты,
Как будто замер в призрачном падении
Сорвавшейся в беспмятство звезды.

Как страшен час вселенского забвения!..
Он ждёт нас всех – кто светит и горит.
Пусть тьма вокруг, но если видно тени,
То, значит, есть над мраком фонари.

ЧЁРНОЕ МОЛОКО

Утро ещё далеко,
Месяц беспечно дремлет.
Чёрное молоко
Вылито над деревней.

Звёзды, сродни пшenu,
Сыплются на дорогу.
Слушая тишину,
Можно услышать Бога.

Сонные рыбаки
Тянут безвольный невод.
Здорово спать у реки
И укрываться небом.

Видеть во сне, как легко
Утро в рассветной гамме
Чёрное молоко
Алыми пьёт губами.

ЗИМА

Когда зима нечаянно приходит
И светлой шалью покрывает лес,
Плывёт земля, как белый пароходик,
По голубому мареву небес.

Десятки труб из домиков картинных
Пускают в небо плавные дымы,
И хлопья снега в тёплые квартиры
Стучатся как посланники зимы.

Сиреневая бездна нависает
Над проторённой к речке колеёй,
И тропка белоснежная лесная
Ползёт в тайгу виляющей змеёй.

Янтарным ожерельем ярких окон
Бревенчатые тянутся дома,
И целый мир – как будто белый кокон,
В который всех укутала зима.

ДЕРЕВЕНСКАЯ НОЧЬ

С закатом солнца день уже остыл,
Упала тьма на улицы деревни.
Мир кажется понятным и простым,
Качая звёзды на руках деревьев.

В такую тьму из дому – ни ногой.
Я не боюсь... я не хочу нарушить
Тот безмятежный, благостный покой,
Который так затрагивает душу.

Как будто всё вокруг – и мир, и я –
Вселенской тайной связаны бессрочно.
И жизнь моя, и молодость моя
Вошли украдкой в сумрак полуночный.

Он не страшит... в нём нету пустоты..
И темнота бывает откровенной.
Какая ночь! В ней столько красоты –
В моей большой и маленькой Вселенной.

**Виктор
ДУШНЕВ**

ПО ЗАДОНСКОМУ ТРАКТУ

Журнальный вариант

Небо прояснилось. Солнце медленно поднималось к зениту. После длительной весенней непогоды временами проскальзывающие между серыми, холодными облаками лучи дневного светила ласкали землю. В мир шагнул май, а стабильного тепла как не было, так и нет. Запоздалая весна 1829 года оттягивала период цветения природы. Беспокойные крестьяне выходили на улицу. Суетились. Смотрели то на небо, то на землю, наклонялись к ней, родимой, щупали её, мяли, прикладывали то к щеке, то к уху, прислушивались, пытались предугадать движение тепла, и, не найдя нужного ответа, пальцами разрыхляли чернозём. Потом, сойдясь в небольшую группу, кратко говорили, советовались, успокаивали друг друга.

Кому хорошая погода нужна была, а кому она – какая ни есть – всё погода. Вот Александр Сергеевич Пушкин путешествовал по России и на этот раз ехал по Задонскому тракту на Кавказ. Ему всякая погода хороша. Ямщики довезут куда угодно.

Небольшого роста, смугловатый, кучерявый, суетливый гость ловко запрыгнул в коляску под козырёк. Слуга Игнат угнезвился на облучке, затих. Ямщик Митяй Даев тоже уселся рядом со слугой кучерявого пассажира, приготовился к отъезду, слушая команду барина. Но барин продолжал толковать с трактирщиком Тагинцевым, уверяя его, что на обратном пути в Петербург он заедет в Задонск именно в трактир Тагинцева отведать у него ухи из бирючков.

– Изумительная уха у тебя, такой ухи действительно на всём свете не сыщешь! – барин толкнул в спину Митяя: – Поехали! Погоняй, Митяй, пора в дорогу!

Коляска, запряжённая парой гнедых коней, скрипнула колёсами, покатила по почтовому тракту. Тагинцев потянулся в сторону уезжающего экипажа, как бы пытаясь догнать их, но лишь перекрестил путников, промолвил:

● Виктор Михайлович Душнев родился в 1950 году в райцентре Хлевное Липецкой области. Окончил исторический факультет Липецкого государственного педагогического института. Автор нескольких прозаических и поэтических книг. Произведения В. Душнева вошли в книгу «Писатели Липецкого края. Антология. XXI век» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Липецке.

– Спаси вас Господь!

Трактирщик долго стоял и смотрел в сторону отъезжающей коляски. Когда она скрылась в овраге, он развернулся и, опираясь на перила, поднялся на крыльцо. Потом уселся поудобней на боковой лавке, и ему в голову поплыли мысли прошедшей ночи и утра.

«Вот каким оказался сочинитель Пушкин. Много слышал про него, даже книжка стихов имеется, и вот довелось впервой увидеть и поговорить с ним. Чуть-чуть я не накормил его залежалой телятиной, – в неудовольствии махнул рукой он, потом слегка усмехнулся: – Уж сперва слишком прост на вид он показался. Да ничего, обошлось».

– Чудные и таинственные эти сочинители, – продолжал трактирщик размышлять вслух, – вечные непоседы. Вон сколько их по этой дороге проезжало, не сосчитать. Все куда-то спешат, суетятся. До всякого у них дело есть. Вот когда у меня был господин Грибоедов – как его по имени-отчеству, запомятовал, – почесал бороду трактирщик, – тот, хотя с виду и степенный господин, но тоже всё выспрашивал, интересовался: где, да как, когда, откуда? Приятно с ними, с сочинителями, вести беседы. Очень рассудительный народ.

***

Тем временем путешественники довольно быстро поехали по просохшему тракту. Уездный город Задонск скрылся за холмами и оврагами. Коляска часто подпрыгивала на ухабах, но рессоры смягчали толчки. Елецкий ямщик по имени Дмитрий (Митяй) Даев, очень суровый на вид, иногда подстёгивал коней, когда те замедляли свой бег.

– Замечательный, видать, человек, этот задонский трактирщик Тагинцев, – размышлял вслух Пушкин. – Ишь ты, какая странность: только у них на верхнем Дону бирючки водятся, больше нигде! Интересно.

Пушкин задремал. В воспалённом мозгу замелькало сновидение: «Генерал Ермолов? Откуда он? Орловскую-то губернию мы давно проехали».

От сильного толчка кабриолета Пушкин очнулся. Перед глазами мелькали маленькие, соломою крытые избы какой-то деревни.

– Где мы, голубчик? – немного привстал поэт и тронул за плечо ямщика.

– Даньшино проезжаем.

«Недалеко отсюда милой бабушки Марии Алексеевны Ганнибал родные места, – вспомнилось Пушкину, – Липецк, Корневщино...»

– Послушай, Дмитрий, – снова обратился Пушкин к ямщику, – сколько отсюда до Липецка будет вёрст?

– Что-то вас, барин, заинтересовал этот городишко? Там воды лечебные, грязи, подлечиться хотите? – задал встречный вопрос Пушкину ямщик.

– Да там родина его благородия Александра Сергеевича и матушки Надежды Осиповны, – ответил за своего господина сидевший рядом с ямщиком на облучке слуга Игнат.

– А-а-а... – откликнулся ямщик, – земляки мы с вашим барином, значит. Я из Доброго родом, выкупился из крепостной неволи, да и в Елец подался. В Ельце спокойней... – молвил ямщик Митяй, сделал полуоборот в сторону пассажира, пробасил: – А тут вёрст через пятнадцать будут ямская станция и волостное селение Хлевное. Там можете пересесть. Хлевенские ямщики быстро доведут до Липецка. До него от Хлевногo с небольшим вёрст шестьдесят.

– Пожалуй, в другой раз, – ответил Митяю Пушкин. – Непременно в Липецк заехать нужно. Может быть, на обратном пути. А сейчас спешить

в Пятигорск нужно. Уж слишком много времени я потерял в Орле у генерала Ермолова и у Стаховичей в Пально-Михайловске.

Вдали на крутом бугру показались хлевенские избы. После крутого спуска начался такой же крутой подъём.

– Мц... но! – свистнул кнутом ямщик. – А ну, ещё немного налегни, залётные!

Кони тяжело выволокли коляску наверх крутизны. С этого места открывалась прекрасная панорама заката. Красный диск уходил за горизонт, оставляя ярко-жёлтое с красноватыми оттенками зарево, освещающее радужным светом землю. На краю неба нависли изорванные облака.

– Закат на погоду указывает, – промолвил ямщик Митяй, слегка подстегнув коней. – Завтра тепло будет.

Кони, возбуждённые ударом кнута, почувствовав облегчение на равнине, помчали дальше. Немного погодя подъехали к Хлевенской почтовой станции. Коляске, преодолевшей многочисленные спуски и подъёмы, после тридцативерстового переезда требовался ремонт. Тем более предстояло проехать ещё примерно вёрст шестьдесят. Рядом с почтой и ямским двором стояла ещё не остывшая кузня. Позвали кузнеца Матвея Политова. Умелец кузнечного дела Матвей начал «колдовать» над осями, рессорами и всевозможными соединительными узлами. Где постучал слегка молотком, где ахнул кувалдой, где ключом подкрутил гайки и болты, предварительно нагрев их.

Пушкин, чтобы размяться и любопытства ради, прошёлся вдоль деревянных, в основном крытых соломой хлевенских изб. Бедные, немного побогаче и уже совсем богатые, из красного кирпича, крытые черепицей хаты говорили о разнообразном уровне жизни хлевенских жителей. В Хлевном жило много дворян-однодворцев, которые отличались от соседей-крестьян: учились в гимназиях и даже в университетах, в военных училищах, неплохо одевались, имели образование, служили, иногда уезжали на армейскую службу и редко возвращались домой, другие имели гражданскую службу и тоже уезжали в города, благо рядом их было много – Воронеж, Липецк, Елец, Тамбов и даже Задонск.

Александр Сергеевич подошёл к небольшой группе крестьян, мирно беседовавших возле одного дома. Они с недоверием посмотрели на подошедшего незнакомого господина. Их взгляды спрашивали: «Чего надобно этому барину?»

Пушкин поздоровался, спросил о жите-бытье хлевенских людей. Разговор быстро наладился.

– Когда урожайный год, – говорил приземистый крестьянин с плешивой бородой по имени Семён, – живём неплохо. Зимой подрабатываем на различных промыслах.

– А кто мало землёй занимается, – вступил в разговор второй, высокого роста, худощавый крестьянин, – тот кузню имеет, как вон Матвей Политов, или в ямщиках, как вон Гаврила Коротких, – указал высокий крестьянин на стоявшего рядом мужика. – Иль шорники... Хомуты шьют, одним словом – сбрую...

– Платим царю-батюшке кто ямскую, кто какую другую повинность, – поведал Гаврила. – И он нас не забывает, и мы его частью своего заработка поддерживаем. Вот такое взаимное, на основании воли царя, можно сказать, взаимопонимание.

– А помещик у вас есть? – спросил Пушкин.

– Дворяне столбовые у нас живут, дворяне-однодворцы, – заметил Семён, – но однодворцы сами пашут, крепостных крестьян у них нет, но на судьбу не жалуются: они могут выучиться и пойти на царскую службу.

Крестьяне переглянулись: так ли они говорят? По виду незнакомого барина поняли, что так, и посмелели, продолжили разговор.

– Над нами нет помещика, Бог миловал, – перекрестился Семён, перекрестились другие крестьяне. – Вон в Лозовке есть помещик, в Синдякино есть помещица Кантаниха, в Коне есть помещик-людоед Сенявин.

– Адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина-Конь поместье? – переспросил Александр Сергеевич.

– А кто его знает, адмирал он аль генерал, – сказал высокий худощавый крестьянин. – Пока живут они, конёвские помещики, не тута, по большей части в столицах – в Петербурге, в Москве. А тут управляющий лютует. Туго приходится ихним крестьянам. Иной год до нитки обирают. Нам куда легче жить. Что положено – заплатим вовремя царю-батюшке, и всё, с нас больше не сыскивай!

В это время послышался голос ямщика Митяя.

– Кабриолет готов, барин, поехали!

– Александр Сергеевич! – позвал хозяина слуга Игнат. – Тут вас ещё стационарный смотритель дожидается, на чай приглашает.

Пушкин поблагодарил крестьян за беседу и быстро, лёгким шагом удалился. Крестьяне, пожав плечами, переглянулись.

Подойдя к ямской станции, Александр Сергеевич увидел рядом с ямщиком Митяем и слугой Игнатом стоявшего, довольно прилично одетого незнакомого человека. Тот протянул руку для приветствия Пушкину, представлялся:

– Стационарный смотритель, чиновник четырнадцатого класса Душелин Савватей Севастьянович. Прошу посетить мои хоромы, испить горячего чаю с тульскими пряниками.

– Благодарю за приглашение на чай, уважаемый Савватей Севастьянович, – вежливо поблагодарил стационарного смотрителя поэт. – Но поздно. А нам да Воронежа за полночь надо добраться.

Пушкин протянул руку для благодарности стационарному смотрителю, ещё несколько раз сказал спасибо – и легко запрыгнул в коляску.

Однако дорога полна неожиданностей. Говорят, загадывать на будущее не надо, обязательно получится всё наоборот. Хотел Александр Сергеевич доехать до Воронежа в тот же вечер, когда выехал из Задонска, да непредвиденные обстоятельства заставили экипажу остановиться, едва не доехав до Конь-Колодезя.

Уже темно стало. Мрак густел. Своими чернеющими щупальцами он охватывал землю. Ямщик и слуга покачивались на облучке. Пушкин, убаюканный плавающей качкой кабриолета, снова в какой уже раз чуть не задремал. Но очнулся. Сумерки продолжали одевать землю мраком.

– Дмитрий, а Дмитрий, – толкнул ямщика в спину Пушкин.

Ямщик зевнул в кулак и без слов оглянулся на сидевшего под козырьком коляски барина. Окинул его сонным взглядом, безмолвно вопрошая: «Что надо, барин?»

– Послушай, Дмитрий, – Александр Сергеевич высунулся из-под козырька, вглядываясь в сумерки.

– Ну, слушаю, барин, слушаю, – нехотя вырвал из себя несколько слов ямщик.

– А что за Сенявины владеют каким-то Конём?

– Да не просто Конь, а Конь-Колодезь, – снова повернулся назад Митяй, не скрывая язвительной улыбки.

Пушкин заметил насмешливую гримасу ямщика, но промолчал, продолжая слушать Митяя. Тот выпрямился, подстегнул коней, которые прибавили ходу, а ямщик сел вполоборота и продолжил пояснять сановному собеседнику, как казалось ему, простые истины:

– А помещик? Так это Григорий Алексеевич Сенявин.

– Так я знаю Григория Алексеевича и сына его Ивана Григорьевича, ротмистра лейб-гвардии Измайловского полка. Прекрасные люди!

– Насчёт сынка барина ничего сказать не могу, – ещё круче повернулся Митяй в сторону Александра Сергеевича. – А барин конёвский – сущий людоед. Такого людоеда мир не знал. Тяжко живётся его крепостным крестьянам.

– А в чём проявляется его людоедство? – поинтересовался Александр Сергеевич.

– Да во всём! – передёрнул плечами ямщик, выпрямился, как бы приготовился к длительному и неприятному разговору. Стегнул кнутом одну, потом другую лошадь, придав им скорости, немного успокоился и заговорил более сдержанным тоном: – Долгая история, барин!

– А ты Расскажи, голубчик! – настаивал поэт. – У нас дорога длинная.

– Ну, слушай, барин. Мне однажды рассказывали здешние мужики, но я крепко запомнил их рассказ про местного помещика-людоеда. Ведь что тут сказать: кто не был в крепостной неволе, тот не поймёт сути дела. Как ты знаешь, барин, семнадцать лет назад была война с шаромыжниками, то бишь с Бонапартием. Ведь весь народ поднялся на борьбу с врагом. Ушли воевать и конёвские крепостные мужики. И, надо признать, воевали они, не жалея, как говорят, живота своего. Многие там, на чужбине, головы свои сложили, за Отечество сражаясь, некоторые калеками возвратились. За такое геройство, наверное, полагается свобода от крепостной неволи? – внимательно посмотрел на Пушкина ямщик.

– Непременно, – кратко ответил поэт.

– А вот конёвский людоед так не считает, – продолжил, не меняя тему разговора, Митяй. – Так, вместо воли – новая неволя, да ещё хлеще прежней. Люди конёвские, видя вопиющую несправедливость, заволновались. Взбунтовались. Так барин конёвский вместо того, чтобы поступить по справедливости – отпустить на волю героев, подал прошение воронежскому губернатору об усмирении бунта. В Конь-Колодезь из Воронежа прибыл эскадрон гусарский. Ну, гусары и усмирили бунтарей. В невольной схватке кровь пролилась. Гусары, нужно отдать им должное, не хотели крови, но ведь крестьяне, тем более боевые крестьяне, видевшие смерть на войне, сами в огненном пекле побывали, не захотели уступать. Убитых сенявинских холопов куда-то утащили, и след простыл.

Пушкин поморщился. Ему явно дурно стало. Митяй заметил, что переборщил с рассказом – замолчал. Александр Сергеевич, справившись с подступившей тошнотой, с недоверием посмотрел на собеседника, сказал:

– Ну ты, Дмитрий, и врать мастак!

– Голь на выдумки хитра, – усмехнувшись, смягчил свою речь ямщик и, помолчав немного, снова заговорил: – Конечно, трупы где-то закопали, не дали родственникам похоронить. А живым тогда хуже, чем мёртвым, досталось: порке были подвергнуты все жители поместья – и виноватые и безвинные.

– Да-а-а... – многозначительно протянул Пушкин.

Однако ничего не успел сказать, как лошади неожиданно и резко кинулись в сторону. Хрустнула оглобля. Ямщик, напрягая мускулы, натянул вожжи на себя, закричал что есть мочи:

– Тпр-р-р-у-у! Стоять! Куда вас леший несёт?!

Кабриолет слегка наклонился, но быстро возвратился в устойчивое положение. Митяй сумел укротить лошадей.

– Что же мы будем делать, голубчик Дмитрий? В Хлевное возвращаться? И где этот Конь-Колодезь?

– Да вот он, этот Конь-Колодезь! – показал в сторону темнеющих в сумерках изб Митяй.

– А до усадьбы барина далеко?

– Да не очень.

– Так распрягай лошадей. Игнат кабриолет покараулит, а мы верхом доедем, я думаю, господа Сенявины нам окажут посильную помощь.

– А дома ли они? Здешние господа в столицах живут.

– Но управляющий же есть. Он разве не может нам оказать помощь? Я же дворянин.

– Конечно, конечно... – бормотал себе под нос Митяй, тем не менее продолжая распрягать коней. – А без седла сможешь ехать, барин? Ведь сёдел нету...

– Я не раз ездил на конях верхом без сёдел, – усмехнувшись, ответил Пушкин. – Эй, Игнат, покарауль, голубчик, кабриолет и сбрую, а мы с Дмитрием съездим к Сенявиным за помощью.

– А разбойники?! – вдруг заволновался Игнат.

– Какие разбойники? – отозвался на вопли Игната Митяй. – Тут их отродясь не было.

Игнат, успокоившись, начал ещё глубже укутываться в одежды и одеяла, так, что через некоторое время от него пар пошёл. Пушкин и Митяй сели верхом на лошадей и трусцой поехали в село Конь-Колодезь. Проезжая мимо барских конюшен, путники услышали жуткий человеческий – не крик даже, а рёв, отрывающийся в ушах и надрывающий души проезжих.

– Что это такое? – в испуге спросил Александр Сергеевич своего спутника.

Митяй невозмутимо глянул на Пушкина:

– Я же говорил, барин, что Сенявины – чистые людоеды.

– Что, крестьян режут, что ли? – кинулся заступаться Пушкин, направляя своего коня в сторону чужой конюшни.

Однако Митяй ловко поймал за уздечку коня и остановил его.

– Не твоё дело и не в твоём поместье, барин, – пояснил Митяй. – Никто их не режет, видать, розгами наказывают за какие-то провинности. Мы им ничем не поможем, а только навредим.

– Почему?

– Да всё потому же, – в раздражении, глядя в глаза Пушкину, молвил Митяй. – Допустим, истязатели сейчас тебя послушаются и отпустят крестьян. Но завтра мы уедем, барин, а бедняги с извергами останутся наедине и будут биты до смерти, что тогда?

Александр Сергеевич в бессильной злобе махнул рукой и воскликнул:

– Поедем скорей отсюда! Дмитрий, я не могу это слышать!

Пушкин подстегнул коня и помчался прочь. За ним еле успевал Митяй. Однако ямщик всё-таки догнал беглеца, опередил его и, увлекая за собой, поскакал в сторону усадьбы Сенявиных. Увидев барский дом, Пушкин сменил свой гнев на восторг:

– Да это же дворец светлейшего князя Меншикова! Не в Петербурге ли мы находимся?

– С чего это вы, барин, взяли? Какой Петербург? Мы в Конь-Колодезе Воронежской губернии, Хлевенской волости у дворца Сенявиных, в их имении...

– Да, только я поражён сходством этого дворца с дворцом Александра Даниловича Меншикова.

Пушкина с восторгом встретил в дверях молодой бравый ротмистр лейб-гвардии Измайловского полка Иван Григорьевич Сенявин.

– Какими судьбами в нашу глушь, Александр Сергеевич? Вот так встреча! Пойдём в гостиную, пойдём! Василий! – кликнул слугу офицер. – Забери у дорогого гостя одежду.

Лакей подхватил всё, что кинул ему гость.

– Пстой, голубчик, – махнул Пушкин рукой слуге, потом повернулся к ротмистру и сказал: – Иван Григорьевич, у меня недалеко отсюда сломалась коляска, не могли бы вы нам помочь? Там, в дверях, ящик стоит, а в поле мой слуга в коляске один сидит.

– Не изволь беспокоиться, Александр Сергеевич. Василий! Сделай как надо гостю, – указал рукой лакею офицер.

– Слушаю, – ответил слуга и хотел уходить, как его снова окликнул Пушкин.

– Пстой, голубчик! Иван Григорьевич... У вас на конюшнях истязают крестьян. Нельзя ли остановить экзекуцию?

– Эх, отец, отец! Сколько я ему говорил, чтобы прекратили издеваться над крестьянами! – возмутился молодой Сенявин. – И этот каналья Самсон – истый Малюта Скуратов. Ну, я доберусь до него! – погрозил в пустоту кулаком Иван Григорьевич. – Василий! Распорядись прекратить экзекуции крестьян.

– А как батюшка ваш? – засуетился слуга.

– Что, Василий, тебя самого Самсону отдать?

– Простите меня, Иван Григорьевич, – затрясся в испуге слуга. – Не надо!

– Я распорядился! – крикнул ротмистр. – Выполняй!

– А как выполнять?

– Передай Самсону, что если он будет продолжать издеваться над крестьянами, то я лично сам с него шкуру сдеру, высушу и на пол постелю другим в назидание, а его поганые мощи прикажу псам на съедение кинуть. А с отцом я договорюсь, не бойся. Василий, иди быстрее, а то крестьян до смерти засекут. Такое уже было. Пойдём, Александр Сергеевич, наверх, – потянул Пушкина за локоть молодой Сенявин. – Там батюшка мой, командор Григорий Алексеевич и кузен, адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. Не обессудь, женской компанией я тебя усладить не могу, все дамы в Петербурге остались. Здесь, можно сказать, только два дня, как мужской «монастырь» образовался, – засмеялся Иван Григорьевич.

Скоро они вошли в кабинет Григория Александровича Сенявина. Небольшая комната блистала изысканной отделкой. Ко всеобщему восхищению сочетанию красок на стенах и потолках добавлялись персидские и арабские ковры, живописные картины, портреты. Хозяин дворца сидел грузно в кресле и, жестикулируя, что-то рассказывал племяннику, адмиралу Дмитрию Николаевичу. Вошедшие в кабинет молодые люди прервали разговор пожилых родственников на полуслове.

Адмирал даже выглядел постарше своего дяди-командора. К тому же Дмитрий Николаевич смотрелся уставшим, многое в жизни пережившим. Лысая голова, на висках и на затылке седые редкие волосы, глубокие морщины на лице говорили о былой беспокойной жизни адмирала. Глаза серые, выцветшие, но всё ещё пронизательные и бегающие. Герой русско-турецкой войны. Это он впервые применил в морском сражении тактику маневренного ведения боя. В 1807 году дважды летом в Дарданельском и Афонском морских сражениях он разгромил две сильнейшие турецкие эскадры. Пожалуй, после этих поражений турецкий флот начал терять былую боеспособность. И вот он, адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин, герой былых морских сражений, сидит в имении своего дяди – командора Григория Алексеевича Сенявина в Конь-Колодезе, в имении, подаренном Петром Первым их предку, одному из первых адмиралов, основателю Черноморского флота Науму Акимовичу Сенявину... Сидит и пьёт чай. И озадачен лишь тем, чтобы не так сильно болели суставы, чтобы не мучали изжога и одышка. Да и тревожное положение в армии и на флоте встречало болезненную реакцию старика. Но ничем он помочь уже не мог, если только советами, которые вроде бы внимательно слушали, но на практике не применяли. И остаётся отставному флотоводцу лишь брюзжать на молодых военных, которые не хотят перенимать опыт стариков.

И поэтому Дмитрий Николаевич принял приглашение своего дяди посетить его имение, которое было родовым имением Сенявиных. Мягкий, приятный климат Центрального Черноземья на берегу Дона давал возможность отдохнуть здесь душой и телом. Должность командующего Балтийским флотом его тяготила, и адмирал Сенявин, уйдя фактически в отставку, решил остаток дней своих пожить в деревне. Так знаменитый флотоводец оказался в имении деда своего, Алексея Наумовича Сенявина, и прадеда – основателя Черноморского флота Наума Акимовича Сенявина.

– Александр Сергеевич Пушкин! – громогласно представил сидевшим старикам приехавшего гостя Иван Григорьевич Сенявин.

– Очень рады, очень рады такому гостю, – принимая приветствия от Пушкина, несколько раз повторил необходимые для этикета слова командор. – Какими судьбами, Александр Сергеевич?

– Пути Господни неисповедимы, – приветствуя уже адмирала, ответил хозяину поместья поэт.

– Присаживайся, гость дорогой, вот кресло, – указал раскрытой ладонью на кресло Григорий Алексеевич, потом взял в руку колокольчик и позвонил, вызывая слугу.

– Слу-у-ушаю, – глуховато и протяжно отозвался вошедший слуга и полусогнутым остановился в дверях.

– Распорядись там насчёт ужина, уважаемый.

– Ужин готов, ваше превосходительство, – ответил слуга. – Только куда его подать?

– В столовую подай, дорогой Илья, – очень мягко приказал слуге хозяин.

– Слушаю.

– Путешествуем, Александр Сергеевич? – спросил поэта адмирал.

Поэт рассказал собравшимся Сенявиным о своей поездке в Арзрум. Услышав из рассказа поэта имя генерала Ермолова, адмирал Сенявин приятно улыбнулся. По всему было видно, что он с уважением относится к генералу. Он даже перебил рассказ Пушкина, не удержавшись по-стариковски вставить в разговор свою реплику:

– Славный генерал Ермолов! Рано, я думаю, наш батюшка император отозвал его с Кавказа. Уверен, будь сейчас Алексей Петрович командующим кавказским корпусом, война с басурманами велась бы намного успешней.

– Он вольнодумец! – отпарировал адмиралу командор. – Поэтому Государь император счёл благоразумным поступком убрать его с Кавказа.

– О вольнодумстве опального генерала больше разговору, – снова заступился за генерала Ермолова адмирал Сенявин. – Я вижу здесь явный навет.

– Ну, об этом можно долго спорить, – прервал тему разговора помещик, – пройдем лучше в трапезную, мы гостя заморили.

Перешли в столовую. Проходя по внутренним залам сенявинского дворца, Александр Сергеевич не мог не удивляться сходству его с дворцом светлейшего князя Меншикова в Петербурге. Заметя любознательный взгляд поэта и догадавшись о причине его восхищения, ротмистр Сенявин сказал:

– Не удивляйтесь, Александр Сергеевич, наш дворец построен в прошлом веке зодчим Коробовым, который построил точно такой же дворец светлейшему князю Меншикову Александру Даниловичу в Петербурге. Прадедушка мой, первый флотоводец Российский Наум Акимович Сенявин пригласил в свою усадьбу знаменитого зодчего, и он осуществил повторно свой проект в Конь-Колодезе.

Столовая у Сенявиных была просторной и уютной. На столе помимо всевозможных изысканных кушаний Александр Сергеевич заметил точно такую же уху из бирючков, что была и в Задонске, в трактире у Тагинцева.

– И у вас бирючки водятся? – удивился Пушкин.

– А что в том удивительного? Тут всякая рыба водится, в том числе сом, и голавль, и, конечно, наша прелесть – бирючок. Он костляв для еды, но уха из него отменная. Да, слишком диковинная рыба – бирючок, наполовину морской бычок, наполовину тот же донской ёрш. И ведь что удивительно, – поднял вверх указательный палец ротмистр, – только на Верхнем Дону от Задонска и вниз до Семилук водится.

– Да, я в Задонске был, – продолжил разговор о бирючках Пушкин. – И там такую же рыбу и уху из неё кушал. Тамошний трактирщик Тагинцев сказал, что такая рыба на Дону от Задонска и Семилук водится.

– Этот трактирщик – знаток рыбного промысла, – улыбнулся молодой Сенявин. – Он, конечно, прав.

И рассказал историю происхождения этой рыбы, точно такую же, какую рассказывал в Задонске Пушкину Тагинцев.

После завершения молвы о бирючке разговор долго вёлся по мелочам. Потом заговорили на серьёзные темы. Адмирал Сенявин вспомнил былые морские походы и сражения. Хвалил за мужество, доблесть и отвагу русских моряков.

– А мой батюшка своих крестьян за доблесть в войне с Наполеоном их ещё сильнее в кабалу загнал, подверг истязаниям, – прямо, без дипломатических выкрутасов попрекнул отца ротмистр Сенявин.

Григорий Алексеевич от таких слов сына побагровел. Поперхнулся. Долго откашливался, потом выпил глоток вина, полотенцем вытер губы и, сдерживая себя, сказал:

– Вот станешь после меня, господин ротмистр, владеть крестьянами, а их тебе в наследство девятьсот с лишним душ достанется, вот тогда ими владей и распоряжайся, как тебе в башку взбредёт. Хоть всем вольную давай.

– И дам! – взыграла молодая кровь у ротмистра. – И мне стыдно, отец, перед людьми за то, что твоих крестьян в наш просвещённый век продолжают подвергать экзекуциям. Вот сегодня Александр Сергеевич проезжал мимо

наших конюшен и слышал крики истязаемых людей, которые нас хлебом кормят. Отец, я здесь родился и вырос. Здесь прошло моё детство вместе с крестьянскими мальчишками и девчонками. Я играл с ними во всевозможные игры. Многие из них мне друзья...

– Крепостной крестьянин не может быть другом дворянина! – повысил тон командор. – Крестьяне должны не роптать, а работать и тем самым пополнять наши и государевы богатства. А если их распустить, то они бросят работать, сядут нам на шею да ещё и есть просить станут. А тех, которых, как ты сказал, истязают, – то не за зря же. Пропоец Самсон экзекуции подвергся, про-по-ец! – спокойно кушая уху из чашки, слегка погрозил ложкой старый Сенявин.

– Ты не прав, Григорий Алексеевич! – заметил Дмитрий Николаевич. – В любом случае, каким бы крестьянин ни был – пропойца или работяга, но он в первую очередь человек. И унижать человеческое достоинство никому не дозволено. Я стою за то, чтобы каждый человек жил достойно. Тем более если он работает не покладая рук. Тогда не будет места всем этим пугачёвым и разинным. А то ведь мы сами своей алчностью обездоливаем людей и после этого требуем от них покорности да неустанной работы. Вот ты, Григорий Алексеевич, вспомнил, что крестьяне должны своей работой пополнять наши запасы, и ни словом не обмолвился, что, трудясь, крестьяне должны и сами жить достойно, хотя бы они хлеба досыта кушали, имели мало-мальски сносное жилище, нормально одевались. Ведь, в конце концов, они же хлеб растят.

– Bravo, адмирал! – воскликнул ротмистр.

– Да вы, я смотрю, вы все тут крамольники, – с усмешкой, как бы шутя, высказался Григорий Алексеевич, – декабристы! Однако я пока в этом поместье хозяин, а потому прошу уважать правила, здесь мною заведённые. И не лезьте, пожалуйста, в чужой монастырь со своим уставом.

Во всё время разговора собравшихся Сенявиных, соблюдая гостевое приличие, Александр Сергеевич Пушкин не вмешивался в их разговор и не проронил ни слова. Но в голову ему лишь закралась фраза ротмистра Сенявина, когда он обещал, став помещиком, освободить крестьян от крепостной неволи.

«Сдержит ли Иван Григорьевич своё обещание или нет?»

И надо сказать, что позже, когда уже Александра Сергеевича Пушкина в живых не будет, Иван Григорьевич Сенявин сдержит своё слово. Он продаст своих крестьян государству. Они, таким образом, станут вольными землепашцами. Но эта «выходка» последнего конь-колодезского помещика дорого ему обойдётся. Ивана Григорьевича всемогущий свет не поймёт да и не захочет понять, ведь на карту было поставлено безраздельное господство помещиков над крестьянами. Какой пример подал другим Иван Григорьевич Сенявин? И свет ему этого не простил. Была устроена травля вольнодумца. А тут ещё Иван Григорьевич Сенявин, будучи губернатором Москвы, начал непримиримую борьбу со взяточничеством и казнокрадством. Но борьба эта окончилась поражением московского губернатора из знаменитой семьи флотоводцев Сенявиных. Иван Григорьевич Сенявин не выдержал свалившихся на его голову испытаний и в пятидесятилетнем возрасте покончил жизнь самоубийством.

***

Но это будет потом. А пока молодой ротмистр Иван Григорьевич Сенявин после завершения трапезы уединился с Пушкиным. Друзья, понемногу выпивая лёгкое красное вино, ещё поговорили о поэзии, о поэтах, о рус-

ской литературе вообще. Затронули некоторые политические проблемы, бесконечные войны на Кавказе. Всего обговорить было невозможно, и они каждый в своей комнате улеглись спать. После долгих дорожных приключений и мытарств Пушкин быстро и крепко заснул.

Разбудили его, когда солнце уже ярко светило. Позавтракав и попрощавшись с радушными хозяевами, Александр Сергеевич Пушкин в который уже раз сел в дорожную коляску под козырёк. Лошади тронулись с места. Митяй неожиданно обернулся и радостным голосом сказал:

– А издеваться вчера над крестьянами на конёвской конюшне перестали. Человек пять непоротыми остались! Бают, молодой барин запретил издеваться над крестьянами. Дай, Господи, ему здоровья! – перекрестился Митяй и прибавил: – Есть, оказывается, и среди Сенявиных хорошие люди.

И, подстегнув лошадей, покачиваясь, вздрагивая, пустился в неглубокую дремоту. Пушкин тоже зевнул и провалился в цветастые и многоликие сны. Путешествие в Арзрум, до которого было далеко – впереди был ещё Воронеж, – продолжилось.

**Анна
КОРЖАВИНА**

НЕЖНОСТЬ, ПЛАЧУЩАЯ ВНУТРИ

***

Ветер хватает за ноги,
Сыплет в глаза песок.
Где ещё дверь распахнута?
Где ты не одинок?

Разве земля не в трещинах?
И наступить куда?
Всё, что успеет женщина –
До сорока.

***

От советского парка остались ступеньки,
Уходящие в никуда.
Их полвека топтали студенты
И будут топтать ещё...

От меня останется пара книжек
И девять тетрадей, которых
Никто не сможет прочесть.

-
- Анна Сергеевна Коржавина родилась в 1985 году в г. Заречный Пензенской области. Окончила Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, факультет русского языка и литературы. Соучредитель литературного клуба молодых поэтов «Берега» (2006 г.). Участница литобъединения «Риф» (Пенза). С 2020 года член редколлегии независимого литературного альманаха «РОИ» (Пенза), главный редактор литературного журнала «Четверговая соль» (Пенза). Лауреат премии журнала «Сура» в номинации «Поэзия» (2013), лауреат международного конкурса «Русский Stil» (ФРГ, 2010), фестивалей «Господин ветер» (Коломна, 2010), «Логорифмы» (Ярославль, 2010), «Стихоборье» (Воронеж, 2010) и конкурса «Социальные лифты для молодых писателей» (Москва, 2019). Пятикратная участница форумов молодых писателей России и зарубежья. Участница литературного фестиваля «Красная площадь» (Москва, 2018, 2021, 2023). Участница Школы молодых писателей ПФО (2022) и конференции членов Союза писателей России в Химках (2023). Автор четырёх поэтических книг: «Слушаю звёзды» (2005), «Танец с прошлым» (2008), «Яблоня из строки» (2015), «Лестница в сад» (2021). Публиковалась в журналах: «Сура» (Пенза), «Студенческий меридиан» (Москва), «Менестрель» (Омск), «Причал» (Ярославль), «РОИ» (Прага), «Веретено» (Калининград), «Кольцо «А» (Москва), в различных сборниках и альманахах. Член Союза писателей России.

***

Что ты мне расскажешь, лес?
Братство снега, дымка елей,
Ветхий мостик через речку.

Пробуй варево небес,
Солнце светит еле-еле,
Словно свечка.

***

Два пруда, пять парков,
Сосны и утки.
Облако жалко,
Облаку трудно.

Плывёт золотое,
День угасает.
Спи спокойно,
Солнечный заяц.

***

Глаза невозможно яркие.
Лучше бы ты в меня выстрелил.
Всюду летают листья.
Книги. Бессонница. Парки.

Ты знаменит и признан,
День твой давно расписан.
Нет, мне себя не жалко.
Ты над кроватью. В рамке.

***

Не станет камней на дороге,
Потом и дороги не станет.
И ты не вспомнишь о Боге,
И ты не прибьёшься к стае.

В саду, по-зимнему голом,
Теперь живёт только эхо.
А по лицу так больно
Хлещут чёрные ветки.

***

Знаю, так будет: день отлит из золота
И на коленях твоя голова.
Стали руины городом,
На свалках растёт трава.

Вижу рожденье твоей улыбки
Там, где асфальт стёрт до земли,
Там, где закат как на открытке
И ничего не болит.

***

Чёрная глыба неба,
Проволока веток тонких.
Ну кто ты, такой нелепый,
Торчишь на ветру без толку?

Домой идти неохота,
А небо сейчас раздавит.
Привет. Пока. С Новым годом!
Ну где же твоя стая?

***

Не спи, моё отраженье,
Горящий пух тополиный,
От мыслей найдёшь спасенье
В стихах ты или в картинах.

Укрой себя одеялом,
Довольствуйся самым малым,
Что выделено судьбою,
Что выращено тобою.

***

Снова прибыльный день, снова ночь будет ад,
Снова лето в офисе и без солнца.
Остаются воля и жёсткий взгляд,
А доверия не остаётся...

А потом будет встреча. Брюнетка с арфой.
Пара взглядов, и всё. Осколки не соберёшь
От себя вчерашнего. Как же жарко!
Ты давно не наивный мальчик. Откуда же эта дрожь?

***

По разные стороны год встречать,
Не знать, что ты пил и что ел.
Не я тебе буду стол накрывать,
Не я застелю постель.

Пускай же скорей черноту и тишь
Разрежет бритва зари.
А ты меня всё равно простишь
За нежность, плачущую внутри.

***

Осыпается жёлтый папоротник,
Сосны старые в воду падают,
И хвою золотят лучи.

По песку утиная стая,
Все когда-нибудь вырастают.
Что-то кончилось. Помолчим.

***

Вот тебе дворец и столица. Делать
Что ты будешь дальше? Весь мир – тюрьма.
Ибо ты – творец, а творец без цели
Быстро начинает сходить с ума.

Каково царить среди ничтожеств, мастер?
Почему твой город похож на склеп?
Спрячься в мастерской от двора и власти.
Как и прежде, ешь зачерствевший хлеб.

***

Между акциями и сводками,
Между курсами и работой
В старом доме из полумрака
Светит платье цвета граната.

А рука такая тонкая,
Что дотронуться было б страшно...
Где-то рядом с родными высотками
Пахнет ландышем.

Кто она? Ничего не выяснить.
Двести лет песок уже сыплется,
А мобильник хочется выбросить.
Остановишься – мигом вытеснят...

Он откроет банк в самом центре города,
За два дня до того, как стукнет тридцать.
В пятьдесят он встретит ту даму из молодости.
Но не на картине её увидит.

***

Волосы чёрные, жёсткие,
Не поддаются расчёске,
Резкий, как шпиль, собор,
Весь – напряженье нервное:
«Я не хочу в твой город,
Там я не буду первым».

***

Серая ткань города
Пахнет безумьем –
Здравствуй, белая Вологда!
Брошу московский улей
И по камням, по льдинам
Пущу корни.
На днях родишь мне
Не дочь, не сына,
А целый сборник.

***

Руки и солнце – вот всё, что случилось.
Нет никаких перемен и не будет.
В память, как в яму, всё провалилось,
Яблоки сгнили на блюде.

Голос дороги наполнен светом.
Ты возвращаешься в дом. Как призрак
Бродишь по комнатам. Где же это
Счастье, прошедшее слишком близко?

**Владимир
ЯНУШЕВСКИЙ**

«А НАД КОШКОЙ МЫШКА ЖИВЁТ...»

В довершение всех хлопот Анастасия Павловна поставила вино в холодильник, сменила воду в стеклянной вазе с нарциссами, которые купила вчера, возвращаясь с работы, застелила стол чистой белой скатертью, на которой едва заметно было давнишнее пятно от вишневого варенья, и поспешно взглянула на часы: пора было ехать на вокзал.

Кажется, всё успела. Одеваясь в прихожей, увидела в зеркале своё измученное бессонной ночью лицо: набрякшие веки, чёрные мешки под глазами, глубокие складки, протянувшиеся от переносья к уголкам губ, и смертельно бледные уши. У Анастасии Павловны от бессонницы всегда бледнели уши, причём иногда достигали такой жутко стеариновой белизны, что женщины на работе смотрели на неё с ужасом. Надо было что-то делать с лицом, но она больше ни минуты не могла стоять неподвижно, оставаться в этой своей прихожей, хотя времени как будто было ещё достаточно, — ноги сами несли её, и она, закрыв дверь на оба замка и не став дожидаться лифта, летела вниз через две ступеньки. Такое вот нетерпение овладевало ею раз в году, когда приезжала дочь с мужем и сынишкой Мишенькой. В животе у неё урчало, в груди клокотал вязкий сгусток животной радости, а по сторонам мелькали похабные надписи на стенах лестничных клетей, отлетали назад старушки на лавочке у подъезда, прохожие, машины, магазины...

Сойдя с трамвая, Анастасия Павловна обнаружила, что приехала на вокзал слишком рано. Так всегда: спешит, задыхается, вся вспотеет и — зайвится слишком рано, к тому же поезд опаздывал. Можно было скоротать время в зале ожидания — в сумочке у неё всегда лежал свежий журнал либо брошюра какая. Но ещё в прихожей возникшее нетерпение так и не прошло, ей

-
- Владимир Николаевич Янушевский родился в 1951 году в городе Куса Челябинской области. Кандидат педагогических наук. Поэт, прозаик, эссеист. Автор поэтических и прозаических произведений, в разные годы опубликованных в российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе журналах «Волга» (Саратов) и «Радуга» (Таллин). Был участником Фестиваля малой прозы, посвящённого 180-летию И.С. Тургенева (Москва, 1999). Финалист литературного конкурса «Илья-Премия — 2002» (Премия памяти Ильи Тюриня, г. Москва), автор книги стихотворений «Двоечье, или «Бронзовый век». Живёт в Ульяновске.

необходимо было двигаться, причём быстро-быстро, и она прошла вдоль перрона неизвестно куда, слушая, как перекликаются грудными голосами электровозы, и вдыхая крепкий запах креозота. Она любила подобные запахи: случилось, надышаться не могла свежими испарениями гашёной извести, скипидара, в детстве могла бесконечно пить ноздрями кислый дух сырмятных кож, из которых дед вырезал ремешки для самых разных надобностей. Мимо сами собой катились поодиночке порожние грузовые вагоны и платформы, с грохотом сцепляясь где-то позади, у неё за спиной, и образуя длинный состав. Когда подкатывал очередной вагон, сперва клацнув автоматическим захватом, а в следующее мгновение громыхнув и резко остановившись, скрежещущая дрожь проходила по всему составу, передаваясь от вагона к вагону.

И Анастасия Павловна тоже всякий раз вздрагивала. Она попробовала было рассчитать, когда следующий вагон достигнет состава, и в нужный момент напряглась, но всё равно вздрогнула от мощного, многократно повторяющегося, бегущего вдаль звука. Оттого, вероятно, вздрогнула, что слишком рано напряглась – опять поспешила, не выдержала долгого напряжения и начала расслабляться как раз в тот момент, когда надо было до предела натянуть все нервы. Мимо бесшумно покатился новенький, не успевший покрыться дорожной пылью и тепловозной копотью вагон, и Анастасия Павловна невольно залюбовалась им, решив почему-то, что это – её вагон. Ровно год назад она так же вот шла вдоль рельсов, считала товарные вагоны, поджидая поезд, в котором ехали дочь с зятем и внучок Мишенька. Тогда Мишенька только ещё начинал ходить. Какой-то он теперь? Наверное, большой, умный и хитрый. Ещё бы! Год прошёл. Анастасия Павловна опять вздрогнула и обернулась: это её вагон крепко сцепился с поездом.

На перроне было многолюдно и шумно, играл духовой оркестр, Анастасию Павловну толкали самым бесцеремоннейшим образом, и она сразу же сжалась, спряталась в себя, крепче прижала к себе сумочку, в которой было больше ста рублей, вся зарплата – забыла дома выложить, растяпа!

Убыстря шаг, она чуть не затоптала внезапно выбежавшего из толпы маленького мальчика в красивой синей куртке и, обходя его, легко коснулась рукой белобрысой головки и подумала, что точно такую же курточку она сошьёт внуку Мишеньке. Непременно сошьёт!

А Мишенька уже плющил нос о вагонное стекло и смотрел куда-то ввысь, поверх голов толпы встречающих на перроне. Анастасия Павловна враз вся налилась тёплой нежностью, сморгнула и полезла в сумочку за носовым платком. Зять уже выносил и ставил на перрон чемоданы. Она неловко чмокнула его в щёку, вдохнув запах молодого, пропитанного никотином тела. Она сделала это нарочито быстро, чтобы не смутиться. Дочь Лена с Мишенькой на руках, секунду помедлив, решительно шагнула с площадки тамбура на перрон, и Анастасия Павловна затискала их обоих в объятиях. Затем она подхватила внука, ощутив приятную тяжесть, отчего тот смутился, напрягся, но внешне оставался спокойным и принялся смотреть по сторонам.

– Мишенька, ты не помнишь бабушку? – спросила Анастасия Павловна, и голос её дрожал и вибрировал.

– Помню, – тихо, почти шёпотом ответил Мишенька, скулчился и, облегчённо зарыдав, спрятал лицо в складках бабушкиного платья.

Дома – а добрались домой на удивление быстро, и свободные места в трамвае были, только Мишенька всё ещё икал после недавних рыданий, молча смотрел в окно и изредка кивал головой, соглашаясь со всем тем, что говорила ему бабушка – дома Анастасия Павловна с невыразимым наслаждением отдалась новым хлопотам. Первым делом она усадила внука на ковёр,

выставив перед ним два игрушечных автомобиля, прозрачный пакет с разноцветными пластиковыми кеглями и – гвоздь программы – шагающую собаку с электроприводом. Ещё когда ехали в трамвае, она ворковала ему в самое ухо:

– А знаешь, кто у нас дома живёт? Собачка Тузик. Она ходит, поворачивает голову и даже лает. У неё внутри моторчик и батарейка. Мишенька любит собак?

И Мишенька едва заметно кивал. Собака действительно ходила по ковру и визгливо тявкала, обнажая красный тряпочный язычок. А Анастасия Павловна уже стремительно ходила из комнаты в кухню и обратно, уставляя стол закусками и приборами, отдавая распоряжения на ходу:

– Лена, поставь чемоданы в кладовку. И достань из шкапа чистое полотенце. Юрий Михайлович, наверно, захочет умыться.

Она называла зятя по имени-отчеству, хотя тот был ровесником её Ленки.

За обедом Юрий Михайлович, облачившийся в спортивный костюм, обстоятельно рассказывал, как трудно было закомпостировать билеты в Москве и как им несказанно повезло, когда они в конце концов сели в полупустой международный вагон, в котором ехали вьетнамские профсоюзные деятели. Оказывается, это их встречали на вокзале с оркестром.

– Никакой не международный, обычный купейный вагон с кондиционером, – вмешалась Лена, отпивая мелкими глотками вино из фужера.

– Такой вагон и называется международным, – возразил зять, слегка возвысив голос и зарозовев лицом.

Они не на шутку заспорили, то и дело упоминая незнакомую Анастасии Павловне аббревиатуру «СВ». Она смотрела на них, кормила сидящего у неё на коленях Мишу и пыталась понять, как же они живут: дружно или вот так же ссорятся из-за каждого пустяка?

– Как Новицкие поживают? – спросила Лена, так и не поняв, что муж, в сущности, хотел сделать ей и себе комплимент: вот, мол, приехали к теще на блины в международном вагоне! И незачем спорить: любой комплимент – всегда преувеличение...

– Новицкие зимой купили пианино, и теперь Лялечка на нём регулярно тренируется. А у меня регулярно болит голова. – Анастасия Павловна ткнула себя пальцем в лоб, показывая, где именно болит.

Новицкие, мать и пятнадцатилетняя дочка, жили этажом выше. Обе тонкие, высокие, они напоминали девочек-подружек, недотрог, с вечно насупленными бровями, которые панически боятся мальчишек.

– А что, Фарида Гариповна всё худеет? – задала Лена следующий ритуальный вопрос.

Она прожила с матерью в этом доме четыре года, пока не вышла замуж, и была знакома лишь с обитателями однокомнатных квартир, расположенными над ними или под ними. Пределы знакомства простирались на три-четыре этажа вверх и вниз. С Фаридой Гариповной они познакомились, едва вселившись: толстуха разбудила их среди ночи и, барабаня в дверь руками и ногами, громко кричала и причитала, что её квартиру заливают водой. Там, на полу ванной комнаты, действительно образовалась лужа. Причина потопа была банально-пикантного свойства: оказалось, вода натекла из висящей на стене резиновой клизмы-капельницы (медицинское название – кружка Эсмарха), у которой Фарида Гариповна неплотно закрыла краник.

– Зимой у нас был как-то гололёд, и Фарида Гариповна упала и сломала ногу. Ходила на костылях и стонала на весь подъезд. – Анастасия Павловна

уморительно точно изобразила голосом стоны и причитания. – Однажды она возвращалась из поликлиники, а лифт, как на грех, не работал. Так она развернулась и, недолго думая, поковыляла прямо в ЖЭК. Прочитала там длинную лекцию. А Роза стояла рядом и умоляла мать не ругаться.

Розу, дочку Фариды Гариповны, Лена знала ещё по школе: толстенькая, но очень подвижная, она выделялась среди других пионеров необычайной активностью.

– Ну и что? Отремонтировали лифт?

– Отремонтировали. Да так, что с тех пор ни разу не ломался, – ответила Анастасия Павловна шёпотом: Миша заснул у неё на руках.

Юрий Михайлович, стараясь не греметь ложкой, выкладывал себе на тарелку остатки салата. Лена задумчиво грызла яблоко.

Уложив Мишу в комнате, они переместились на кухню, где вдруг стало необычайно тесно, суетно, к тому же ещё и душно, как в переполненном трамвае, где невыносимо бывает терпеть духоту и скученность и хочется вывалиться на ближайшей остановке и идти пешком.

Когда посуда была вымыта, Анастасии Павловне вдруг с необычайной силой захотелось побыть одной. Она с удивлением обнаружила у себя это желание, мысленно – с осуждением – покачала головой, погрозила пальчиком, а когда и это не помогло, пришлось притопнуть ногой, обозвав себя последними словами. Но увещевания и угрозы были напрасны, позыв к уединению оказался чересчур сильным. К тому же разболелась голова. Она вдруг решила, что ей надо срочно принять ванну. И вымыть голову.

«Вот те на, – лёжа по грудь в воде, думала она, – так долго ждала приезда детей и так быстро устала от их присутствия». В потолок что-то гулко бухнуло. Странно, Новицких нет дома, она сама видела утром из окна, как они садились в машину своих приятелей, обе с корзинками были, за ранними грибами, видно, поехали. Грохот над головой повторился. «А над Машей кошка живёт, всё ходит, и ходит, и спать не даёт...» – пропела про себя Анастасия Павловна, над собой же тем самым посмеиваясь. Эта детская песенка слышалась как-то по радио и прицепилась. Анастасия Павловна часто ловила себя на том, что напевает про себя бесхитроустный куплетик.

Такую вот способность – умение петь про себя, без участия голоса, она заметила за собой случайно года два назад. Заметила и всполошилась: нормальные люди напевают себе под нос, а она вообще молча, уж не умом ли тронулась? Попыталась было избавиться от этой своей странности, да, так ничего не добившись, отступилась. А вскоре и стихи стала декламировать про себя. На работе, случается, сидит, тупо уставившись в табуляграммы, и поэты Северянина промышливает нараспев: «Это было у моря, где ажурная пена, где встречается редко городской экипаж...» Или дома: справляет бесконечную бабью работу и Цветаеву молча шпарит наизусть. В прошлое воскресенье стирала чуть ли не до вечера – так вышел сплошной день поэзии.

В потолок опять бухнуло. Что-то рано вернулись грибники Новицкие. Впрочем, какие сейчас грибы – в лесу сушь несусветная. Она ясно представила себе, как Новицкие, мать и дочь, ходят по полу в одних носках, в которые вонзились сухие хвойные иголки, как заталкивают в кладовку пустые корзинки, как стягивают с себя потные, пропылившиеся майки и бросают в стоящий в ванне таз, как с грохотом переставляют этот таз на пол и начинают спорить: кому из них первой мыться...

А ещё выше, на седьмом этаже, живёт молодая вдова Наташа, и тоже вдвоём с дочкой. Эти однокомнатные квартиры годятся лишь для бабобылок с дочками: если женщина одна воспитывает сына, ей по закону

положена двухкомнатная, а нам и такие сойдут... Наташа тяжело переживала своё вдовство. Смерть мужа, на большой скорости опрокинувшего свой «КамАЗ» в кювет, она пережила стойко, а вот то, что оставил её вдовой, одинокой, не могла ему простить. И каждое лето, в отпуск, оставив дочурку матери, уезжала куда-нибудь подальше, на юг, чтобы вволю нагуляться и натешиться на весь год.

А ещё выше... Анастасия Павловна усмехнулась, мысленно перебив свою же мысль, и пропела про себя следующую строчку всё из той же детской песенки: «А над кошкой мышка живёт, всё ходит, и ходит, и спать не даёт. Спать не даёт кошке...» Так вот, а ещё выше живёт Лиза, тихоня и скромница и, наверное, недотрога. Эта живёт одна, детей нет, муж её, рассказывали, оставил совсем молодой – после свадьбы год или два прожили, не больше, – по причине, предполагали, полнейшей её холодности. В прошлом году, когда так же вот гостили Лена с Юрием Михайловичем и Мишенькой, Лиза уезжала в командировку в Москву и оставляла Анастасии Павловне связку ключей – от квартиры и от почтового ящика. И Анастасия Павловна регулярно вынимала газетки и складывала их на тумбочке в Лизиной прихожей, раз в два дня поливала цветы. И ночевала там же. А два года назад, когда тоже приезжали молодые – Лена была ещё беременна Мишенькой, – пустовала Наташина квартира, и Анастасия Павловна уходила на всю ночь на восьмой этаж. Лежала бессонными ночами, смотрела в темноту, думала о разном, но беспрестанно мысль её сбивалась на одно и то же: она вдруг начинала представлять, как двумя этажами ниже, на той же самой кровати, на которой она когда-то спала вместе с мужем, а потом, после развода, эта кровать кочевала из одной коммуналки в другую, пока не заняла своё место в отдельной квартире, – на этой кровати теперь лежала Лена в объятиях своего молодого и сильного мужа. Беременным это противопоказано, но она знала, что Юрий Михайлович нетерпелив. Она стыдила себя за эти мысли, гнала их прочь, но оказалось, что не так-то просто запретить себе думать о чём-нибудь.

В дверь негромко постучали. Анастасия Павловна вздрогнула от неожиданности, плеснула из ванны на пол.

– Мама, ты там не заснула? – спросила из-за двери Лена.

– Сейчас, сейчас. Уже выхожу.

Анастасия Павловна оперлась руками о борта ванны и села. Сильно колотилось сердце. Она всегда панически пугалась, когда её вот так отвлекали от нескромных мыслей. Ей всегда казалось, что заговоривший с ней в такой момент человек должен непременно догадаться, о чём она думала. «А над мышкой дождик живёт, всё ходит, и ходит, и спать не даёт. Спать не даёт мышке», – нарочно запела она про себя, чтобы успокоиться. Сердцебиение прошло, и она вновь вытянулась, по самую шею погрузившись в тёплую воду...

А сегодня она пойдёт ночевать на девятый этаж, в квартиру Клары Бобылки, которая уехала в Сочи лечить свои вконец расстроенные нервы. Кларе всё казалось, что над ней тоже кто-то живёт, топает в потолок по ночам, пляшет гопака, мешая спать, и она неоднократно обращалась с жалобами в ЖЭК. Над Клавиной квартирой был чердак, ключи от которого хранились всё в том же ЖЭКе. Там ей сочувствовали, но только разводили руками и настоятельно советовали обратиться к доктору, и она в конце концов вынуждена была внять совету, а жильцы с тех пор обходились с ней нарочито предупредительно, демонстрируя свою готовность всё стерпеть от свихнувшейся соседки.

Лёжа в ванне и глядя в потолок, Анастасия Павловна мысленно как бы пронизала все бетонные перекрытия и, уносясь вслед за мыслью, точнее, превратившись в эту свою мысль, видела все квартиры вплоть до самого чердака. И даже сам чердак видела, хотя никогда там не бывала. Видела, как этажом выше Новицкая, голая, без парика, так же вот лежит в ванне, смотрит в потолок и думает, думает. И мысли её уносятся ввысь. Куда уходят мысли? В космос? Или, может быть, копяты на чердаке, слёживаются штабелями, а по ночам устраивают шабаш, отплясывая гопака. Шутки шутками, а ей самой предстояло сегодня коротать ночь в квартире бобылки Клавы. Собственно, все они тут бобылки, и липучее слово это, в котором явственно слышалось вдове вытё, пристало именно к Клаве. У Клавы была взрослая дочь, которая жила когда-то в Молдавии и присылала изредка пахучие посылки в ящиках с дырочками.

Анастасия Павловна вышла из ванной в махровом халате, с тюрбаном из полотенца на голове, в которое аккуратно уложены были мокрые волосы. Головная боль так и не прошла, и она пожалела, что не выпила порошок, а теперь уже поздно, время упущено. Она пожалела ещё и потому, что теперь из-за недомогания станет раздражаться по пустякам и бзиковать, а сегодня это некстати. Бзик на работе – это в порядке вещей, а дома нельзя, дома гости.

Лена и Юрий Михайлович сидели на кухне за столом, ели свежевывмытую черешню с рынка прямо из дуршлага и играли в «Эрудит», что крайне не понравилось Анастасии Павловне. Эту настольную игру Ленке когда-то подарил отец на двенадцатилетие. Пришёл без приглашения разодетый в пух и прах: серый финский костюм, голубая рубашка, галстук в полоску, улыбка во всю рячу. Принёс арбуз и эту вот игру. Анастасия Павловна, опешив, несколько секунд стояла как вкопанная, смотрела неприязненно, а потом резко захлопнула дверь. Но он позвонил ещё раз, в прихожую вбежала Ленка, по коридору зашаркали соседи – они жили тогда в коммуналке на три семьи, где занимали двенадцатиметровую комнату, окно которой выходило во двор, – так что пришлось впустить. Он посидел немного за столом, позадал дурацкие, невпопад вопросы подружкам сияющей от счастья Ленки, повергая их в смятение, отчего за столом то и дело воцарялось неловкое молчание, пока наконец не принялся за еду. И сразу же насадил себе на брюки большое жирное пятно, чем вызвал у Анастасии Павловны злорадное чувство, совершенно растерялся, стал вдруг жалким и беспомощным. Гости прыснули в кулачки, Ленка побледнела и готова была заплакать. Но Анастасия Павловна наотрез отказалась застирывать брюки, и тогда он сам пошёл в ванную, долго там возился, громко негодуя, что нет горячей воды. Анастасия Павловна тем временем разрезала арбуз на общей кухне, моля Господа, чтобы тот оказался неспелым, но арбуз был отчаянно красным и сладким, что сразу же привело в возбуждение многочисленных коммунальных мух. Ну почему, почему её дочь так любит отца, ведь у него другая семья и другая дочь, – в отчаянии думала Анастасия Павловна и, так и не найдя ответа, обречённо понесла арбуз в комнату.

– Представляешь, мам, Юрка меня обыгрывает, – сообщила Лена, распахивая косточки от черешни куда попало, чем живо напомнила ей отца.

Лена играла в «Эрудит» чуть ли не до десятого класса, играла самозабвенно, почти без поражений. И всем с гордостью сообщала, что это – подарок отца, хотя подарки от матери получала чуть ли не ежемесячно.

– Что ж тут удивительного, – холодно отозвалась Анастасия Павловна, – в эрудиции Юрию Михайловичу не откажешь.

Она на цыпочках прошла в комнату. Миша спал, отвернувшись к стене, на её кровати и, похоже, в скором времени просыпаться не собирался: дорога и дорожные впечатления его утомили. Анастасия Павловна, стараясь не дышать, прилегла рядом, упёрлась взглядом в потолок и тотчас же увидела уходящие вверх нескончаемой чередой одинаковые комнаты, уставленные однообразной, стоящей на одних и тех же местах мебелью. Глаза её наполнились горячей влагой, она повернулась на бок, осторожно прижалась лбом к Мишенькиному плечу и почти мгновенно заснула...

Очнувшись, а в следующее мгновение закрепив в памяти впечатленье от стремительно убегающего из сознания сна, она увидела, что Миша лежит на спине, удивлённо озирается по сторонам, пытается сообразить, где он, потом взглянул на бабушку, всё вспомнил и заулыбался. Она взяла внука на руки и понесла на балкон, целуя его на ходу и обдумывая только что увиденный сон. Ей приснилось, будто она плачет огурцами: плачет легко, плачет, почти уже утешившись, только из глаз вместо слёз всё ещё падают крупные зелёные огурцы, очень горькие, а она срезает с них кожуру и мелко крошит в большую миску. Она давно уже не удивлялась таким своим снам.

На балконе Анастасия Павловна сощурилась от яркого света. Боль в висках прошла, но голова была тяжёлой, неясной. Глаза со сна смотрели близоруко. Озирая вместе с Мишей тесный мир двора, загромождённого качелями, лавочками, песочницами и обсаженного невысокими тополями, она увидела, как из подъехавшей машины вышли Новицкие, мать и дочь, обе в потных, пропылённых майках, с пустыми корзинками и куцыми букетиками в руках. Ей стало не по себе: ведь она отчётливо слышала, лёжа в ванне, как наверху кто-то возился и бухал в потолок.

Потом она кормила Мишу творогом со сметаной и гуляла с ним во дворе. Лена с мужем отправились навестить приятелей. Окончив три года назад в этом городе институт, они поженились и, получив направление на работу, с некоторым сожалением уехали в Петрозаводск, оставив здесь великое множество знакомых.

Вечер был тихий, прохладный. Анастасия Павловна куталась в полы лёгкого жакета и поминутно щупала ручки копошащегося в песке Миши. Ручки были тёплыми, что свидетельствовало о том, что ребёнок не замёрз. И новоявленный Мишин товарищ, стриженный наголо крепыш лет пяти, назвавшийся Русланом, холода не чувствовал, хотя был одет в шорты и до невозможности испачканную майку.

– Би-би-би-бип! – надрывался Руслан, и Миша открывал воображаемый шлагбаум.

Они проложили в коробке песочницы густую сеть дорог и теперь возили по ним пару маленьких самосвалов, купленных Анастасией Павловной для Миши в «Детском мире» на прошлой неделе. Руслан сначала играл с ватагой сверстников в какую-то шумную и грубую игру, но, пробегая мимо песочницы, увидел эти самые самосвалы и не смог устоять перед соблазном.

– Авария! – кричал он, опрокинув машину в воображаемый кювет, и находчивый Миша, поразительно точно изображая губами милицейскую сирену, уже спешил на помощь.

Анастасия Павловна откинулась на спинку скамьи, попыталась расслабиться, но сидеть было неудобно. Она так долго ждала этого дня, этого вечера и вот дождалась, но удовлетворения и покоя не было, мешала какая-то смутная тревога, а впрочем, непонятно, что мешало. «Вот приехали дети, – рассуждала она, – вот Мишенька в песочнице, внучек, кро-

виночка, вот я на скамейке, вот тихий вечер, вот, наконец, цветущий куст пионов на клумбе, который ещё не успели оборвать. Что же мне ещё надо? Или ожидание события важнее самого события? Я так ждала всего этого, так ясно представляла себе весь сегодняшний день, столько раз пережила в воображении каждую его минуту, что реально наступивший день кажется лишним, ненужным...

Она услышала приближающиеся возбуждённые голоса Лены и Юрия Михайловича и поспешно прогнала свои мысли, отчего лицо её сразу расправилось, округлилось. Когда они подошли, в песочнице мирно играл с каким-то незнакомым мальчиком их сын, а на скамейке сидела пожилая женщина, мать, счастливая бабушка, тёща и умиротворённо смотрела на куст бордовых пионов.

Вскоре после ужина, взяв постельное бельё и ночную рубашку, с зажатой под мышкой ионьским номером «Нового мира», Анастасия Павловна поднялась на лифте на девятый этаж и открыла квартиру бобылки Клавы. Она была здесь впервые, но поскольку эта квартира почти не отличалась от её собственной, все необходимые движения совершались сами собой, автоматически: выключатель на ощупь – и прихожая осветилась, щелчок – замок закрыт, ещё щелчок – и другой закрыт, звяк – цепочка пристёгнута к двери. Всё так же машинально Анастасия Павловна везде включила свет, обошла все необширные владения Клавы, даже в кладовку зачем-то заглянула, проверила, закрыта ли дверь на балкон, зато открыла форточки, и только после этого успокоилась. И рассмеялась над собой: и чего бояться? Но смех вышел натужный, сердце билось часто, дышала она прерывисто. Только теперь почувствовала, что всё тело обсыпано мурашками. Протянув дрожащую руку, щёлкнула выключателем допотопного телевизора, но экран не засветился – аппарат не работал. Она немного посидела на кровати и стала стелить постель.

Ночника у Клавы не оказалось. Анастасия Павловна оставила включённым свет в прихожей и, притворив туда дверь, легла. Потом привстала и зачем-то закрыла форточку. Некоторое время полежала с открытыми глазами, инстинктивно стараясь не смотреть на потолок, потом веки сомкнулись сами собой. И тотчас она увидела бывшего своего мужа, который сидел сгорбившись на перевернутом ящике среди куч мусора и ржавого хлама. Видение было столь отчётливым, что она резко открыла глаза и рывком приподнялась на локте. Анастасия Павловна отлично знала безграничные возможности своего воображения, но в этот раз дело зашло слишком далеко: то, что она увидела под скорлупками сомкнутых век, было совершенно похоже на реальность. Она твёрдо решила не закрывать глаза, но оказалось, что это совсем непросто, впору было распорки ставить между век, разломив надвое спичку...

Она стала смотреть на луну за окном, свет луны был тусклым, не утомлял глаза, однако вскоре любопытство взяло верх, и она, сощурив один глаз, осторожно заглянула на тот грязный хозяйственный двор какого-то магазина, где на шатком ящике примостился её бывший муж Николай. Он сидел всё в той же позе, бессмысленно глядя в пустоту. Таким она его никогда ещё не видела: маленький, сутулый, с обширной плешью на голове, одетый в дешёвый стариковский костюм, к которому пристали лёгкие пушинки, сильно мятый, грязный и пахнущий курятником (запах курятника она отчётливо ощущала). Она машинально протянула руку, чтобы снять самую крупную пушинку, и рука её не ткнулась в пустоту, а нащупала шершавую ткань костюма, согретую находившимся под ним живым телом.

Анастасия Павловна резко вскочила с расширившимися от ужаса глазами и села на кровати, подобрав под себя ноги. В следующее мгновение, охваченная брезгливым и тёмным страхом, затрясла рукой, пытаясь освободиться от прилипшей к пальцам пушинки. В неширокой полосе падающего из прихожей света было отчётливо видно, как пушинка медленно опустилась на пол. Анастасия Павловна постаралась успокоиться, убедив себя, что пушинка выпорхнула из подушки – откуда же ей ещё было взяться?

И в этот момент раздался стук над головой. Потом в потолок что-то мелко и часто забарабанило, словно там, на чердаке, просыпали крупную дробь, и послышались шаги. Анастасия Павловна в этот момент вполне себя контролировала и сразу определила, что это не слуховые галлюцинации: одновременно с шумом на чердаке она слышала тиканье часов на стене, а уж часы-то ей не могли померещиться. Ну дела! Вот тебе и Клава «с приветом». Нет, она не станет кричать от ужаса и звать на помощь, но уж очень ей хотелось в эту минуту, чтобы рядом кто-нибудь был, ну хоть какой-нибудь завалиющийся мужичонка. Ну хоть бывший муж Николай. Ухватившись за эту мысль, она крепко зажмурилась и стала ждать. Но перед внутренним взором так ничего и не возникло, кроме мутных пятен и светящихся точек, медленно пролетающих слева направо. Она знала, что несколько лет назад Николай разошёлся со своей второй женой, приняла эту новость с мстительным удовлетворением, даже злорадством и в очередной раз заставила себя забыть о нём, отлично понимая, что заставить себя забыть что-то нельзя..

А наверху уже разошлись вовсю, топот слышался то прямо над головой, то в дальних углах комнаты, но за пределы стен не выходил, словно там, на чердаке, была точно такая же комната. Стало слышно, как тихонько позвякивают подвески на люстре. Она осторожно открыла глаза. В полосе падающего из прихожей света стало видно, как с потолка мелкими крупинками осыпается извёстка.

– Да прекратите вы в конце-то концов! – неожиданно для себя проговорила Анастасия Павловна свирепым голосом, пугаясь своей выходки и одновременно понимая, что глупо кричать неизвестно кому или чему.

Наверное, всё-таки кому, – подумала она, вспомнив, как сняла пушинку с пиджака Николая, под которым угадывалось тепло его тела. Живое тепло. И не тепло это вовсе было, а жар, – догадалась Анастасия Павловна. Заболел, наверное. И она тут же с яростью вцепилась себе в волосы, в изнеможении закачалась из стороны в сторону: кто заболел? Откуда тут живое тепло? Что со мной происходит? С ума я, что ли, схожу?

Наверху между тем наступила тишина, но тиканья часов не было слышно. Однако уже через мгновение удары в потолок возобновились с удвоенной силой. Решительно вскочив с постели, Анастасия Павловна быстрыми шагами направилась на кухню, схватила щётку на длинной ручке, которую приметил ещё во время своего обхода квартиры, и вернулась в комнату. Решившись, она подняла щётку над головой и несколько раз ударила черенком в потолок. Странная тишина вплыла к ней в уши, и она инстинктивно сделала несколько глотательных движений, как это делают пассажиры при взлёте самолёта... Опустив щётку, долго стояла, задрав лицо к потолку и зачем-то подняв руку. Затем непроизвольно потянулась вверх другая рука. Анастасия Павловна приготовилась услышать щелчок падающего черенка щётки, но было тихо. Она опустила глаза и увидела, что щётка стоит вертикально, чуть-чуть покачиваясь. Если я сейчас оседлаю это дьявольское орудие, – быстро подумала она, – то превращусь в ведьму и вылечу в окно. Но щётка, всё так же покачиваясь и легко подпрыгивая, не спеша направилась в при-

хожую, а там, развернувшись, двинулась по коридору на кухню. Анастасия Павловна медленно вернулась на кровать, села, прислонившись к стене и закутавшись в одеяло. Только тут она обнаружила, что всё тело её покрыто крупными колючими мурашками. Что удерживало её пусть не в очень ясном, но спокойном сознании, не позволяя ужасу овладеть её душой? Это напоминало состояние, которое бывает во время длительной операции под местным наркозом: всё понимаешь, всё помнишь, а боли почти не чувствуешь.

Тут послышался лёгкий шум, но не наверху, а на кухне. Тотчас в дверь въехали одна за другой две табуретки и остановились посреди комнаты. Въезжая, они шире распахнули дверь из прихожей, так что комната теперь была освещена ровным слабым светом, только по углам сохранялся мрак. Анастасия Павловна услышала тихий плач и вдруг увидела, что на одной из табуреток уже сидит Фарида Гариповна, только почему-то сильно похудевшая и совсем седая. Совершенно не чувствуя страха, удивляясь себе, что не чувствует страха, – удивляясь этому обстоятельству гораздо больше, чем тому, что она видит перед глазами, – Анастасия Павловна попробовала даже заставить себя испугаться, но это ни к чему не привело.

– Дамир, – тихо позвала, давась слезами, Фарида Гариповна. – Где ты, Дамир? Куда ты, зараза, подевался? Десять лет назад ты ушёл в шароварах, тапочках и пиджаке от костюма, надетом прямо на майку, сдавать бутылки и пропал. Десять лет я жду тебя, Дамир. Брюки висят в шифоньере, а пиджак ты надел. Зачем ты ушёл, Дамир? На что обиделся? Я целую неделю ходила каждый день в милицию, я всё сказала: пиджак, сказала, синий, шаровары сатиновые чёрные и чёрные кожаные тапочки. Вернись ко мне, Дамир, ты лучше всех, ты самый красивый, Дамир. Я только три раза изменила тебе, Дамир, да ещё один раз с твоим братом Муниром, когда он приезжал искать тебя, это я вызвала его телеграммой, а он, зараза, один раз в милицию ходил и всё время пил водку и меня хватал и бил больно, говорил, это я тебя не берегла. Вернись ко мне, Дамир. Дамир! Ты меня слышишь? Ну, где же ты так долго пропадал, пойдём домой, Дамир..

Словно вынырнув из минутного небытия, Анастасия Павловна увидела стоящего посреди комнаты широкоплечего молодого татарина со сверкающими разбойничьими глазами, а Фарида Гариповна, всё так же сидя на табуретке, обнимала его и говорила что-то совсем уж невразумительное, мешая русские и татарские слова. Потом они куда-то ушли, но куда и как – Анастасия Павловна не заметила. Она сидела, плотно подоткнув под себя одеяло, и даже не пыталась понять, мерещится ли, снится ли ей всё это или происходит на самом деле. Она была теперь готова ко всему, ждала, что будет дальше, долго уже ждала, ей даже не терпелось, и она с облегчением выдохнула, тут же, впрочем, подавив вдох, когда увидела, что перед ней стоит Новицкая. Прямая, плоскогрудая и упругая, словно всё в ней было натянуто, Новицкая стояла закрыв глаза и иногда тихо стонала сквозь зубы. По одному её виду Анастасия Павловна догадалась, что она никого не будет звать, вообще не проронит ни слова, потому что – Анастасия Павловна сейчас догадалась об этом каким-то сверхъестественным образом – потому что соседка эта даже в мыслях, даже в снах не позволяет себе быть слабой и чувствовать себя одинокой. Новицкая открыла глаза, сильно потёрла виски руками, неожиданно подпрыгнула, одновременно разведя руки в стороны, и пошла кружиться по комнате, попеременно выбрасывая руки вперёд, вверх, в стороны. Её движения становились всё резче, а губы сжимались всё плотнее, лицо порой принимало свирепое выражение. Наверное, это была какая-то восточная гимнастика – ушу или что-то в этом роде. Сеанс продолжался минуты

три, во всяком случае так показалось Анастасии Павловне. Новицкая остановилась, сделала глубокий выдох, потом как-то незаметно переместилась в тень, и её не стало видно, или, скорее всего, она совсем пропала. В наступившей тишине громко тикали часы. Анастасия Павловна догадалась, что сейчас должна появиться Наташа с седьмого этажа, и спокойно ждала.

Так и есть: Наташа спустилась откуда-то сверху, уселась на табурет, закинула ногу на ногу и закурила. Анастасия Павловна вскоре почувствовала запах табачного дыма, сизые волны плавали по комнате, стелились слоями, дыма скопилось много, так что трудно было поверить, что это одна Наташа столько надымилась. И точно: рядом с ней на другом табурете сидел её муж, погибший три года назад в автомобильной аварии. Анастасия Павловна его смутно помнила и сейчас сразу же узнала. Он показался ей очень милым парнем, но Наташа сидела отчуждённо.

— Помнишь, как долго я не могла решиться выйти за тебя замуж? — глухо заговорила она. — Я тебя, Андрей, не любила, но не это главное. Я тогда заканчивала институт, а ты — обыкновенный шофёр. На последнем курсе у нас все девки ужасно суетились, надо было как-то устраиваться в жизни, и многие были согласны на любой вариант, но чтобы выйти замуж за шофёра — об этом, кажется, никто не мечтал. А я вышла. Ты был добрый, заботливый и очень хотел, чтобы я пошла работать в школу по специальности. А меня такая перспектива бесила: звонки, перемены, тетрадошки, пенальчики... Для меня всё это кончилось вместе с детством, а вернуться в него я никак не могла, для меня это означало бы, что жизнь кончилась, потому что жизнь как раз и начинается за школьным порогом, это любой пятиклассник знает. И тогда я стала литсотрудником многотиражки на машзаводе. Звучит-то как: литературный сотрудник! И при чём здесь «со-»? Если честно, работа никчёмная, критиковать не дозволено, всё надо восхвалять, воспевать и поддерживать, и на каждом шагу государственные тайны, разглашение которых карается законом. Прямо детектив! Цензорши из Главлита — дуры набитые, святая простота, они и вправду думают, что револьверный станок — это устройство для изготовления револьверов. Юмор в коротких штанишках: консервы делают в консерватории... Придётся в цех с блокнотиком, а на тебя из-за станка его величество рабочий класс как на идиотку смотрит. Ну, ты делаешь вид, что толстокожая, будто ничего не замечаешь и подкатываешь к какому-нибудь передовику производства, а они у нас наперечёт. Так, мол, и так, я корреспондент Наталья Ковшова, позвольте, говоришь, вас проинтервьюировать, а если конкретно — узнать, что вы думаете о последнем постановлении партии и правительства, которое, конечно же, вас глубоко взволновало и вдохновило на новые трудовые свершения, и вы обязуетесь ко Дню машиностроителя выполнить три личных пятилетних плана... Что? Два годовых плана? Ну, пусть будет так... И самое обидное, что газетку нашу никто не читает — ни начальство, ни работяги. И вообще никому это не надо. Но я свою работу не променяю ни на какую другую: не пыльно, не натужно, со всех сторон снисходительные покровители — слева дирекция, справа партком. Я — лицо, приближённое к парткому. А дамы из парткома — это высший свет: лучше всех одеваются, обо всём на свете информированы и могут достать всё что угодно.

Наташа поискала глазами, куда бы стряхнуть пепел, и, недолго думая, сбила щелчком серый комочек прямо на пол. Сигарета Андрея тоже истлела на треть. Анастасия Павловна непроизвольно дёрнулась, чтобы встать и принести пепельницу или хотя бы блюдце, но тут же опомнилась, затаилась, втянув голову в плечи.

– Так я жила, – продолжала Наташа, а ты крутил свою баранку и любил меня без памяти, совсем не зная, как я живу. А такая любовь только раздражает. Простота – она ведь и вправду хуже всего. И вот – докрутился... Мне как сказали, я дар речи потеряла. Буквально. Несколько часов говорить не могла. Родственников понаехало, старушки всякие припёрлись, всем не терпится у гроба посидеть, а в гроб класть нечего: руки-ноги переломаны, туловище разбито, а головы вообще нет. Тебя ведь совсем безголового привезли, а как такого в гроб положишь? Положили всё-таки, прямо в морге крышку заколотили. Потом схоронили. И зажила я закусив губу. Себя было жалко, не тебя. И за Ларку обидно, что без отца будет расти, в бедности... И поставила я себе цель: вступить в партию. Кому ни скажу – смеются, а меня это, можно сказать, спасло. А ещё как раз в это время во мне окончательно женщина проснулась. Раньше бывало и так, и сяк, а тут захотелось этого самого до невозможности... Ну так вот, прихожу я в партком и говорю: хочу вступить в партию. А мне отвечают: рабочим дорога открыта всегда, а для служащих очередь лет эдак на десять.

Вот те раз! Да если на то пошло, то я – корреспондент партийного органа, и мне тоже положено быть партийной. Я же почти в парткоме работаю, свои ведь люди. Ну а мне говорят: ничем не можем помочь, у нас два начальника цеха беспартийные. В общем, посоветовал мне секретарь парткома временно перейти в какой-нибудь цех, подать заявление от имени рядовой работницы Ковшовой, пройти все инстанции, стать кандидатом в члены КПСС и тогда уже вернуться в редакцию. Я так робко заикнулась, мол, а нельзя ли всё это условно проиграть: будто бы я рабочая, будто бы в цеху вкальваю... И так ведь почти всё в нашей жизни на этом самом «будто бы» построено! Но парторг у нас шибко принципиальный, никаких «будто бы», говорит.

Поплакала я в платочек, подобрала себе работёнку посильную и два месяца в цехе ширпотреба оттрубила. Сверхштатной подсобной работницей. Дорабатывала детали: берёшь чушку пластмассовую, только что отлитую, тёплую ещё, и – тут литничок срежешь, там технологический шов наждачком зачистишь. И всё. Но деталей этих – сотни. К вечеру руки не поднимаются. Ничего, выдержала... Тут как раз Ларка приболела – я с ней полторы недели пробюллетенила. А время идёт! Приняли меня кандидатом в партию, и зажила я как жила. Приободрилась немного. А Ларка опять заболела, и ещё, и ещё раз. Сколько я ночей над ней просидела, уж не помню. И вот стало казаться мне, будто это горе в наказание мне за что-то послано. А врачи всё вразной делают: один от одной болезни лечит, другой ещё от какой-то. Думала, и дочь потеряю. Еле выходила. Только стала моя Ларочка навряде инвалидки: всё ничего, ничего, да вдруг как свяжет ни с того ни с сего по рукам и ногам – идти не может, стоять не может, сидеть не может, а врачи в затылке скребут и всё пишут, пишут чего-то. Пряма как у нас в редакции: дела нет, а бумаги много!

И вот дали мне адрес одной старушки-знахарки, которая лечит наложением рук или заговорами, как-то так. Повезла я Ларку в одну деревню, нашли мы дом этой самой бабы Насти, заходим: она сидит на сундуке, чисто одетая, на обоих глазах бельмы, слепая она, а сама точно видит нас насквозь. Стала я рассказывать ей про Ларочку, про болезнь её, а она вдруг и спрашивает: «Крещёная?» Я, в одну минуту всё сообразив, ага, говорю, крещёная. А баба Настя поманила Ларочку к себе, провела рукой по волосам и говорит: «Соврала твоя мать, согрешила, а ещё партейная. Я некрещёных не лечу. Я лечу святым крестом и святым Евангелием. Вот окрестишь, – посмотрела она на меня своими бельмами, – тогда и привози».

Вернулись мы домой, проплакала я всю ночь, а на другой день стала осторожно узнавать, что да как. Оказалось, окрестить можно. Но на это моих сил уже не было, да и будущим партбилетом рисковала. Попросила твою мать помочь. Она горячо взялась хлопотать и за неделю всё устроила. Выкупала я Ларочку, одела во всё чистое и нарядное, и поехали они с бабушкой на трамвае в Божий храм. А сама я на работу побежала: сижу, пишу какую-то ахинею, а редактор кладёт мне на стол листки бумаги и говорит: «Это беседа на атеистическую тему, прислали из общества «Знание». Подсократите, обработайте и – на машинку. Я вся вспыхнула, ну, думаю, уже пронюхали, гады, проверочку устраиваете, а он ничего: своими делами занимается, по телефону звонит, шутит со всеми, даже мне анекдот рассказал. Политический. Успокоилась я немного, сижу обрабатываю этот шедевр. И вот поразила меня такая фраза: «По утверждению клерикалов, в результате крещения человек умирает для жизни плотской, греховной и возрождается в жизнь духовную, святую». Жутко мне стало, тоскливо, заныло всё внутри, и такая путаница в голове – ну, прямо дура душой. Господи, думаю, у меня высшее образование, партстаж кандидатский идёт, людей поучаю печатным словом, а сама – ну ведь ничегошеньки не знаю...

Вечером дома шью, в телевизор поглядываю, а сама за Ларкой наблюдаю. Она как ни в чём не бывало играет на коврике, на шее крестик болтается. А мне и жалко её, и завидно в то же время, и страшно, что теперь мы – разные, хотя и понимаю, что всё это – туфта. Утром в садик её стала собирать и крестик сняла, чтоб никто не лез со своим любопытством. А через неделю взяла я на работе отгул, и поехали мы опять к бабе Насте: обстукала она Ларочке всю грудь, огладила руки-ноги каким-то чёрным кубиком, пошептала что-то и велела ещё приезжать. Денег брать не стала. В общем, вылечила она Ларку, дочку нашу... Знаешь, Андрей, я мысленно рассказываю сама себе каждую ночь эту свою историю. Пока не расскажу до конца, ни за что не усну. Но иногда ловлю себя на том, что рассказываю всё это – тебе. Ты умер, а мне с тобой всё равно хорошо...

Наташа замолчала, погасила окурок о подошву туфли, грубо задрав ногу, и Анастасия Павловна увидела, что рядом с ней в действительности никого нет. А через минуту не стало и самой Наташи. Только пол вокруг табурета, на котором она сидела, был усыпан пеплом. Анастасия Павловна посмотрела на часы сбоку на стене, но, как ни шурилась, так и не смогла определить, который час.

– Без четверти два, – сказала Лиза с восьмого этажа, которая уже скромно сидела на табуретке, – а мне опять никак не заснуть. И медицина бессильна, точнее, бессильны врачи, которые никак не хотят поверить, что я совсем не сплю. Помилуйте, говорят, этого не может быть: когда человек не спит, он быстро превращается в развалину, а вы, слава Богу... И смотрят осуждающе, удивляясь редкостному в медицинской практике случаю: женщина с таким благообразным лицом – и вдруг говорит явную ложь. А я действительно не сплю. И моё благообразие – моё проклятие. Мне женщины на работе говорят: «Лизка, у тебя на лице написано, что ты недотрога, вот от тебя мужики и шарахаются. А я ничего такого на лице у себя не писала. И бывший муженёк во мне обманулся: «Я думал, Лиза, ты святая». И что это все на святых помешались? Причём никто добровольно в святые не идёт, все хотят, чтоб кто-то другой святым был. Я вошла в загс чистой и непорочной, но уже на третью ночь, когда кровавая рана немного подзажила, стала законченной чувственницей: стоило мне оказаться в постели, как я начинала орать, кусаться, ругаться матом и вообще безобразничать,

а мой благоверный конфузился. Он думал, что я святая, что я леди, которая не шевелится, а я ничего не могла с собой поделывать. Это ночью. А днём я – само благообразие. Он от меня быстро сбежал... Ну и чёрт с ним! Такого не жалко. Жалко, что как раз в то время, когда он развод затеял, я сделала аборт – не хотела рожать от идиота. Простить себе не могу... Ушёл он, значит, от меня, точнее, я ушла в общежитие – мы в квартире его матери жили. И вот проходит какое-то время, снится мне сон, будто родился у меня мальчик, Димочка, и я его кормлю, пеленаю, стираю для него – ну, всё как обычно. И так целую ночь снился мне этот длинный сон. Утром проснулась, посчитала – и всё поняла: как раз в эти дни должен был мой ребёнок родиться. Неделю ходила сама не своя. Ровно через год сон повторился. И ещё через год, и ещё. Теперь жду этой ночи как самого большого праздника. Квартиру получила, одна живу: нет у меня ребёнка, а кажется, что есть. Да, конечно, есть! Теперь моему Димочке восемь лет, большой уже, почти жених. Ах ты мой котик, ну иди, иди к маме, дай я тебя поцелую.

Анастасия Павловна увидела, как с соседней табуретки слез мальчик в клетчатой рубашке, подошёл к Лизе, и она прижала его к себе, спрятав лицо в его густых русых волосах и заплакала навзрыд. Рыдания высоко вздымались её грудь, табуретка подрагивала под ней и скрипела. Это продолжалось довольно долго. Вот уж мальчик растаял в неверном свете, вот и саму Лизу не стало видно, а рыдания ещё слышны были, постепенно затихая и словно уходя ввысь.

Стало тихо. Анастасия Павловна осторожно освободила руку из-под одеяла и потрогала себе лоб. Вроде не горячий. Дыхание было ровным, редкие сердцебиения легонько сотрясали тело. Она опять принялась разбирать и анализировать события этой ночи, и тут неприкаянно блуждающий взгляд её упал на окно: там за стеклом неподвижно стояла густая, плотная мгла. Невероятно! Она легла спать с закрытой форточкой, чего никогда не было, даже зимой в самые лютые морозы. И год, и два назад она так же вот ночевала в чужих квартирах – сначала у Наташи, потом у Лизы, но всякий раз она закрывала на все замки дверь, а потом тщательно проветривала комнату и, ложась спать, оставляла открытой форточку. А сегодня, то есть вчера – забыла. В памяти всплыла фраза, прочитанная когда-то в популярном журнале: «На большой высоте из-за недостатка воздуха мышление становится несколько абсурдным». Так то – на большой высоте, стала рассуждать Анастасия Павловна, а здесь всего лишь девятый этаж. Впрочем, выше некуда, выше – чердак, где живут привидения, которым неведом абсурд.

Эти мысли несколько отвлекли её от происходящего в комнате, и опять она не заметила, как тут появилось новое лицо – или, точнее сказать, фигура, что, впрочем, тоже неточно – в общем, появилась Клава, хозяйка этой самой квартиры, которая в настоящую минуту вообще-то должна была находиться в Мацесте, куда отправилась лечить свою центральную нервную систему. И тем не менее Клава сидела на одной табуретке, опершись рукой о другую, а левой растирала себе бок, кряхтя и постанывая. «Если хозяйка квартиры дома, то что делаю здесь я?» – сыренизировала над собой Анастасия Павловна. Окончив процедуру, Клава с детской непосредственностью зевнула, похлопала ладонью по разинутому рту. А затем, поднатужившись, как бы полупривстала с табуретки одной стороной широкого туловища и громко пукнула. По вмиг согревшимся щекам Анастасия Павловна определила, что краснеет. Ей было стыдно за себя, невольно присутствующую при этом происшествии, но отнюдь не за Клаву, которая находилась у себя дома, причём была тут как бы одна и, конечно же, могла себе позво-

лить всё что угодно... «Стоп! – вдруг сказала она себе. – Стоп: если Клава тут одна, значит, меня тут нет. Где же я в таком случае сейчас пребываю? В собственной своей квартире я тоже в данный момент отсутствую. Может быть, меня вообще нет? И если Клава сейчас у себя дома, то кто в таком случае поехал в Мацесту?»

– Степан, ты здесь? – вдруг позвала не очень громко Клава. – Степан, не притворяйся. Где ты? Или ты не Степан? Я жду тебя уж двадцать пятый годок, а всё не знаю, как тебя на самом деле зовут. Ты ведь не представился: молча навалился на меня, и – все дела. Ну, молчи-молчи, молчун. Я сама назвала тебя Степаном. И кепку твою сохранила: в шкапу лежит, пересыпанная нафталином. Всё думаю сама себе: может, зайдёт когда, заберёт. – Клава замолчала, только слышно было, как она шмыгает носом и вздыхает.

Анастасия Павловна сидела, боясь пошевелиться, хотя очень хотелось зажать пальцами ноздри: воздух в комнате был испорчен основательно.

– Эх, Стёпа, знал бы ты, как важно я начинала жить. Приехала сюда из деревни, устроилась на завод, койку в общежитии получила. Думала себе: сначала обязательно стану передовицей производства, потом депутатом, буду ездить в Москву, в Кремль, и познакомлюсь там с хорошим парнем. Да, думала... Я ведь кто была: глупота деревенская. Куда в отделе кадров сказали идти, туда и пошла: в литейку. Думала: раз посылают туда, значит, так Родине надо. Только Родина, видать, не знала, что такое литейный цех. А там – ад кромешный. И я в этом аду землю гребу лопатой к транспортеру. Это только говорят так у нас «земля», а на самом деле – обожжённый песок с копотью пополам. И в воздухе одна копоть и чёрная пыль, кругом тьма непроглядная. А душевые постоянно закрыты на ремонт. Придётся в общежитие, кое-как помоешься холодной водой из-под крана и весь вечер харкаешь чернотой, никак горло не прочистишь. А к матери в деревню поеду на воскресенье, так она нос воротит: больно крепко, говорит, от тебя пахнет. И добавляет: парни любить не будут. Запах знаменитый! Один наш формовщик как-то помер – опоккой его прямо в цеху придавило, – так, сказывали, в морге его никто не вскрывать не хотел, все носы платочками зажимали. Может, брешут... Я привыкла: запах как запах. И ты, Стёпа, не побрезговал мной, хотя пьяному всё равно. Я тебя тогда сразу заметила: высокий, рыжий, голос как в трубу, и материшься как-то по-особому. Как раз был канун Октябрьской годовщины... Я пришла со смены, гляжу – у Катьки Вилковой – она в комнате напротив жила – гулянка, полна комната парней, и ты там. Переделалась я, чайник вскипятила на кухне, сижу одна в халатике, грустно так стало – соседки на праздник по домам разъехались, а у нас тут дым коромыслом, проигрыватель играет. Вдруг дверь открывается, и ты заходишь. Ни «здрасьте», ни «разрешите». Дверь щёлк на ключ, а ключ в карман. Свет загасил – и ко мне... Помнишь? А я еле живая от работы. Хочу закричать и не могу, нет сил – вот как устала. А уж где бороться с тобой, ты вон какой бугай. Э-эх! Всю ночь ты меня тискал и мял, ни одного слова не сказал. А под утро ушёл, не простившись. Только кепку на столе забыл. Я лежала, плакала, а потом увидела эту кепку, схватила – как улику – и в милицию. Люди на демонстрацию идут, все разодетые, дети с шармами разноцветными, а я, значит, в милицию направляюсь заявлять. Вот такой праздник ты мне устроил, Стёпа. Да... Ну, пришла. Там сидит один молоденький мильцанерчик, ну прямо мальчишечка, руки сложил как ученик, и смотрит на меня. «Слушаю вас», – говорит. А нет ли, спрашиваю, кого-нибудь постарше? «Все на демонстрации, – отвечает. – Я дежурный по отделению. Есть тут ещё участковый Кошкин, но его радикулит прихватил. Он в камере

на нарах отлёживается. Слышите, стонет?» Развернулась я и пошла обратно. Неужели, думаю, я буду рассказывать про свою беду этому сопляку бестолковому. А участкового Кошкина мне прибить хотелось – вот когда у меня сила разыгралась, потому что злость взяла. За порядком надо следить, а не на нарах валяться. Хрящ легавый! Вернулась я в общежитие, уборку в комнате устроила. Это в праздник-то! И всё опять пошло по-старому: работа, план, встречные обязательства, ударная вахта и прочая мура. Да и зачем мне всё это, коли у меня душа болит. Кто я теперь: девка, баба? Кому я нужна такая...

Клава всхлипнула и высморкалась в подол ситцевого халата. Потом неожиданно зевнула – широко и продолжительно. Анастасия Павловна вдруг ужаснулась, подумав, что Клава, может быть, захочет остаться здесь и ляжет с ней на кровать, притиснув её к стенке пышными своими телесами. А может, она бесплотна? Но перспектива оказаться в одной постели с призраком оказалась ещё менее привлекательной.

– И вот как-то в скором времени, – продолжала Клава, – недалеко от нашего общежития «венеричку» открыли: двухэтажный дом высоким забором обнесли, окна зарешетили, у входа милицанера разместили и стали там, значит, этих лечить – венерических. На первом этаже мужики, на втором девки. Такие все несчастные из окон выглядывают, прямо как арестанты. Катьку Вилкову туда тоже упекли, с которой ты, Стёпа, пьянствовал тогда на Октябрьскую. И знаешь, Стёп, очень мне захотелось, чтобы ты тоже в этой самой «венеричке» оказался. А то гуляешь, гуляешь, девок портишь, и всё тебе, кобелю, с рук сходит. Я ить тебя не раз встречала, видела с разными марухами, только ты меня не узнавал. И задумала я отомстить тебе. Решила я, что тоже буду гулять напрапалую, на танцы ходить, спать с кем попало, под кустами валяться, пока не подхвачу какую-нибудь дурную болезнь. А как только заболела, сразу пойду тебя обольщать. И заражу тебя, чтоб ты сдох, проклятый! А там будь что будет...

И вот в первую же субботу сходила я в баню, купила бутылку красного, тайком от девчонок выпила в общежитии целый стакан без закуски и пошла в клуб на танцы. Иду и матерюсь про себя – это для храбрости. Да и чего робеть? Плате на мне зелёнько, туфли на каблуке, музыка играет. И танцуют все. Которы хорошо танцуют, те в центре, на свету. А которы похуже, те всё больше по тёмным углам, и не столько танцуют, сколько шшупаются. И вот стою я у стенки час, стою второй, а никто ко мне не подходит приглашать. Да и кто пригласит, если все сюда парами приходят, парами уходят. И я ушла. Иду по улице, плачу, а мороз как раз сильный был, иззябла вся. И поняла я тогда, что никому я не нужна, никто меня никогда не полюбит, никто никогда меня не захочет. И спасибо тебе, Стёпа, что хоть ты меня один раз захотел. Пусть по пьянке, пусть силой и грубостью, а всё равно как бы любовь. Я вспоминаю ту нашу с тобой ночь, Стёпа, как самое дорогое, потому что ничего лучше у меня не было. И я жду тебя, Стёпушка, всю жизнь. Каждую ночь зову тебя: приди, приди ко мне. Почему ты не слышишь мой зов? Приди, мне ведь многого не надо. Я девчонку взяла из детдома, воспитала, пока тебя ждала, на ноги её поставила, теперь самостоятельно живёт, правда, замуж пока тоже никто не зовёт, ну да ничего, молодая ещё. А мне только одного в жизни надо – чтобы ты пришёл, Стёпа-а-а...

Клава заплакала, тихонько подвывая и то и дело сморкаясь в подол. Анастасия Павловна сидела, крепко обхватив себя под одеялом за плечи, потрясённая историей Клавы, и всем сердцем желала, чтобы её молитвы были услышаны и чтобы Степан – или как там его на самом деле? – пришёл.

Всхлипывания Клавы делались всё реже и всё тише. Вдруг Анастасия Павловна услышала чьё-то громкое и тяжёлое дыхание. Она повернула голову и увидела, что в проёме полурастворённой в прихожую двери стоит высоченный рыжий парень и наглыми глазами вглядывается в темноту комнаты. Степан, — догадалась она, — причём такой, каким запомнила его Клава. Пришёл всё-таки. Только Клава теперь совсем старуха. Она перевела взгляд на Клаву, но её не было, Клава пропала, как пропали все те, кто до неё сидел уже на этой табуретке. Какая-то сила заставила Анастасию Павловну перевести взгляд ниже — туда, где на полу лежала падающая из прихожей полоса света, и она почувствовала, как озноб покрывает всё её тело, спину, затем голову, волосы на которой начинают шевелиться. Страх вернулся к ней. Там, куда она смотрела, ничего особенного не было, но именно это, как она теперь поняла, и было причиной страха: там не было тени. Стёпа не отбрасывал тени, хотя лампочка находилась у него за спиной. Он шагнул в комнату, резко захлопнул за собой дверь, отчего всё вокруг сразу же погрузилось во мрак, подошёл к кровати, и Анастасия Павловна почувствовала, как на неё навалилось что-то тяжёлое и животное, дышащее луком и водочным перегаром. Смертельный ужас обуял её. В одно мгновение она увидела где-то внутри своих крепко зажмуренных глаз Мишеньку, Лену, Юрия Михайловича, а дальше, на заднем плане, Фариду Гариповну, Новицких, мать и дочь, Наташу, Лизу, бобылку Клаву — и потеряла сознание, хотя за миг до того думала, что умирает. Теряя сознание, она успела подумать ещё вот о чём: как странно, что я боюсь того, что не отбрасывает тень, а значит — не существует; так чего же я боюсь?..

Пробуждение было тяжёлым. Прямо в окно светило солнце, комната была наполнена чистым утренним светом. Она лежала у стены в неудобной позе. В затёкших руках пульсировали острые иголки, такие же иголки покалывали щёку. Анастасия Павловна с трудом подняла голову, увидела, что табуреток в комнате нет, что дверь в прихожую открыта так же, как она сама это сделала вчера, и что форточка на окне действительно плотно закрыта. Опустившись на смятую подушку, она какое-то время лежала, не в силах думать о чём-либо.

Так это был сон, наконец подумала она облегчённо и в то же время с каким-то сожалением. Она тут же принялась докапываться до причины этого сожаления и вспомнила, что там, во сне, слушая рассказ Клавы, она нашла объяснение происходящему в ту ночь. Объяснение было примерно таким: это наши собственные мысли и мольбы принимают наши же собственные очертания и принимают облик тех, о ком мы плачем, по кому тоскуем, кого помним, любим или ненавидим, и начинают жить другой, хоть и очень похожей на нашу, жизнью. Или в точности копируют нашу жизнь. Или на время выходят из своей жизни и включаются в нашу. Такое объяснение вполне устраивало Анастасию Павловну. Теперь же оказалось, что всю ночь ей снился бесконечный сон, и это объяснение приснилось тоже. Но каким настоящим всё было в этом сне! Анастасия Павловна принялась тщательно обследовать руками своё тело, проникла пальцами в самые потаённые его места и успокоилась: нет, всё-таки сон, никакого Стёпы не было. Тело оказалось чистым и сухим.

Одевшись, Анастасия Павловна вышла из квартиры и закрыла дверь на оба замка. Лифт не работал. Она стала спускаться по лестнице навстречу доносящимся снизу голосам. Было воскресенье. На седьмом этаже увидела Наташу, направляющуюся с ведром к мусоропроводу. Наташа посмотрела на Анастасию Павловну и почему-то отвернулась, не здороваясь. Это с ней

бывает, – подумала Анастасия Павловна, – это в порядке вещей. На площадке шестого этажа возле растворённой двери своей квартиры стояли разряженные в пух и прах обе Новицкие и спорили, брать или не брать с собой зонт. Анастасию Павловну они не заметили. Внизу ругалась Фарида Гариповна по поводу неработающего лифта. Всё было как обычно.

Войдя в свою квартиру, Анастасия Павловна непроизвольно взглянула в зеркало и обмерла: по сторонам смуглого лица, увенчанного чёлкой крепких тёмных волос, мертвенной белизной светились уши. Значит, я не спала, сделала она привычный вывод. И всё то, что происходило с ней ночью, было на самом деле. Или не было? Выбежавший в прихожую на скрип отворяемой двери Миша цепко схватил её за подол халата и потащил в комнату показывать только что построенный из кубиков дом, что-то восторженно лопоча при этом. Так было или не было? Она покорно шла за внуком, затем опустилась коленями на ковёр перед каким-то странным сооружением. Было или не было? Миша что-то горячо говорил, пока не понял, что бабушка не слышит его. Так было или не было? Он обхватил её голову и горячо задышал в самое ухо.

– Бабушка, – отчётливо услышала Анастасия Павловна. – Ба-бу-шка!

**Дмитрий
РОДИОНОВ**

НЕ ГЛЯДЯ НА АВТОРИТЕТЫ...

***

И я пошёл за нею без оглядки,
Врезаясь взглядом в будничную гладь,
Ведь ни к чему играть с любовью в прятки
И о судьбе над кофеем гадать.

Мы с ней порой играем в кошки-мышки:
Всё выясняем, кто из нас главней.
Но вновь судьба, как вертухай на вышке,
Меня сурово возвращает к ней.

Порою затеваем в прятки игры –
Она, смеясь, залезет под кровать,
А я от ямба убегу в верлибры,
Чтоб ей меня обратно возвращать.

Мы вдохновенно куролесим вволю,
Но милой музы действия мудры...
Ну а при мне моя шальная доля –
Идти за ней до гробовой поры.

***

Я не люблю прощальных слов.
Прощаемся? Не стоит!
Но я всегда прощать готов
Условности устоев.

И, принимая неформат
Слов, что летят мне в спину,
С ухмылкой удаляю мат
Из личной писанины.

-
- Дмитрий Викторович Родионов родился в 1992 году в Оренбурге. Окончил Оренбургский учётно-финансовый техникум и Оренбургский государственный аграрный университет по специальности «Экономика». Служил в армии (войска ГРУ особого назначения). Окончил Оренбургский государственный аграрный университет по специальности «Экономика». Входит в творческий актив Оренбургского областного литобъединения им Аксакова Оренбургского Дома литераторов. С 2022 года живёт и работает в Москве.

Ты называешь наугад
Своими именами
По очереди вещи в ряд,
Случившиеся с нами.

Но ведь ни сердцу, ни уму
Названий вероломство!
Да и прощанье ни к чему:
Умрём и вновь проснёмся.

***

Дом напротив, белый снег
Укрывает крышу...
Мой любимый человек,
Я тебя не слышу.

Из трубы сбегает дым
И летит по свету...
Рядом тополь часовым
Встал у парапета.

Свет струится из окна,
На окне герани...
Ах, какая тишина
В мире утром ранним!

Слышу поступь января,
Ледяные звоны.
Слышу даже, как заря
Сходит в мир неоном.

Белоснежный оберег
Укрывает крышу...
Мой любимый человек,
Лишь тебя не слышу.

***

Я на свободу первым же рейсом.
Рейса не будет? По шпалам, по рельсам!
Поезд уходит, пустеет перрон...
Где же он, самый последний вагон?

Грустно погаснет сигарка в ночи,
Света не будет, кричи не кричи.
Стоят немалых душевных увечий
Злых пассажиров надменные речи.

Что эти речи? Меня где-то ждут
Мама и тихий домашний уют,
Там, где в плену у полуденных скал
В вечность течёт полноводный Урал.

Знаю, что мне не ответит никто,
Если спрошу я: а жизнь – это что?!
Призрак победы? Пустая мечта?
Вместо свободы вокруг – суета.

***

Не глядя на авторитеты,
Сам о себе пою куплеты,
Метелью ледяной согретый,
Зимой вспоминаю лето.

Там, невзирая на промилле,
Мы горячительное пили.
А что деньгами мы сорили –
Да просто звон монет любили.

Я помню осень, что рыдала
Навзрыд девчонкой у вокзала,
А яблоня в саду кивала
И зрелые плоды давала.

И до утра брели по шпалам
Мы от вокзала до вокзала.
Разлука нас подстерегала...
Ты этого тогда не знала...

***

Пиши мне, милая, пиши,
Ведь о любви молчать не надо.
Твой голос теплится в тиши
В противовес мирскому смраду.

Попроще будь, не надо фраз!..
Неспешно выходя из дома,
Подозреваю, в этот час
Твой голос обращён к другому.

Но я его за тыщу миль
Из тыщи голосов узнаю.
Прости мне мой суровый стиль
Писать о том, что не сгорает.

Я, как всегда, наперекор,
Вразрез иду судьбе и судьям.
И, презирая форс-мажор,
Звоню тебе – и будь что будет!

**Вячеслав
АРХАНГЕЛЬСКИЙ**

ДВЕ ЗАРИСОВКИ

НА ПОЧТЕ

В этот раз перед Новым годом мы впервые за время пандемии решились «выйти в люди», то бишь пойти на почту и отправить своим близким несколько посылок (точнее, всего две) с разными небольшими подарками, наборами сладостей. А ещё (и это, пожалуй, самое главное) – с книгой, написанной моей женой о своём детстве и напечатанной на хорошей бумаге в твёрдом шитом переплёте. Увесистый такой фолиант получился – больше пятисот страниц. Так вот, одни наши родные живут в Москве, а другие – в Самарской области.

Для начала с сайта «Почта России» я скачал все возможные бланки для отправки посылок, распечатал на принтере и, поскольку они были в формате фотографии, собственноручно заполнил их шариковой ручкой, то и дело сверяясь с электронным образцом. Причём старался писать как можно разборчивее, для чего приходилось некоторые буквы вычерчивать рублёвым печатным шрифтом – наподобие того, каким я в своё время малевал лозунги и транспаранты с призывами к «советскому народу – строителю коммунизма».

Ну да ладно. Со мной вызвалась идти старшая дочь Ксения – директор по маркетингу, магистр психологии и прочая и прочая, короче говоря, человек сведущий во многих современных материях. Она взялась нести пакет полегче – в нём была только одна толстая книга и несколько книжек потоньше, да новогодний подарок в красивой коробке с надписью: «Красный Октябрь» – это для Самары. У меня пакет получился поувесистей – там уместились четыре толстые книжечки, штук пять детских и опять же новогодний сладкий подарок – для московских родственников.

Кстати, день похода на почту мы выбрали в середине недели и по времени вроде бы удачно – в три часа пополудни, когда, по нашим расчётам, народу должно быть поменьше. Но не тут-то было.

-
- Вячеслав Николаевич Архангельский родился в 1951 году в г. Мелекесе Ульяновской области. После окончания средней школы служил в армии, окончил отделение истории искусств Уральского госуниверситета, занимался предпринимательством, курировал развитие малого и среднего бизнеса в администрации Екатеринбурга. Кандидат экономических наук. В настоящее время доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета. Печатался в журналах «Урал», «Волга-XXI век». Живёт в Екатеринбурге.

Недавно отремонтированное помещение отделения связи – со стеклянными аккуратными окошечками, большим плазменным экраном на стене и терминалом для выдачи талончиков с номером очереди – было забито под завязку. Чёрный экран на стене и тёмный монитор терминала свидетельствовали об их нерабочем состоянии. Народ стоял кучно – ни о каком соблюдении «полуметровой социальной дистанции» не могло быть и речи. Мы заняли очередь за какой-то крупногабаритной женщиной в енотовой шубе, поставили наши пакеты на пустующее металлическое сиденье и стали ждать.

«Живая очередь – все стоят тут и за получением, и по отправке», – то и дело слышатся разъяснения «старожилов» (стоящих по часу и больше), проговариваемые усталым тоном для вновь приходящих, особенно досужих, посетителей. К тому же из трёх окошечек только в двух наблюдается какое-то движение – то появляются, то исчезают удручённо-озабоченные, хмурые лица работниц почты в возрасте сорок плюс. Почему не функционирует ещё одно окно, никто не знает. В помещении к тому же душно, слышатся глубокие вздохи, глухие покашливания и чихи, еле сдерживаемые одноразовыми голубенькими защитными масками.

Положение стоящих в очереди изредка, но совершенно как «снег на голову», усугубляется ещё и тем обстоятельством, что появляются «внеочередники» – продвинутые пользователи «всемирной паутины», записавшиеся в электронной очереди на определённое время и чётко по расписанию подходящие к заветным окошечкам со словами: «У меня запись на 15.15 (пятнадцать-пятнадцать)» или: «А у меня на пятнадцать сорок пять». Поначалу «живая очередь» глухо роптала, но затем смирилась, хотя чувствовалось, что в ней, в людях её образующих, постепенно назревают неизбежный протест и всплеск недовольства. Дело оставалось за немногим – всего два-три внеочередных вклинивания «компьютерных умников», уход «на технический перерыв» одной из сотрудниц – и возникает всем известная классическая «революционная ситуация», когда «верхи не могут, а низы не хотят».

Но к тому времени, как мы с дочерью продвинулись практически вплотную к одному из окошечек, наконец – о чудо! – и в третьей «амбразуре» появилась чья-то заспанно-недовольная физиономия – дело пошло более споро. Очередь оживилась, очнувшись от тупого ступора, в коем так долго пребывала.

Перед нами глыбой высилась последняя преграда – крупногабаритная, что по высоте, что по ширине – тётка в енотовой шубе. И уж очень она оказалась любознательной – попеременно спрашивая замученную почтовую работницу о том, надо ли вкладывать в посылку опись, требуется ли указание ценности, а почему так дорого стоит полиэтиленовая упаковка, ведь отправляемый тостер и так находится в коробке, а сколько будет идти посылка... Хотя, как выяснилось, адрес получателя был какой-то местный, до пункта назначения вполне можно за полчаса доехать на пригородной электричке. Ну, это ладно, наверняка просто боится подхватить пресловутый ковид.

В общем, тётя эта, даже получив квитанцию и ответы на все свои пустые вопросы, всё никак не могла отлепиться от окошечка, пытаюсь по максимуму выжать из ситуации пользу для себя. И мне пришлось ей напомнить, что здесь не справочное бюро и пора бы уступить место другим людям, желающим воспользоваться наконец услугами «Почты России».

Ставим пакеты на весы, подаю заполненные бланки оператору, хотя какому оператору? Судя по бейджику на синей кофте, нас обслуживает заместитель начальника отделения связи. И процесс пошёл: сначала она, ничего

не говоря, ушла куда-то вглубь помещения, затем появилась с раскroенным картонным листом, из которого тут же стала складывать коробку для посылки и сделала это достаточно быстро – минуты не прошло. Так же скоро она взвесила и упаковала наш пакет в эту коробку.

Мельком взглянув на стопку заполненных мной бланков, она сразу вернула их назад со словами: «Это не надо». «Как?» – вырвалось у меня. «Мы всё заполняем на компьютере... Хотя вот этот с адресом оставьте – пригодится». Набрав на клавиатуре чуть ли не одним пальцем адрес, напечатала новый бланк и подала нам: «Проверьте». И что же мы видим? Ни номера дома, ни номера квартиры на нём не оказалось.

Как же так?! Мы с дочерью недоумённо переглянулись – на бланке, подписанном мной от руки, все данные были на месте. Наша визави, тыча пальцем в экран монитора, доказывала обратное: «У меня на экране всё заполнено, как у вас». Она распечатала бланк ещё раз – результат тот же: их принтер «не видит» всех данных. Тогда я предложил заполнить от руки недостающие реквизиты, что замначальника, поколебавшись немного, и сделала.

Наконец, прикрепив злосчастный бланк к лицевой стороне посылки, сноровисто обклеила фирменным скотчем коробку со всех сторон. Затем последовало заполнение квитанции, и нам озвучили сумму для оплаты. Но почти тут же до работницы почты доходит, что она не включила в счёт плату за объявленную ценность посылки, которая была обозначена в одну тысячу рублей. Проводится перерасчёт.

Но оплатить сразу не получается, так как надо оформить ещё одну посылку – ту, которая поменьше, и потому её довольно быстро упаковывают в полиэтиленовый пакет. Вся процедура оформления повторяется, с той лишь разницей, что их принтер «увидел» и напечатал бланк с адресом в Самарской области с первого раза – наверняка потому, что здесь был указан только номер дома и уже не фигурировал трехзначный номер квартиры.

Теперь вроде бы всё: окончательный расчёт. Дочь оживает – скоро на свободу, ведь всё это время она стояла сбоку от меня, готовая в любой момент подсказать или прийти на помощь. Хорошо ещё, что я то и дело сдерживал её порывы вмешаться в затянувшуюся процедуру, а то бы пришлось выслушать не только вопросы по поводу организации работы, но и едкие комментарии. Что само по себе вызвало бы довольно бурную дискуссию с почтовыми работниками, да и утомлённая ожиданием и наэлектризованная «живая очередь» подала бы свои возмущённые голоса.

«Ой, я опять забыла посчитать ценность» – этот возглас снова повергает нас в уныние, но я, быстро сообразив, машу рукой: «А не надо ничего переоформлять, отправляйте без ценности... Не пропадёт же посылка». Мы почти физически ощущаем, как нас с дочерью буквально сверлят своими недовольными взглядами десятки пар глаз изнывающих от нетерпения очередников.

Но это ещё не финал. Уже озвучена общая сумма для расчёта. Я прикладываю банковскую карточку к терминалу, набираю пин-код, но аппарат выдаёт ошибку – проплата не проходит. Повторяю всё во второй раз – и снова отрицательный результат. Дочь в нетерпении вынимает свою карточку и уже готова оплатить сама, но тут до меня доходит, что я пытаюсь расплатиться карточкой «Сбера», а она новая, недавно полученная, и набираю я совсем не тот код, а старый...

С третьей попытки оплата проходит, и мы облегчённо в унисон переводим дух. Опять распечатываются квитанции об оплате – отдельные на каждый из адресов. И тут замначальника отделения связи вдруг снова опомнилась: «А за коробку и упаковку я с вас не посчитала...» Мысленно косте-

рю её последними словами, из которых наиболее приличные – «дошло как до утки на седьмые сутки»...

Затылком чувствую, как ко мне почти вплотную придвинулся какой-то тщедушный мужичонка, почти повисший у меня на спине, пока я возился со своей банковской карточкой: «Ну-ка, отойдите! Почему не соблюдаете дистанцию в полтора метра?!» – полуобернувшись к нему, цежу я сквозь зубы. Тот поспешно отступает на пару шажков назад. Но, пока мы разбираемся с оплатой за упаковку, я чувствую, что он опять потихоньку подбирается всё ближе и ближе к заветному окошку.

В этот раз дочь ждать не стала и, опередив меня, моментальным жестом приложила свою карточку к аппарату – всё! «Теперь-то ничего больше не должны и наконец свободны – ура!» – мысленно возрадовался я, и мы с дочерью одновременно глубоко вздохнули.

Стоило только отойти на один шаг от окошечка, как откуда-то сбоку прямо на меня ринулся огромный, под два метра ростом детина. Я чертыхнулся, едва успев от него увернуться. А мужик, готовый всё смести на своём пути, уже совал своё извещение в окошечко и несолидным для такого дяди просительным голоском, проверещал: «Я по записи, у меня на шестнадцать десять...» Стороживший свою очередь сзади меня хиляк даже пикнуть не успел – все его предыдущие телодвижения оказались пустыми хлопотами. Очередь зароптала, но было уже поздно.

Чем всё там закончилось, мы, к счастью, так и не узнали, потому как шепентом, не помня себя, выскочили на улицу.

РЫБАЛКА С БРАТЬЯМИ НА ЧЕРЕМШАНЕ ЗИМОЙ И ЛЕТОМ

1

Каким макаром я оказался тогда в родном городе – и не припомню, но уже упокоилась на лесном кладбище за низкой оградкой рядом с отцом моя мама, и жива была ещё её старшая сестра Настя. Коротала она свои будни в «двушке», которую они с мамой выменяли в своё время на две свои однокомнатные квартиры, с положенной, как водится, доплатой. Я и надумил их съехаться – всё легче вдвоём-то, хотя шепутная моя тётка, даже будучи уже на восьмом десятке, всё никак не могла утомониться. Частенько попивала водочку, а после обычно начинала бузить – маме это сильно не нравилось. Но речь здесь пойдёт не об этом.

Накануне своего приезда я обзвонил всех своих трёх братьев и предложил им собраться и сходить, как бывало раньше, на Черемшан – порыбачить, потом наварить ухи, нажарить полную сковороду вкусной сорожки и за столом повспоминать о детстве, покойном отце – заядлом рыбаке...

Оказалось, что в кладовке того дома, где последние годы жили папа с мамой, остались и зимние удочки, и коловорот, и валенки с литыми резиновыми калошами, и вся зимняя амуниция – меховое пальто с непродуваемым плащом, ватные стёганные штаны и даже связанные давным-давно нашей бабусей толстые шерстяные носки. Свою весомую лепту в сборы внёс и средний мой брат Валера, собрав тёплые вещи, прикупив новых удочек и мотыля для наживки. Всё это хозяйство братья собрали и привезли в мою штаб-квартиру, а точнее, тётки Настину, где я и ночевал.

На следующее утро младший брат Юра, как ни обещался, почему-то не приехал – только зря его прождали. Сотовых телефонов тогда в ходу ещё не было, а если и встречались изредка, да и то лишь у шибко богатых «новых русских», ибо стоили кучу денег, коих у них, как говорится, куры не клюют.

Короче говоря, пошли втроем: я, следующий за мной по возрасту брат Коля и средний – Валера.

Накануне вечером мы навязали пучков из мотыля, проверили удочки – всё было в полном порядке – отец не любил оставлять после рыбалки запутанную леску, болтающиеся грузила и оборванные крючки, сразу устранял все неполадки, чтобы, придя в следующий раз на реку и просверлив лунки, быстро закинуть под лёд леску с наживкой или мормышкой. Обычно у него первого начинало клевать, и не было ни одного случая, чтобы он вернулся с Черемшана без улова. Мы с Колькой помнили времена, когда набивали знатной рыбкой полные наши рюкзаки и брели с реки, еле волоча ноги, усталые, голодные, но довольные, представляя, как обрадуется мама и как про себя, ничем не проявляя этого, будет доволен отец.

И вот мы, вспомнив отцовские наставления, что придём уже к шапочному разбору, решили не забираться далеко, а двинулись к месту всего в трёх километрах от маминого дома. Туда, где Черемшан (а точнее, Большой Черемшан – левый приток Волги) широко разливался и где ещё в наши детские годы вполне себе исправно работал речной порт. От его причала каждый день отплывали два небольших теплохода «ОМ» или, как мы их ласково называли – «омики», один в Ульяновск, а другой – в Куйбышев-Самару. Помнится, и там, и там мы бывали на экскурсии – но эти истории заслуживают отдельного описания.

Так вот, не торопясь, экипированные должным образом, мы шли по еле заметной тропинке, шутили, вспоминая наши походы с отцом. Начало светать. Когда вышли уже на лёд, то на белом поле увидели тёмные точки сидящих у своих лунок рыбаков, судя по всему, «шапочный разбор» уже закончился – все наиболее рыбные места были заняты.

Довольно быстро, сменяя друг друга, пробурили три лунки, вынули из рюкзака и размотали удочки, насадили пучки мотыля и закинули леску в тёмную, дымящуюся на морозе воду, тут же начавшую покрываться тонкой ледяной плёнкой – как-никак с утра обещали минус двадцать с копейками. Да ещё и неприятный ветерок, какими-то известными только ему путями пробирающийся под одежду.

Мы уселись почти рядом на самодельных раскладных стульчиках (тоже папина работа) спиной к ветру и стали ждать поклёвок, изредка подёргивая натянутую леску, постоянно покрывающуюся ледяным налётом. Иногда то одному, то другому мерещилось некое подобие клёва, когда спиралька, через которую была продета леска, закреплённая на самом кончике удочки, то ли от ветра или от случайного волнения воды начинала вибрировать, а то и подёргиваться. От любого даже малейшего намёка на поклёвку кончик спиральки сгибается – и тут надо не прозевать, а вовремя дёрнуть удочку вверх, чтобы подсечь рыбёшку.

Но в тот раз сколько мы ни пытались менять наживку и глубину погружения, ничего не помогало – вся рыба словно исчезла. Никогда такого не бывало, чтобы даже ни один ёршик не попался, а уж известное дело, как у нас говорят: «Ёрш – хозяин Черемшана». Если закинуть леску почти до самого дна, то клюёт эта древняя, с острыми колючками плавника на спине, серенькая в пятнышках рыбёшка, просто дуром бросаясь чуть ли не на голый крючок. Раньше мы их даже не брали: «Возни с ними много, –

говаривала мама, – чистить замучаешься», к тому же он весь покрыт какой-то слизью, недаром среди местных рыбаков его называют ещё и «сопливым».

А мне так хотелось хотя бы что-то поймать, даже небольшого ёршика, и сварить дома уху. У нас всем известно, что какая бы знатная рыба в ней ни варилась, без ерша уха не та. Это был не наш день, или Черемшан стал совсем другой, неродной мне рекой.

Совсем рассвело, братья начали замерзать, то и дело срывались с места, чтобы побегать и согреться. Уже и чаю попили, и по бутерброду съели, но холод всё так же настойчиво пытался одолеть нас – стали мёрзнуть пальцы на руках, хотя и в варежках, да и ногам было зябко.

Не клевало, и даже когда мы прошли немного подальше – туда, где сидели, словно нахохленные сонные птицы, с десятков таких же страдальцев, то и возле их лунок не увидели ни одной рыбёшки.

Так бы и ушли мы с позором несолоно хлебавши, если бы сметливый Валера не заприметил метрах в ста пятидесяти выше по течению группу мужиков – человек пять-шесть с пешнями, мешками и металлическими сачками, насаженными на длинные рукояти. Они начали споро долбить лёд на самой середине реки и суетиться возле сделанной ими длинной и узкой проруби. Валера сразу сообразил: «Сети будут вытаскивать». И точно, через какое-то время мы увидели, как на снег посыпалась серебристая разнорыбца: упитанные сорожки, подлещики, густера и даже довольно крупные окуни...

Что делать? «А давай к ним подвалим и купим у них рыбки, – тоном, не подразумевающим дебатов, предложил я. – Пойди, Коля, узнай, почём продадут». Брат быстро сбегал и вернулся со словами: «Да всего по тридцатке за кило». Валера тут же поддержал: «Ну, и чё мы тут будем зря мёрзнуть, раз не клюёт. У меня как раз с собой столярник заваялся...»

И мы с Колей пошли к мужикам. Оказалось, что это вполне себе официальная рыбацкая артель ведёт здесь промысел – всё чин чином. Отобрали у них сорожку покрупнее, да с десятков окунишек на уху, даже пару-тройку «сопливых» удалось обнаружить на самом дне длинной мелкоячеистой сетки. На глазок прикинули – получилось не меньше пяти килограммов – на сто рублей «досыта». Погрузили добычу в Валеркин рюкзак, быстро смотали свои удочки и, хотя и продрогшие, но довольные, бодро зашагали домой.

«Теперь понятно, почему у нас ни одной поклёвки не было за два с лишним часа на льду – они же, эти жлобы, перегородили Черемшан своими сетями в три ряда. До нас ничего и не могло дойти – артельщики всё подчистую выгребли, – рассуждали мы меж собой. – И когда такое вообще бывало, чтобы река, кормившая испокон веку почти всех земляков, обезрыбила, попав в концессию каким-то ушлым добытчикам?!»

Но времена изменились, и теперь это занятие считалось вполне законным предпринимательским делом. Да, поленились мы, надо было пойти подальше, в верховья реки, хотя не факт, что и там что-то поймали бы. Скорее всего, разворотливые мужики и там, через километр-другой, наставили свои сетки и перемёты – попробуй их обойди.

С другой стороны, народу-то надо на что-то жить, тем более когда большинство предприятий закрылось. В цехах льнокомбината, где четверть века отработали мои родители, теперь – торговый центр, а на бывшей макаронной фабрике – просто мебельный склад. И куда податься бедному жителю небольшого поволжского городка? Действуют всего два-три завода, да и те дышат на ладан, половину работников поувольняли...

Домой мы пришли уже немного успокоенные, хотя бы тем, что вернулись не с пустыми руками.

Валера и тётя Настя принялись чистить наш «улов», закипала на плите уха, на двух больших чугунных сковородках жарилась румяная жирная сорожка и отдельно – икра. К столу пригласили и Любу, нашу самую старшую двоюродную сестру – дочь мамино любимого брата Саши. Когда Люба появлялась где-либо, то слышно было её издалека: громкий голос, шутки-прибаутки. Весёлая она по нраву и смелая в своих выражениях, а выводы её всегда бывали однозначными и обсуждению не подлежали. Муж у неё сгорел от водки, и вот уже лет пятнадцать как вдовствует, но совсем не походит на убитую горем и одинокую женщину. Ей уже под семьдесят, но выглядит она молодцом: статная, румянец на щеках, уверенность и неспешность в движениях. Они с мамой так похожи характером – обе бойкие, за словом в карман не полезут, всегда найдут, что сказать-ответить на любой самый каверзный, с поддёвкой, вопросик, да так, что сам интересующийся оконфузится, если спросит, не подумав, – вот и получит от них сполна.

Мы все сидели за столом: тётя Настя, Люба и нас трое гавриков. Перед нами скворчала на одной сковородке сорожка – с румяной корожкой, вся в масле и жире, а на другой – целой золотистой горкой обжаренная на растительном масле икра. Тут был и свежий хлеб, и солёные грибочки с огурцами, а в центре стола красовалась, как и положено в таких случаях, бутылка «Столичной».

Так быстро тогда управились со всей этой снедью, что и не заметили, как опустели обе сковородки, да и на дне бутылки уже ничего не булькало. Тут Люба и говорит: «А давайте на спор, что я из этой пустой бутылки выжму ещё сорок капель!» Я тут же усомнился, стал возражать, а братья мои почему-то сидели помалкивали, видно, что-то знали или слышали про этот фокус.

И вот Люба, опрокинув бутылку из-под водки вверх доньшком, начала отсчитывать капли, поначалу бодренько вытекавшие в рюмку: «Десять – двадцать – тридцать...» Казалось, что это всё – больше уже не будет ни одной капельки, но раскрасневшаяся от выпитого Люба не сдавалась, упорно поворачивая бутылку то в одну, то в другую сторону, и образывались будто ниоткуда новые капли: «Тридцать пять – шесть – семь...» Ещё немного, и всё – сороковая капля как бы нехотя упала в рюмку, став последней, как и подтвердила моя сестра: «Да это проверено не один раз – всё точно как в аптеке, если водка, конечно, не бодяжная...»

Сейчас уже нет на этом свете ни милой моей мамы – она ушла первой, через два месяца после своего семидесятилетия, ни тётя Насти, которая пережила её на пять лет, ни Любы, олицетворявшей для меня настоящую казачку – смелую, сильную духом, не поддающуюся никаким невзгодам...

Да и на Черемшан после той зимней рыбалки я попал совсем не скоро, а годков так через десять, и было это уже в летнюю пору.

2

Летняя рыбалка случилась только в июле 2010 года, когда я на несколько дней, взятых в счёт отпуска, вырвался в родной город, чтобы побывать погоревать на могилках моих незабвенных: бабуси, папы, мамы, единственного друга Олега. А ещё съездить в Майну на сельское кладбище, где полвека назад упокоился дед Пётр, а через два десятка лет на девяносто восьмом году была похоронена рядом с ним и бабушка Прасковья, чуть позднее нашла тут свой последний приют и тётя Настя – такова была её воля.

Поехали мы на родину мамы с младшим братом Юркой – он договорился насчёт машины с товарищем по работе.

Не узнал я тогда того села, где каждое лето бывал у бабушки Прасковьи, бегал на Авраль – речку, впадающую в Черемшан, – купаться и ловить пескарей. Не тот был и Авраль – узенькая полоска воды, по берегам заросшая густым кустарником. Совсем не похожей и чужой теперь стала эта речушка, от неё так и веяло заброшенностью.

От родного дома мамы ничего не осталось, кроме внешней, обращённой к степи бревенчатой стены конюшни. Ничего даже отдалённо не напоминало о том, что когда-то здесь жила большая семья Емелиных – одних только выживших детей семь душ. А на месте старого дома, крытого соломой, где я, бывало, спал на сеновале, сейчас высился вполне себе цивилизный, белого кирпича, вместительный такой домина, где живут-поживают какие-то совсем чужие мне люди.

На кладбище мы так и не смогли найти безымянные деревянные кресты, под которыми покоились мои дед и бабушка, а подсказать нам было некому – будний день, все на работе. Я надеялся, что хотя бы Юрка подскажет, но он тут, как оказалось, вообще никогда не бывал. Потому, походив-побродив по кладбищу, я положил букет привезённых с собой цветов у двух рядом стоящих серых от времени крестов. Посчитав, что именно здесь, под укрытыми густой травой могилами, мог бы покоиться прах и моих предков.

Неузнаваем был и центр села, где возвели на том же месте, что и до революции, голубой, красивый, как на картинке, уютный храм, где в начале прошлого века венчались Пётр Емелин и Прасковья Лапшова. Можно только представить, какой дивной они были парой: он – в военном мундире, только что отслуживший шесть лет, и она – высокая, статная, в белом подвенечном платье, но ни одной фотографии о той поре не сохранилось.

Остановился я в тот приезд в квартире, которую отец получил от льнокомбината вскоре после награждения его орденом Трудового Красного Знамени, где и жила некоторое время после его кончины наша мама. Да и она через какое-то время съехала, оставив Юрке три комнаты, чтобы его семья (жена и двое детей) могла жить, не испытывая неудобств.

Вот там я и поселился, имея на то все основания, тем более что к тому времени уже взрослые их сыновья проживали в других городах. Мне выделили ту комнату, где раньше обитали наши родители.

По моей просьбе Юрка кое-как разыскал в кладовке старые отцовские бамбуковые удочки, вечером мы распутали лески, перевязали крючки, укрепили свинцовые грузила и поплавки – проверили всё как положено. Червей накануне, когда возвращались из Майны, купили в магазине «Рыболов» в пластиковых баночках.

Следующим утром, часов в пять, собрались и пошли на остановку автобуса и первым же рейсом уехали в сторону торфболота, туда, где несколько лет подряд я загорал в пионерлагере «Спутник». И вот теперь как бы возвратился в своё детство, но от знакомого до последней тропинки лагеря ничего не осталось: и забор был другой – не дощатый, а из металлических прутьев, да и лес вокруг изменился до неузнаваемости – что-то вырубил, что-то сгнило. Даже футбольное поле, теперь еле заметное, заросло низкорослым кустарником и ежевикой.

Вдоль забора лагеря дошли мы до Черемшана, а потом двинулись по узенькой прибрежной тропинке вверх по течению в то место, куда почти полвека назад, будучи пионерами, мы ходили в поход, устраивали привал на широкой поляне, усыпанной душистой спелой клубникой. Но теперь река обмелела, её берега стали обрывистыми, заросли ивняком, и до воды ещё надо было сделать несколько шагов – Черемшан стал совсем незнакомым, чужим и ничем не напоминал любимую реку моего детства.

Мы вышли к небольшому песчаному пляжу, где я и предложил остановиться. Солнце уже взошло над лесом на другой стороне реки, и его золотистые блики переливались на ровной водной глади. Было тихо, тепло и спокойно вокруг – вот где поселилась настоящая красота!

Размотав удочки и насадив на крючки красных навозных червей, забросили снасти и усталились на красные же верхушки наших поплавок, лениво покачивающихся на воде. И тут же, почти сразу, у меня начало клевать, и не какая-то там мелочь, а довольно крупная рыба, судя по тому, как еле заметно притапливался поплавок, она осторожно откусывала частичку червяка, извивающегося на крючке. Вот теперь главное не зевать, и, когда поплавок в очередной раз начал плавно уходить под воду, я резко дёрнул удилице вверх и подсёк эту клевавшую рыбу. Конец удочки упруго изогнулся, и на крючке уже трепыхалась довольно крупная сорожка, блестя на солнце своей серебристой чешуёй. Ура!

Такая рыбка мне особенно нравилась своим благородным окрасом, округлостью форм и интеллигентными повадками – она никогда не будет хватать наживку с жадностью прожорливого окуня или язя, потому поймать её всегда было самым большим моим желанием. И вот сбылось! Теперь, что бы и как бы дальше ни сложилась эта рыбалка, сюда я приехал не зря – будет что вспомнить.

Потом случились ещё какие-то поклёвки, Юрка тоже кое-что поймал, но день уже разгорался не на шутку – июльское светило ощутимо припекало и голову, и плечи, да так, что захотелось их немедленно охладить. На первый раз хватит, решили мы, быстро смотали удочки, разделись до плавок и, не мешкая, друг за другом бултыхнулись в слегка прохладную, мягкую воду – вот это благодать!

Забрав садок с уловом и наскоро перекусив бутербродами, мы двинулись в обратный путь – также берегом, потом вдоль забора, но там я уже не мог не остановиться, чтобы полакомиться тёмно-синими ягодами истекающей соком сладкой ежевики, уже переспевшей, осыпающейся с кустиков прямо на землю...

На следующий день я созвонился с братьями Колей и Валерой: «Ну что, пойдём на рыбалку?!» Оба сразу согласились: «Чай, теперь не зима – не замёрзнем!» Тем более что вылазка наша выпадала на выходной день.

Червей посулился закупить Юра, а Валера решил взять с собой ещё и своего Игорька – моего, значит, племяша. Но вот сам, как в прошлый раз зимой, Юрка почему-то не смог с нами пойти. Решили подготовиться посерьёзнее: разыскали в недрах кладовки папину надувную лодку с насосом и маленькими вёслами – всё это хозяйство покоилось в большом брезентовом рюкзаке. Коля согласился тащить на себе эту тягу, ну а мне достались удочки и садок под рыбу. Котелок со спичками и провизию – картошку, лук, соль-перец, хлеб – прислал с сыном Валера.

Через день мы были в сборе и двинулись всем табором сначала на автобусе до конечной остановки, а потом пешком через лес вышли практически на то же место, где накануне рыбачили с Юркой. Только решили переправиться на другой берег, чтобы можно было спокойно порыбачить, и костёр разжечь, и уху сварганить.

Так и сделали. Быстро, сменяя друг друга, накачали лодку, спустили на воду, загрузили рюкзаки, и вместе с Колей мы первыми переплыли на другую сторону. Потом я, уже один, вернулся за Юркой с Игорьком, и уже налегке, с удовольствием работая маленькими зелёными вёслами-лопатками, без приключений переправились на тот берег, где шустрый Коля,

выбрав для себя самую лучшую удочку, уже всю умело подсекал и вытягивал на берег то одну, то другую рыбёшку.

Мы все, конечно, завидовали ему, и, пока разбирали снасти, настраивались на рыбалку, Колян уже успел опустить в садок с десяток окунишек и краснопёрк, да и клевало у него почему-то лучше, чем у нас. И тут, когда я в очередной раз решил сменить червяка, изжёванного какой-то мелкой рыбкой, подошёл к братцу, возле ног которого лежала баночка с червями. Открыв её, обнаружил, что червяки здесь как на подбор – ярко-красные, живые, шевелящиеся, в отличие от тех, что насаживали мы из другой банки – те были какие-то раскисшие, полудохлые. Да, хозяйственный и хитрый Колька сразу «просёк фишку» и для себя прибрал лучшую наживку. Видно, когда Юрка её покупал в том самом «Рыболове», ему и всучили одну банку замученных и прокисших от жары червей, а открылось это, только когда мы оказались уже на реке.

В общем, хорошие черви закончились быстро, но и нам удалось поймать штук по пять-шесть разной рыбы – на уху хватало с лихвой.

Юра взял на себя самое муторное занятие – чистить рыбу, Игорёк собирал сушняк для костра, я почистил картошку и лук, Коля установил рогульки с жёрдочкой-перекладиной между ними, с одной спички разжёл растопку, и костёр ожил, загудел, с жадностью поглощая сухие смолистые ветки. Котелок с чистой черемшанской водой подвесили над огнём, поочерёдно бросая в него овощи, рыбу и специи. Дело спорилось. И в какие-то полчаса сварили знатную ущицу, именно такую, какая мне представлялась, когда я планировал эту поездку.

И вот мы сидим вокруг догорающего костра на высоком берегу родного Черемшана, июльский день в разгаре, и непонятно, откуда больше веет жаром – то ли от палящих лучей солнца, то ли от раскалённых добела углей. Хлебаем уху, поочерёдно зачерпывая из котелка, смеёмся над Коляной хитростью, подкальываем друг друга, нахваливаем свою еду, и нам хорошо и весело – мы тут все вместе, дружной такой семейкой. И даже осы, слетевшиеся на запах рыбы, не особо докучают нам – беззлобно отмахиваемся от них: «Да ладно, отстаньте пока, и вам мы оставим что-нибудь на пропитание...»

Потом пили чай – душистый индийский. Правда, не такой, какой заваривали на рыбалке когда-то давно с другом Олегом – тот почему-то помнился особо. Чай из очищенных от земли и хорошо промытых корней прибрежного шиповника, хорошо прокипячённые, они давали золотистый цвет и необычный мягкий вкус с еле уловимым ароматом розы, тот чай казался нам тогда самым вкусным на свете, крепким, как наша дружба...

А вечером мы собрались вчетвером у Юрки дома, загорелые, разгорячённые от выпитого коньяка, и сфотографировались на память – сидим на кухне обнявшись, по пояс обнажённые, с уже обозначенными животами пожилые дядьки, в кои-то годы собравшиеся под одной, помнящей нашу бабуся и родителей крышей, за общим столом.

Только один этот снимок и сохранился у меня от той поездки, а всё то, что было снято на видео там, на Черемшане возле костра, потом пропало – какой-то вирус уничтожил те файлы на моём компьютере. Так что сейчас осталась только надежда на свою уже слабеющую память.

А человеческая память, хотя и невелика по объёму и порой даёт сбои, но зато надёжна и правдива, так что никакие «трояны» и вирусы никогда не смогут стереть из неё то, что для нас дорого и важно. Она может даже сохранить и такие пустяки, как эти мои воспоминания о зимней и летней рыбалке с братьями на родной реке.

**Елена
ПОНОМАРЁВА**

БОГ ПРОСТИТ

Скатился ночи шар в небытие.
Из сновидений вышел день последний,
Печаль разлил. Мы с ним наедине –
Кто духовник, кто грешных дел наследник.

Я не спешила раскрошить слова,
Как воробьям сухого хлеба крошки.
И он себя ничем не выдавал –
Ни сквозняком, ни шорохом сторожким.

Я знаки выбирала наугад:
Тень от гардины, чудотворный шёпот,
Посуды звон и с фотографий взгляд –
Всё невпопад, как мой незрелый опыт.

Слов паутину собрала в горсти –
Себя судить, о прошлом помолиться..
Тут стол вздохнул чуть слышно: «Бог простит»,
И повторила скрипом половица.

***

Июль расплавил стёкла и портьеры,
Обрушив в окна солнца водопад –
И две мои оптические сферы
В мир законный пристально глядят:
Гуляют голубки, голуби гундосят,
Разносит эхо паперти скандал.
Бывало, здесь в день Троицы Иосиф
Калач крошил и зёрна раздавал.
Дары приняв, блаженные голубки
Его не оставляли на мели,
А прихожанок ситцевые юбки
Следы голубок с паперти мели.

-
- Елена Александровна Пономарёва родилась в 1958 году. Окончила СГАУ им. Н. И. Вавилова по специальности «Инженер леса». Публиковалась в литературно-художественных журналах и альманахах: «Юность», «Три желания», «Хранители природы», «Возрождение», «Отражение», «Московский BAZAR», «Кваня и компания», «Простокваша», «Дружана» и других. Автор трёх книг для детей: «Восьмая гастроль», «Это ярмарка идёт» – сборники стихов, «Дед – Сто Бед» – сказки. Лауреат и дипломант многих международных литературных конкурсов.

Кружат ветра, светлеет неба просинь,
Всё возвращая на круги своя,
Но не Иосиф, я на паперть бросить
Несу, роняя, зёрна ячменя.
Протёрла сферы, вижу: стройплощадка,
Забор – охранник опустевших дач,
И ребятня не валко и не шатко
В него пинает полосатый мяч.

***

Приходил, говорил:
– Будь любезна со мной –
Стану мужем тебе, станешь ты мне женой.
Руки белые жал, обнимал стройный стан,
И горячие речи шептали уста:
– На исходе зимы, только тронется лёд,
Юный месяц на вешнее небо взойдёт,
Ворота отвори, в дом зови молодца
Да кольцо с бирюзой принимай из ларца.
Будем печь пироги, будут «Горько!» кричать,
Будешь суженым другом меня величать.
Я и терем резной для тебя возведу,
Вместо тусклой лучины повешу звезду.
Будем пить медовуху хмельную и квас,
Девки красные, парни родятся у нас,
Будем холить парней да девчат баловать,
Я им – добрый отец,
Ты им – строгая мать.
Пост был длинным, морозным, позёмка мела,
Как фата, что на свадьбу, длинна и бела.
Я весь пост под лучиной ткала рушники,
Голубков выпускала со правой руки.
А как тронулся лёд, всё ждала у крыльца
С бирюзовым кольцом из ларца молодца.
Приходил, говорил, бровь ходила дугой...
Оженился на Красную Горку с другой.
Ретивое зашло так, что жизнь не мила,
Слёз горячих, ей-богу, в подол не лила,
Но боялась одна в ночь безлунную спать,
Положила тряпичную куклу в кровать.
Обвязала её домотканым платком,
Колыбелила куклу свою шепотком:
– Засыпай, моя кроха, родное дитя,
Ночь лихая пройдёт, новый день возвестят,
Там и маки проклюнутся в нашем саду,
От тебя никуда никогда не уйду.
Только знанье одно мне дано наперёд:
Этой ночью глухой моя кукла помрёт.
Как тряпичная кукла, и я поутру,
Ясных глаз не сомкнув, лишь прилягу – помру.

***

На столе блинов прощёных горки,
Самовар – преданье старины.
Кашеварить из звериной норки
Выбиралась я на свет луны.

В дело шли февральские остатки:
Крепких слов случайная маржа,
Соль обид, горсть сновидений сладких
И любовь на кончике ножа.

Что нашлось, нещадно было бито
До ломот, до судорог в руке.
Мелкий снег, просеянный сквозь сито,
Растворялся в тёплом молоке.

Таял снег, как шмат свиного сала
В чугушке, калённом добела.
Я слова прощенья не искала,
Я сама прощением была.

***

Листаю ночь как книгу, наизусть:
Молочный вкус любовного нектара
И послевкусия не приторную грусть,
Что шестиструнная оставила гитара,
А нежный кожи шёлк в ночном бреду,
Проём окна, где мы с тобой в обнимку
Ещё загадывали счастье на звезду,
Неразделимые на вечность половинки...

**Дмитрий
ВОРОНИН**

ЭЙНШТЕЙН

Иосиф Сигизмундович Сиропчик актёром в губернском театре числился замечательным, играл там с молодых времён и почти всегда с неизменным успехом. Аншлаги, букеты с признательными записочками, следы губных помад на щеках – всё это каждодневно пребывало в жизни заслуженного лицедея. Исключения выпадали только на периоды болезней, отпусков и ремонта сцены. Ролей всяческих за свою долгую творческую жизнь Иосиф Сигизмундович опробовал немерено, от героев-любовников до царей и богов Олимпа. Да как отыграл, шельмец! Поклонники дарили ему коньяк и водку, виски и портвейн. Поклонницы, что в партере, что на галёрке, рыдали от восторга, всякий раз порываясь в конце представления забраться на подмостки и облобызать своего кумира или удушить его в объятиях. Да и актриски особо не отставали. Как входили в раж, играя жён и любовниц героя в различных мелодрамах, так и после их окончания продолжали взасос целовать Сиропчика, закатывать ему скандалы, бить пощёчины и пытаться уехать к нему домой.

Может, такую аферу кому-то и удалось бы в конечном итоге повернуть, если бы не Капа – законная супруга Иосифа Сигизмундовича.

Капитолина слыла женщиной строгой, постоянной и решительной. К тому же и веса была солидного, не в пример всем этим комедианткам. Могла и прибить ненароком. Иосю Капа прибрала к рукам ещё до его поступления в театр, забрав пьяненьким, исхудавшим студентиком из привокзального кафе, где работала на тот момент поварихой, к себе домой. Иосифу у Капы понравилось настолько, что он через неделю сделал ей предложение. С того момента все бытовые заботы покинули Сиропчика раз и навсегда. Правда, вместе с ними исчезла и возможность крутить романы на стороне, но с этой утратой

-
- Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в г. Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России. Автор четырёх книг прозы. Лауреат премии А. Куприна, губернаторской премии «Признание», издания «День Литературы» (Москва), Первой премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия» (Москва). Публиковался в литературных журналах России и ближнего зарубежья: «Роман-газета», «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостинный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток». Живёт в п. Тишино Калининградской области.

Иосиф Сигизмундович быстро свыкся, предварительно получив от Капитолины несколько ударов скалкой по голове и заработав перелом носа и пару десятков фингалов.

Капитолина театр не любила, считала его рассадником разврата и являлась туда только по вечерам, чтобы отвезти своего благоверного в семейное гнездо, вырвав его из хищных когтей обожательниц.

– Ося, – грубо отталкивала она плечом очередную зазевавшуюся поклонницу, – опять?

– Что ты, Капушка, – улыбался супруге Иосиф, – и даже в мыслях ни-ни.

– Знаю я, какое «ни-ни», тебя и на минуту оставить без присмотра нельзя, – выдёргивала Капитолина из рук триумфатора цветы и отдавала ему взамен пару пакетов, наполненных продуктами, которые успевала купить в супермаркете напротив.

– Ты за своей Капой как за китайской стеной, никакие цунами не страшны, – завидовали Сиропчику его бобыли-сослуживцы.

И всё бы хорошо, да только вот...

Практически от всех дурных привычек отучила своего Осю Капа, но не от спиртного. Тут Сиропчик проявил упорное сопротивление.

– Что ты меня последней радости жизни пытаешься лишить! – огрызался каждый раз Иосиф Сигизмундович на очередные попреки со стороны жены, что вечно у него по вечерам zenки залиты. – И так полностью под тобой хожу, оставь хоть тут кусочек свободы. Я к тому же дома вообще ни граммочки в рот не беру без твоего разрешения. Только и отдыхаю, что на работе, где рюмочку-другую по ходу спектакля в себя опрокидываю. Вот и отстань хоть там.

Капитолина и отстала, махнув рукой на последнюю мужнину блажь.

Но вот в театре от такой блажи Сиропчика за многие годы откровенно устали. Иосиф Сигизмундович очень даже спокойно мог и на зрителей накинуться в середине последнего акта, находясь под парами водочки или портьейна:

– Чего припёрлись? Сидите тут, глазеее. На Сиропчика посмотреть? Нравится вам Сиропчик? Ну смотрите, где вы ещё такого гения увидите!

После подобных отступлений от репертуара администрация впадала в истерику, грозились лишить Иосифа Сигизмундовича тринадцатой зарплаты, всех премий и бонусов, отстранить от спектаклей и вообще уволить по статье за профнепригодность. Сиропчик винулся, на неделю прекращал прикладываться к стакану, но потом всё повторялось. Приходилось терпеть и дальше его выходки, понимая, что альтернативы герою-любовнику и царю-батюшке в труппе просто нет.

Однако, как только у бога Олимпа наступил пенсионный срок, директор театра Парнас Рожденович Бубашвили тут же пригласил его в свой кабинет и с ходу объявил:

– Всо, Ёсиф Сыгызмундыч, твой служба артиста в нашем театре закончылся, хоть ты и гэний канэчна. Но, зная твай заслуги и любов народа, мы тэбя нэ виганяем. Мы тэбя просим пэрэйти в суфлоры. Ты вэсь рэпэртуар как сваи пят пальцев знаэш, наизуст виучил, будиш падсказыват из будки. Нэ спорь, ми тэбэ чэст аказываем. Главным суфлором дэлаем. Согласэн?

– Согласен, – тут же дал добро Сиропчик, представив себя полностью во власти Капитолины.

– Вот и замечательно! – обрадовался положительному ответу Парнас Рожденович. – Праводым тэбя на пэнсию как бога! Паздравым со всём уважэнием. А чэрэз нэдэлю занямай будку, она твая. Ужэ сэчас можэш сматрэт новая мэсто.

Иосиф Сигизмундович не стал оттягивать процесс освоения нового места работы, отнёс в суфлёрскую кабину из своей гримёрки любимый стул, подобрал удобную подушку и даже умудрился прикрепить к стене навесной столик под графин с водой. В общем создал себе максимально приемлемые условия для долгого малоподвижного нахождения в стеснённом пространстве.

Поначалу за Иосифом Сигизмундовичем оставили почти такую же зарплату, что он получал в актёрах, но с условием ежедневной озвучки текстов.

– Будешь начитывать все мои сложные пьесы, – наставлял его главреж Сакалаускас. – Но ничего Ёсеф, ты – человек опытный, почти весь репертуар наизусть знаешь, справишься.

– Мишка, всё будет нормалёк с моей стороны, – чокнулся с ним фужерами Сиропчик. – Главное, чтобы актёришки повторяли правильно, а так, ноу проблем.

– Особое внимание нашей приме Афродите Снежной.

– Фроське, что ли?

– Ну да, Афродите. Ты же понимаешь, за ней стоит Парнас Рожденович, поэтому сбоев быть не должно, от этого и наш гонорар зависит, и наше место. Память у неё короткая, роли не запоминает, что будешь ей в уши вдвухать, то и в зал улетит.

– Да знаю я эту Снежную как облупленную, не раз вместе на сцену выходили. Мозгов никаких совершенно. Я ей и во время спектакля постоянно её текст наговаривал. Бездарная пустышка.

– Тс-с, – опасливо покосился на дверь Сакалаускас, – может, мозгов у Афродиты и нет, зато Парнас Рожденович есть, а формы какие! Пальчики оближешь. На неё мужики из прокуратуры и следственного изолятора ходят. Сам губернатор букет присылает, так что...

– Это конечно, формы у неё волнительные, почти как у моей Капы, тут не поспоришь. Ей бы на рынке торговать, цены б бабе не было.

– На рынок её нельзя, – улыбнулся главреж, – складывает плохо, проторгуется.

– Судя по ору из бухгалтерии после выдачи зарплаты, со счётом у неё всё в порядке, – ещё раз чокнулся с Сакалаускасом Иосиф Сигизмундович.

– Да ладно тебе, Ёсеф, пусть играет, жалко, что ли. Твоё дело теперь – подсказать вовремя, а не рядом с ней на сцене прыгать, – закусил коньячок ломтиком лимона Сакалаускас.

Через пару месяцев Афродита Снежная ластилась к директору Бубашвили:

– Ой, Парнастик, какой ты шутник, оказывается. Сиропчика в конуру, как дворнягу какую, загнал. Там ему самое место оказалось. Ещё б на цепь посадил, вообще прикольно было б на него смотреть. Ав-ав!

– Гы-гы-гы, – заржал Парнас Рожденович. – И мыску пэрэд мордай паставит. Гы-гы-гы.

– И косточку туда положить.

– Гы-гы-гы.

– Люблю тебя, Парнастик, – чокнула в зальсину директора Афродита.

– И я тэбя, Афрочка, – расплылся довольной улыбкой Бубашвили.

– Знаешь, Парнастик, мне теперь в сто раз лучше играется, когда Сиропчик в будке сидит.

– А я тэбэ, Афрочка, всегда гаварыл, что Ёсиф – гэний. Он что на сцэнэ, что пад сцэнай, адынакава харош.

Спустя ещё месяц прима-актриса жаловалась директору:

– Парнастик, Сиропчик пьёт, паразит. Я к концу спектакля сегодня уже задыхаться стала. Сначала на партнёра подумала, что он на грудь принял для смелости. Бойтся меня обнимать на сцене. Но нет... Подошла к будке специально, а оттуда разит, как из помойки, и глаза у Сиропчика красные.

– Харашо, пупсык, я с ным пагавару завтра, сдэлаю внушэний.

– Сыгызмундыч, нэ пэй, да? – выговаривал Бубашвили стоящему перед ним суфлёру, утопая в директорском кресле. – От тэбя пэрэгар на вэс театр, слюшай. Афрадыта задыхается уже савсэм, скоро отравится, ты этого хочеш?

– Я не пью, Афродита наговаривает.

– Э, Ёсиф, знаю тэбя! – развёл руками Парнас Рожденович. – Прэмию нэ дам, оклад заныжу, еслэ паймаю.

Следующим вечером почти сразу после второго антракта из суфлёрской будки раздался такой мощный храп, что актриса Снежная аж вскрикнула от испуга, а публика разразилась безудержным хохотом и устроила бурные овации.

– Сыропчык, ты алкач, да?! – В ярости вышагивал вдоль своего стола Парнас Рожденович, злобно посматривая в сторону виновато сидящего на стуле Иосифа Сигизмундовича. – Ты нэ можеш бэз водки, да? Ты спэтаклю чут нэ сорвал вчэра, храпэл на вэс зал! Чэго малчыш? На пэнсию савсэм захатэл? Гавары!

– Я не пил, – пробубнил в ответ Сиропчик. – Устал просто, постановка очень длинная, вот и уснул. С кем не бывает.

– Какой – устал проста? – остолбенел Бубашвили. – Какой – уснул? Какой эщо – с кэм нэ бывает? Са мной нэ бывает!

– Враги, – ещё тише проговорил Сиропчик, – завистники. Они подлили.

– Какой – враги? – опешил Парнас Рожденович. – Какой – завистныки? Ты эщо скажи, что это Афрадита тэбэ водку налила.

– Не знаю, не видел, может, и она, та ещё штучка, – прошептал суфлёр, упорно смотря под ноги.

– Вот что, Ёсиф, эщо раз уснеш на работа, потом будэш дома досыпат вмэстэ с Капай навсэгда. Понэл мэня, да?

– Понял.

– Ну и атлычна. А пака за табой началнык пажарной службы Падкарытав прысмотрыт. Будэт пэрэд работай графын твой нухат и карманы сматрэт.

Месяц Сиропчик держался, ходил трезвым и хмурым. То ли жёсткий контроль Подкорытова повлиял на суфлёра, то ли перспектива остаток жизни провести исключительно в обществе Капы, но от Иосифа Сигизмундовича совершенно не пахло алкоголем.

– Маладэц, Ёсиф, заслужыл прэмыю! – вручил персонально Сиропчику бонусный конверт Бубашвили.

Но уже через день раскрасневшаяся Афродита влетела в директорский кабинет и с ходу заорала:

– Парнастик, выгони немедленно эту дрянь из театра! Или он – или я!

– Что опят случился, дарагая?

– Эта скотина снова напилась и... – разрыдалась актриса, уронив голову на стол.

– Опят захрапэл? – нахмурился Парнас Рожденович.

– Хуже.

– Что эщо – хуже?

– Дурой меня обозвал безмозглой.

– И ты павэрила, голуб мая крылатая?

– О чём ты говоришь, Парнас? – Слёзы тут же исчезли на лице Снежной, превратив её в холодную королеву. – При чём тут – поверила? Он меня при всех актёрах оскорбил, весь зал слышал, хохотал, хлопал, «браво» кричал. Выгони его!

– Успокойся, мой лубов, сэйчас выганю.

Разъярённый Парнас Рожденович бросился в суфлёрскую. Виновника скандала на месте не оказалось, и директор накинулся на Подкорытова.

– Гдэ этот свыня?

– Домой убежал, как только закрыли занавес.

– Завтра всё абыщи, провэр каждый щолка. Глаза с нэго нэ пускай.

Вернувшись в кабинет, Бубашвили нашёл там успокоившуюся Афродиту.

– Выгнал?

– Нэт. Нэ был его, дамой удрал.

– Завтра выгонишь?

– Сразу нэ магу, Афрочка, нада паймат, как на работэ пьёт, – виновато поцеловал ручку своей пассиви Парнас Рожденович. – Эсли бы на рынке работал у мэня, кагда я там дыректор биль, в одын сыкунд уволил би!

Две недели к ряду Сиропчик являлся в театр трезвым, а покидал его, что называется, на бровях, но обнаружить тару, из которой он пил, так и не удавалось. Его обыскивали, не пускали в буфет, отслеживали каждую его встречу с работниками театра – всё впустую.

– Назначаю прэмию: кто Сыропчыка с бутылкай паймаэт – тры аклада и бонус, – пообещал Бубашвили.

Восьмого марта играли «Чайку». В финальной части Снежная в роли Нины Заречной эмоционально признавалась Константину Треплёву со слов Сиропчика, доносившихся из суфлёрской:

– Я мелочная, ничтожная актриса, играю совершенно бессмысленно. Я не знаю, что делать с руками, они у меня словно грабли, сами по себе. Так и не научилась стоять на сцене, владеть голосом, память никакая, всё по подсказке. Короче, полная бездарность! И, главное, ведь понимаю, что играю ужасно, а всё равно прусь на сцену. Какая я чайка – я галка залётная. Нет, не то... Голова что-то совсем не варит. Одна пустота. О чём это я? А, о сцене... Я думала, что уже настоящая актриса, что я – чайка, но вы-то знаете, что это ложь. Моё истинное предназначение – у прилавка стоять. Это мой путь, это мой крест.

Треплёв в изумлении отвечал Афродите, еле сдерживая хохот:

– Да, вы нашли свою дорогу, вы теперь знаете, куда вам идти. Может, и мне с вами?

– Я пойду одна. Я есть хочу. Прощайте.

Занавес дали чуть раньше, не дожидаясь конца пьесы. Зал ревел от восторга и требовал на «бис», Снежная билась в истерике на руках Бубашвили,

а Сиропчик, подняв воротник пальто, шёл, пошатываясь, к метро и плотоядно улыбался.

– Я нашёл, я нашёл! – с победным криком ворвался в кабинет к Парнасу Рожденовичу Подкорытов. – Я вычислил и нашёл!

– Что нашоль? – вонзил в «пожарника» суровый взгляд Бубашвили.

– Тайник Сиропчика нашёл!

– Гдэ? Вэди, показывай, как нашоль!

– Да я тут случайно узнал, что Сиропчик, оказывается, два раза в день навещается в театр. Вечером, понятное дело, на работу, а ещё и утром является всего на полчаса, вахтёр проболтался. Никуда не заглядывает, а напрямиком на сцену. Походит туда-сюда, и назад. Мне подозрительным показалось: чего утром-то шастать по пустому залу? Вот и решил проследить.

Сегодня, как только рабочие пришли, спрятался в ложу. Сижу, жду. Появляется через какое-то время Сигизмундыч, ну я в прореху подсматриваю, что делать станет. Он туда-сюда прошёлся, остановился у занавеса, постоял пару минут, поправил там что-то и исчез... Я ещё подождал для конспирации, ну и туда. И вот! – Подкорытов расправил занавес и гордо указал пальцем вниз.

На уровне колена Бубашвили к занавесу был пришит потайной карман из такого же материала, что делало его совершенно незаметным. Парнас Рожденович наклонился к накладке и засунул внутрь руку.

– Опа! – Извлёк он наружу пол-литру водки, покрутил её перед собой и непонимающе уставился на Подкорытова. – А как он пьёт, эсли в буткэ сэдит?

– Занавес прикажете закрыть.

– Закрывай! – скомандовал директор работнику сцены.

Огромное полотно бесшумно заскользило вдоль рампы. Когда занавес остановился, потайной карман оказался ровно перед окошком суфлёра.

– Вах! – изумлённо выдохнул Парнас Рожденович. – Как в кино! Эщо павтари.

Занавес разъехался.

– Давай назад!

Полотно вернулось к будке.

– Вах! – восторженно хлопнул в ладоши директор. – Как в рэстаранэ, прама к сталу!

– Давай опят.

– Вах!

– Давай сначал.

– Вах!

Бубашвили спустился в будку и оттуда ещё минут десять раздавалось:

– Закрывай! Вах! Открывай! Вах! Закрывай! Открывай! Вах...

При этом каждый раз звучал счастливый, почти детский смех.

– Наверное, уволите теперь Сиропчика, – сочувственно шмыгнул носом Подкорытов.

– Нэ в коэм случаз! – энергично замотал головой Парнас Рожденович. – Нэ в коэм случаз! Ёсиф – валшэбнык! Он – талант! Он настоящий Энштайн! Сыропчык до самай смэрты в тэатрэ работат будэт, как Пушкин. Он – гэний!

**ВИКТОР
КРЕСТОВ**

«КОГДА СМЕТАННИКОВ ПОЁТ, Я ВИЖУ РОДИНУ, РОССИЮ...»

К 80-летию Леонида Сметанникова
и 55-летию его театральной деятельности

Л.А. Сметанников

Выдающегося певца России, народного артиста Советского Союза, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки, Международной премии имени Николая Рериха, кавалера многих орденов, профессора Саратовской госу-

-
- Виктор Васильевич Крестов родился и живёт в Саратове. Окончил исторический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Ветеран педагогического труда. Председатель общественной организации «Клуб любителей творчества Леонида Сметанникова». Публиковался в местных СМИ и историко-краеведческом сборнике «Годы и люди». В 1985 году президиумом Советского комитета ветеранов войны награждён юбилейным памятным Знаком «40 лет Победы». Участник Восемнадцатого Международного кинофестиваля документальной мелодрамы «Саратовские страдания».

дарственной консерватории имени Л. В. Собинова, ведущего солиста театра оперы и балета, Почётного гражданина города Саратова и обладателя многих других регалий Леонида Анатольевича Сметанникова знает не только вся наша страна. Его имя известно и во многих других странах, где он бывал на гастролях. И неудивительно, что о нём написано огромное количество статей в разных изданиях, сняты фильмы, написаны книги «Дарить людям радость: Леонид Сметанников» (1993), «Искусство Леонида Сметанникова» (2008), «Мэтр вокала» (2018). Эти книги написаны специалистом-музыковедом, доктором искусствоведения, профессором, заслуженным деятелем искусств России Александром Ивановичем Демченко, который на протяжении многих лет и даже десятилетий пристально наблюдал за творчеством Л. А. Сметанникова.

Предлагаемая же статья написана просто зрителем, любителем его творчества.

Будущий легендарный певец Леонид Анатольевич Сметанников родился 12 августа 1943 года в Челябинской области, в небольшом посёлке, но с необычным названием Фершампенуаз. Здесь и прошло его раннее детство. Местные жители, гордясь своим земляком, много лет тому назад создали музей, где постоянно действует выставка, посвящённая Леониду Сметанникову.

По словам А. Маметьева, директора музея, Л. А. Сметанников стал для своих земляков легендарной личностью, и каждая экскурсия начинается с прослушивания песен в его исполнении.

После окончания Великой Отечественной войны семья переехала на Украину, в г. Днепродзержинск. И хотя Леонид окончил индустриальный техникум, а затем работал на металлургическом заводе, в его душе крепло желание петь. А петь он начал ещё в детском саду, а затем в школе. И вполне закономерно, что он поступает в Днепродзержинское музыкальное училище, а после его окончания по совету своего педагога О. П. Ковалёвой он едет в Саратов, с которым навсегда связывает свою жизнь. В 1966 году он успешно сдаёт экзамены в Саратовскую государственную консерваторию имени Л. В. Собинова. И ему сразу улыбается удача. Ведь его учителем становится знаменитый Александр Иванович Быстров, профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Когда-то он пел на сцене Саратовского театра оперы и балета. Карьера певца складывалась удачно, но он почувствовал, что истинное его призвание – педагогика.

Леонид Анатольевич до сих пор вспоминает своего учителя с чувством глубокой благодарности. Вот что он говорит о нём: «Александр Иванович учил меня не просто исполнять партию, а жить на сцене жизнью своего героя, думать его мыслями, осознавать и анализировать свои поступки. Он уделял мне много внимания и в годы учёбы в консерватории, и после её окончания, бывал на каждом премьерном спектакле, давал бесценные советы, которые я с благодарностью принимал и уверенней выходил на сцену».

Александр Иванович более 50 лет преподавал в консерватории. Он видел в Л. А. Сметанникове достойного преемника и передал ему кафедру академического пения.

Леонид Анатольевич глубоко чтит память своего учителя и наставника. 16 марта 2018 года исполнилось 100 лет со дня рождения А. И. Быстрова. По инициативе Л. А. Сметанникова в нашей консерватории имени Л. В. Собинова состоялся замечательный вечер памяти, посвящённый А. И. Быстрову. Мне довелось быть на этом вечере, и именно там я впервые узнал о том, как много сделал Александр Иванович не только для консерватории, будучи её ректором, но и для нашего города. Именно ему мы обязаны тем, что в Саратове появился орган, звучанием которого мы и теперь наслаждаемся.

С профессором А.И. Быстровым

Учиться в консерватории Леониду было очень интересно, но одновременно и трудно. Ведь к этому времени у него уже была семья, родился сын Станислав, много было бытовых проблем. Однажды в разговоре я сказал Леониду Анатольевичу: «Вы счастливый человек». На что он ответил: «Я сам себя сделал таким. Я твёрдо поставил перед собой цель и так же твёрдо шёл к её достижению».

И это действительно так. Целеустремлённая, твёрдая воля и огромная работоспособность привели Сметанникова к большому успеху. Со временем он становится одним из лучших студентов консерватории.

8 декабря 1968 года – этот день стал счастливым в жизни Леонида: ещё будучи студентом 3-го курса консерватории, он был приглашён в театр оперы и балета в качестве солиста. И вот уже почти 55 лет он дарит радость людям своим прекрасным искусством.

Мне довелось быть свидетелем первых его шагов на нашей саратовской сцене. Впервые я увидел его в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама» в партии Елецкого.

Раньше я неоднократно видел в этой партии заслуженного артиста РСФСР Б. Цекиновского.

Леонид Сметанников в партии Елецкого (опера «Пиковая дама»)

На сцене это был прирождённый аристократ. И вот однажды, придя в театр на свою любимую оперу, я увидел, как на сцену вышел молодой, высокий, стройный, но незнакомый Елецкий. Кто же это? Невольно сравнивая его с Б. Цекиновским, я заметил некоторую его скованность, заметное волнение, но когда он запел, я весь как-то встрепенулся, услышав необыкновенно красивый голос, который сразу очаровал, и тогда я подумал, что это певец с большим будущим. Да, ему тогда не хватало артистизма, величавости, что ли, но было главное – прекрасный, изумительный голос.

Пожалуй, в жизни каждого певца есть свой звёздный час, момент особого восхождения. Для Л. А. Сметанникова поистине звёздным стал 1973 год, когда он одержал целый ряд действительно ярких, блестящих побед на всесоюзных и международных конкурсах. Но в его жизни случилось так, что этот звёздный час превратился в звёздный путь, который длится вот уже почти 55 лет.

Ведь каждый его выход на сцену вызывает небывалый восторг публики, и на протяжении всех этих лет ему неизменно сопутствует огромный успех. А тогда, в 1973 году, перед ним открывался широкий путь на концертную эстраду, но, к чести молодого певца, слава не вскружила ему голову. Леонид Анатольевич всегда был глубоко убеждён в том, что он прежде всего оперный певец. На сцене нашего Саратовского театра оперы и балета им спето большое количество партий. Это уже упомянутый Елецкий («Пиковая дама» Чайковского), Фигаро («Севильский цирюльник» Россини), Жорж Жермон («Травиата» Верди), Эскамильо («Кармен» Бизе) и многие другие. О его исполнении оперных партий было написано и сказано много очень восторженных слов.

Л. А. Сметанникову посчастливилось выступать с такими корифеями оперного искусства, как народные артисты СССР Зураб Андажапаридзе, Ирина Архипова, Владислав Пьявко.

Но на определённом этапе своей сценической деятельности певец каким-то особым творческим чутьём ощутил, что слушателю необходима русская народная песня, русский романс, что они дороги каждой русской душе. И Л. А. Сметанников начал работать в этом направлении, и успех пришёл, успех поистине ошеломляющий. Тот, кто хоть однажды был на его концерте, является свидетелем того, с каким восторгом воспринимают слушатели каждую его песню, а уж о «коронной» его песне «Выйду на улицу» и говорить не приходится. Настоящий триумф! Восторженные зрители, может быть, даже не заду-

Перед выходом на сцену Саратовского академического театра оперы и балета

мываются о том, что на их глазах певцом создаются шедевры исполнительского мастерства.

Пропагандируя русскую народную песню, певец делает великое дело. Он пробуждает в людях любовь к своим истокам, к корням истинно русской культуры и в этом смысле является достойным продолжателем традиций нашей великой певицы Лидии Андреевны Руслановой. Л. А. Сметанников не просто исполняет песни, а каждую из них проигрывает, проживает, пропускает через свою душу.

Да, сегодня по радио, на телевидении всё реже звучит русская народная песня, но именно она в наши дни особенно востребована. Певец чувствует это по необыкновенно восторженной реакции зрительного зала. После каждой исполненной песни раздаются долго не смолкающие овации, крики «браво» и – цветы, цветы, цветы... Это и не удивительно, ведь Леонид Сметанников поёт в открытые души людей, а это счастливые моменты в жизни певца. Вся эта мощная энергия, которую певец получает от благодарной публики, к ней же с лихвой и возвращается. После таких концертов зрители даже пишут стихи, посвящая их любимому певцу. Одно из таких стихотворений написала М. Коротаева из Перми.

*Когда Сметанников поёт,
Я вижу Родину, Россию:
То рожь высокая встаёт,
То рек разливы голубые.*

*Как будто русское раздолье
Свои объятия распахнёт,
Одарит радостью и болью,
В родные дали уведёт –*

*Где дуб печалится могучий,
Где степь ковыльная шумит,
Седой утёс над дикой кручей
Легенды древние хранит.*

*Народные артисты СССР
Леонид Сметанников, Ирина Архипова,
Владислав Пьявко. 2000 г.*

«Выйду на улицу...»

*Когда Сметанников поёт,
Я слышу Родину, Россию:
То звонкий русский хоровод,
То песни Волги удалые.*

*Когда Сметанников поёт,
Я понимаю, как прекрасна
Та песня, что века живёт,
Кафизной моде неподвластна.*

*В ней дышит русская душа,
То нежная, то озорная,
До боли в сердце хороша,
До бесконечности родная.*

*А голос горячо и властно
Вновь песню вольную ведёт –
И на душе легко и ясно,
Когда Сметанников поёт!*

В Л. А. Сметанникове привлекают не только прекрасный голос, его творчество – он интересен и как яркая личность, как человек. Достигнув больших высот в искусстве, он не почитает на лаврах, а постоянно стремится покорять какие-то новые, ведомые только ему вершины.

Леонид Анатольевич не только учит своих студентов, будучи профессором, заведующим кафедрой академического пения, а постоянно учится и сам. При общении с Леонидом Анатольевичем отмечаешь его общительность, доброжелательность. Он не болеет «звёздной болезнью». Окончив нашу Саратовскую консерваторию имени Л. В. Собинова, Л. А. Сметанников не покинул её. В его жизни так случилось, что она навсегда осталась для него священным храмом искусства. Вот уже 46 лет он преподаёт на той же кафедре академического пения, где учился и сам. Кстати, он ведёт занятия в классе, где с 1954 по 2005 год работал его учитель А. И. Быстров, о чём и свидетельствует мемориальная доска на двери учебного кабинета.

Мне доводилось присутствовать на занятиях Л. А. Сметанникова, и я невольно обратил внимание на то, как умело и тонко Леонид Анатольевич стремится развивать у своих студентов естественную природу голоса. Да, он очень требователен и старается добиться того, чтобы они сами к себе были столь же требовательны, а иначе, видимо, нельзя. Всей своей жизнью он доказывает ученикам, что вершин творчества можно достичь только в постоянном упорном труде, так и только так можно подняться до настоящего искусства, которое потрясает зрителя, а уж розы-то, как говорится, потом.

Его ученики сегодня успешно работают в Саратове, Энгельсе, Москве и во многих других городах страны, и даже за рубежом. Но всех их объединяет то, что где бы они ни работали, они с достоинством представляют наш театральный город, нашу Саратовскую государственную консерваторию имени Л. В. Собинова и, конечно, своего учителя Леонида Анатольевича Сметанникова.

Саратовцы гордятся тем, что именно он, наш Сметанников стал первым и непревзойдённым исполнителем любимой всем нашим народом песни «День Победы».

В 1975 году наша страна готовилась достойно отметить 30-летие Великой Победы советского народа над фашистской Германией. Этот праздник особенно дорог и близок всем нам, ведь Великая Отечественная война затронула каждую семью. Вполне закономерно, что о минувшей войне в разные годы снято много фильмов, поставлены спектакли, написаны стихи и песни. Но самой дорогой и любимой для всего народа является, конечно, песня «День Победы», которую мы с особым волнением слушаем 9 Мая, в этот великий, всенародный праздник.

Леонид Анатольевич вспоминает: «Страна готовилась к 30-летию Победы. Я с радостью откликнулся на предложение Давида Тухманова исполнить его новую песню. Когда он показал мне её первый вариант, сразу понял, что это не однодневка – такая песня может и должна прочно войти в души людей.

Времени до праздника оставалось мало. Я понял ту ответственность, которая ложилась на меня, и поэтому старался прочувствовать каждую интонацию песни. Её премьера состоялась 9 мая 1975 года на Центральном телевидении. И мне очень приятно, что песня получила всенародное признание».

И вот уже 48 лет как золотой баритон России поёт эту прекрасную, никогда не стареющую песню, в которой есть такие замечательные слова:

*Этот день Победы
Порохом пропах,
Это праздник
С сединою на висках,
Это радость
Со слезами на глазах,
День Победы! День Победы!
День Победы!*

«Этот день мы приближали, как могли...» И это было воистину именно так.

Конечно, эту песню поют и многие другие певцы, но Л. А. Сметанников и по сей день является непревзойдённым её исполнителем. На своих концертах Леонид Анатольевич всегда её исполняет с особым подъёмом, страстно, взволнованно, эмоционально, вкладывая всю душу, и это неизменно передаётся зрительному залу, который слушает её всегда стоя, как гимн страны. И с каким-то особым чувством приходилось неоднократно слышать её

Первое исполнение песни Д. Тухманова «День Победы». Москва, ЦТ, 1975 г.

в парке Победы у Вечного огня, у подножия величественного монумента «Журавли», высоко взметнувшегося над волжскими берегами.

Для Леонида Анатольевича эта песня дорога ещё и тем, что она символизирует поклон от его поколения, родившегося в годы Великой Отечественной войны, поколению победителей. А к этому поколению относится и его отец – сержант Анатолий Павлович Сметанников.

Выше я привёл стихотворение, которое написала поклонница из Перми М. Коротаева. Но и саратовцы не остались в долгу. Свой искренний восторг выразил и наш земляк Сергей Маслов, написавший стихотворение «Певец России». Юбиляру посвятила своё стихотворение писатель и журналист Любовь Чиркова.

***

С Леонидом Анатольевичем Сметанниковым меня, можно сказать, познакомил мой давний друг, заслуженная артистка Азербайджанской ССР, а впоследствии и известная поэтесса Крыма Мария Григорьевна Степанова. В течение многих лет я получал от неё в подарок сборники её стихов. А однажды она прислала мне две книги «Мария Степанова и другие», автором которой был известный в Крыму журналист Александр Фёдорович Боев. Эта книга была посвящена Марии Григорьевне Степановой, её жизни и творчеству. Одну книгу она подарила мне, а вторую просила меня при случае передать своему любимому певцу Л. А. Сметанникову в знак восхищения его талантом. Конечно, я должен был исполнить её просьбу. Я позвонил ему, представился и сказал, что мне нужно передать книгу от его горячей поклонницы. А вечером в консерватории состоялась наша первая встреча, наше личное знакомство.

Спустя какое-то время я позвонил Леониду Анатольевичу и сказал, что в школе, где я работаю, хочу провести вечер, посвящённый 40-летию его театральной деятельности. «Не могли бы вы помочь с материалами?»

И Леонид Анатольевич охотно откликнулся на мою просьбу, подарив свой портрет – афишу с дарственной надписью, видеокассеты и другие материалы. Я также обратился к нему с просьбой, чтобы он написал обращение к участникам вечера и всем присутствующим на нём.

И такое письмо, которое я бережно храню по сей день, действительно было получено. В нём говорилось: «Уважаемые участники встречи! Именно сегодня мы подводим итог, отмечаем ещё одну ступень, на которую взойшло исполнительское мастерство Л. А. Сметанникова. И как только подводятся итоги определённого творческого периода, он снова предпринимает новые шаги к дальнейшему совершенствованию своего вокального искусства.

Слава Богу, что это происходит! Дорогие мои современники 21 века! Неповторимое искусство великого Фёдора Шаляпина всегда может служить для певцов ориентиром, а обучая других сольному пению в Саратовской консерватории имени Леонида Собинова, обязательно ты учишься и сам... Но и самому надо быть всё время в форме, когда учишь кого-то вокальному искусству.

Для любого артиста очень важна общая духовная культура, что он имеет за душой, с чем он выходит к людям.

Я всё чаще думаю, что в чём-то наше дело сродни проповеди священника, великим таинствам и церковным обрядам. Я часто бываю в храме Казанской иконы Божией матери. И когда там стоишь, молишься – происходит гармоничное слияние твоей души и Божьей благодати.

Я стремлюсь каждым своим выходом на сцену пробудить в моих слушателях самые добрые мысли и чувства. Мне хочется дарить людям радость! Я счастлив, когда вижу со сцены, как светлеют лица, зрители открыто и радостно улыбаются. А уходя, они благодарят: «Спасибо, что вы нам очистили души! Да, происходит очищение души, словно в церкви. Это же святое дело – очищать людям душу. Спасибо вам за доброе отношение к творчеству Леонида Сметанникова. Дай Бог вам удачи, радости творчества, а главное, доброго здоровья на долгие годы! Искренне ваш, Леонид Сметанников.

14. 02.2009. г. Саратов».

Вечер прошёл очень удачно, о чём и свидетельствует опубликованная мной заметка в местной печати. Это было моё первое посвящение нашему прекрасному певцу.

Вот уже много лет и даже десятилетий в Саратове существует Клуб любителей творчества Леонида Сметанникова, но такие любители есть, конечно, и во многих других городах. Члены клуба пропагандируют творчество знаменитого исполнителя, посещают его концерты и спектакли, участвуют в творческих вечерах певца и различных встречах с любителями его творчества. В 2013 году, в связи с 70-летием Леонида Анатольевича и 45-летием его театральной деятельности, члены клуба принимали активное участие в творческих встречах певца со зрителями в областной универсальной научной библиотеке, в Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова и других местах, что освещалось в печати.

Но особенно запомнился мне волнующий, заключительный торжественный вечер, который состоялся 20 декабря 2013 года. Ведь мне выпала большая честь поздравить выдающегося певца на сцене нашего прославленного Саратовского академического театра оперы и балета. От имени Клуба любителей творчества Леонида Сметанникова я вручил ему большой букет алых роз, а затем выполнил просьбу его поклонницы, легендарной актрисы Саратовского академического театра драмы имени К. Маркса (ныне – имени И. А. Слонова) Ливии Васильевны Шутовой, которая была кумиром саратовской публики в 50–60-е годы прошлого века. Теперь она живёт в Москве и, несмотря на свой возраст (97 лет), по-прежнему интересуется театром, поэзией, музыкой. Она любит творчество Лидии Руслановой, Анны Герман, Александра Серова, высоко ценит искусство Анны Нетребко... Среди её любимых певцов и Леонид Сметанников. В своё время, узнав из моего письма, что саратовцы готовятся отметить его знаменательные даты, Ливия Васильевна откликнулась на эти важные события в жизни любимого певца. Она прислала мне своё поздравление с просьбой передать его юбиляру. Эту её просьбу я выполнил. Мне довелось не только зачитать её поздравление со сцены театра, но и вручить Леониду Анатольевичу подарок от Л. В. Шутовой – книгу Раисы Дмитриевны Кравцовой «Театр-храм», посвящённую её жизни и творчеству. А в поздравлении говорилось: «Дорогой и уважаемый Господин Артист Леонид Анатольевич Сметанников! Я сердечно поздравляю Вас с такой знаменательной датой, как 70-летие и 45-летие Вашей театральной деятельности. Я вспоминаю и не могу забыть вот уже всю свою прожитую жизнь Ваше первое появление на саратовской земле с песней «Выйду на улицу...» Вы зазвучали светло, радостно и завораживающе и приковали слушателей к себе надолго, оставив себя в памяти на всю жизнь.

Вы – первый исполнитель песни «День Победы». И это Ваше исполнение – тоже событие незабываемое, которое до сих пор живёт в памяти Ваших благодарных слушателей. Творческая деятельность Ваша, Леонид Ана-

тольевич, обширна, многогранна, и я желаю Вам дальнейших плодотворных успехов и хорошего, большого здоровья.

Вы нужны людям!

С почтением и любовью к Вам, народная артистка РСФСР, народная артистка Молдавской ССР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Ливия Шутова».

...Однажды Леонид Анатольевич передал мне диски, книги А. И. Демченко о его творчестве и сказал: «Дари кому хочешь». Пользуясь такой возможностью, я передал его дары в Центральную городскую библиотеку. В ответ директор МУК «ЦБС г. Саратова» И. М. Кононенко писала: «Уважаемый Леонид Анатольевич! Администрация муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Саратова» выражает Вам огромную благодарность в связи с Вашим подарком библиотеке в виде CD-диска «Песни Игоря Дороднова. Поёт народный артист СССР Леонид Сметанников».

Желаем Вам творческого долголетия, счастья и крепкого здоровья. Надеемся на сотрудничество с Вами».

В те дни мне довелось сотрудничать со школой № 82 Октябрьского района, где принял участие в классном часе, посвящённом творчеству народного артиста Советского Союза, Почётного гражданина города Саратова Л. А. Сметанникова. Во время встречи с учащимися я и вручил руководству образовательного учреждения творческие материалы, подаренные коллективу школы Леонидом Анатольевичем Сметанниковым.

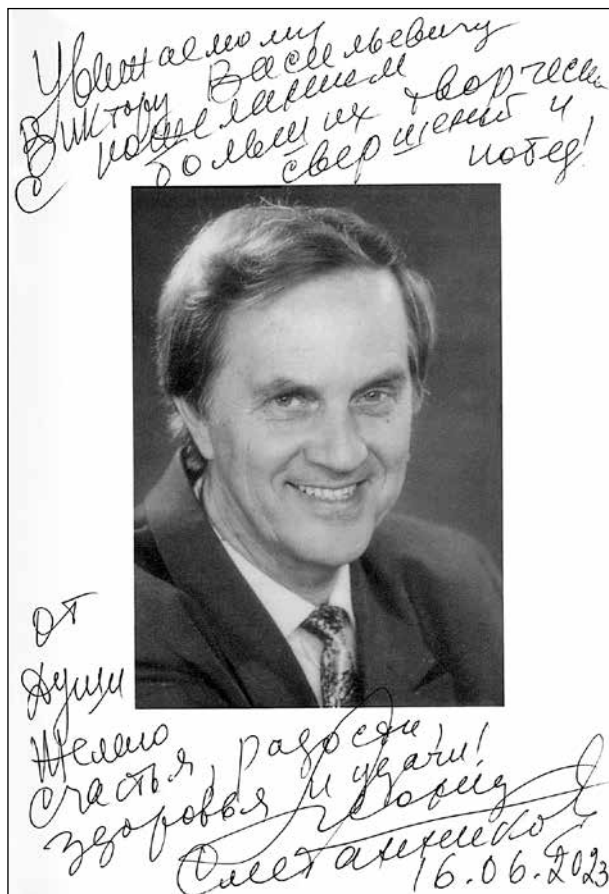
В благодарственном письме за подписью директора СОШ № 82 И. Е. Колтуновой от 19 марта 2011 года говорилось: «Уважаемый Леонид Анатольевич! Администрация школы и весь коллектив СОШ № 82 г. Саратова выражают Вам глубокую благодарность за подаренные материалы о Вашей творческой деятельности, которые уже были использованы в мероприятии, посвящённом знаменитым людям нашего города...»

Кроме того, творческие дары Л. А. Сметанникова были также переданы мной и в Центр социального обслуживания населения Фрунзенского района г. Саратова. Благодарственное письмо за подписью директора Т. А. Кондаковой, как другие, я передал Леониду Анатольевичу, а себе на память оставил ксерокопии.

На своих концертах, творческих вечерах, встречах в разных аудиториях Л. А. Сметанников охотно фотографируется со всеми желающими, дарит зрителям не только автографы, но и книги, пластинки, диски – всё, что может.

Несомненно, тысячи зрителей хранят что-то на память о встрече с ним. Я так же бережно храню несколько подаренных им книг и диски с записями его концертов. А совсем недавно от Леонида Анатольевича я получил новый драгоценный подарок – книгу А. И. Демченко «Мэтр вокала», посвящённую его творчеству. Открыв эту книгу, я прочитал: «Уважаемому Виктору Васильевичу с пожеланием больших творческих свершений и побед! От души желаю счастья, радости, здоровья, удачи. Леонид Сметанников. 16.06. 2023 год».

Но, конечно, все эти материалы я не просто храню, но использую в своей работе по пропаганде его творчества. В разные годы представители клуба проводили встречи, посвящённые певцу, в СГУ им. Н. Г. Чернышевского, в гостинице для ветеранов, неоднократно выступали с литературно-музыкальной композицией «Как дивно звучит его голос» в санатории «Октябрьское ущелье», в школах № 82 и № 95 Октябрьского района, в Центре социального обслуживания населения Фрунзенского района.

В своё время я работал учителем истории в средней общеобразовательной школе № 95 с углублённым изучением отдельных предметов. И вот однажды я предложил директору школы И.В. Пархоменко провести в стенах учебного заведения встречу учащихся, учителей и представителей Клуба любителей творчества певца с народным артистом СССР А.А. Сметанниковым и его студентами. Ирина Владимировна это предложение поддержала. И вот 18 марта 2016 года такая замечательная встреча состоялась. Для школы это действительно было историческое событие. Ведь тогда она впервые принимала у себя выдающегося певца России, имеющего мировую известность. Пожалуй, будет уместно напомнить, что в своё время в Саратове было 8 народных артистов СССР. Это Валентина Алексан-

дровна Ермакова, актриса академического театра драмы имени К. Маркса (ныне имени И.А. Слонова), Юрий Петрович Киселёв и Зоя Георгиевна Спирина в нашем ТЮЗе, а в академическом театре оперы и балета это высшее актёрское звание было присвоено Ольге Васильевне Бардиной, Юрию Лазаревичу Попову и Леониду Анатольевичу Сметанникову.

Бег времени неумерим, и на сегодняшний день в Саратове, да и во всей нашей славной, дважды ордена Ленина Саратовской области остался единственный артист, обладатель этого высшего актёрского звания – Леонид Анатольевич Сметанников.

Та встреча была названа «Звёздная песня неба». Ведь проходила она в канун 55-летия первого в мире полёта человека в космос. Мы гордимся, что им стал Юрий Алексеевич Гагарин, который именно здесь, в Саратове, получил путёвку в небо. Выйдя на школьную сцену, Леонид Анатольевич сказал: «То, что сейчас происходит, это счастье. Счастье и для школьников, и для нас, потому что мы радуемся вместе с ними». В своём вступительном слове он вспомнил замечательных выпускников нашей школы, среди которых была и Герой Советского Союза Раиса Еромолаевна Аронова. Доброе слово сказал и в адрес учителей – отличников народного просвещения. Но и школа не осталась в долгу, вспомнив замечательных учителей Леонида Анатольевича, и особенно А.И. Быстрова. А затем состоялся

концерт, в котором приняли участие учащиеся. Представители Клуба любителей творчества Л. А. Сметанникова тоже подготовили небольшую программу. А в заключение все собравшиеся услышали в прекрасном исполнении лауреата международных конкурсов Елены Руслановой арию Любаши из оперы Н. Римского-Корсакова «Царская невеста» и русскую народную песню «Чернобровый, черноокий...». Замечательно выступили и студенты Леонида Анатольевича.

Успеху певцов способствовал концертмейстер, лауреат международных конкурсов Никита Иванов.

В ходе встречи с учащимися Леонид Анатольевич, как всегда, раздавал автографы, дарил книги, фотографировался. А затем радушные хозяева пригласили гостей на чаепитие. Благожелательная обстановка, видимо, так расположила Л. А. Сметанникова, что ему захотелось тоже спеть. И в стенах школы впервые в её истории зазвучала в его исполнении русская народная песня «Ах ты, степь широкая...».

Эта встреча пришлось ему настолько по душе, что позже Леонид Анатольевич подарил школе дорогой подарок – пианино.

Несколько лет тому назад я получил в дар книгу от крымского журналиста А. Ф. Боева «Мария Степанова и другие». Героиня его книги – заслуженная артистка Азербайджанской ССР, поэтесса Мария Григорьевна Степанова. Она, как и её муж, наш земляк, народный артист Узбекской ССР Александр Иванович Степанов, с которым меня связывали дружеские отношения, очень любили творчество Леонида Сметанникова. Вспоминая свою поездку в Саратов в 1986 году вместе с мужем, который хотел показать ей свою малую родину, Мария Григорьевна говорила: «В Саратове нам удалось послушать и увидеть известного певца Леонида Сметанникова. Его образ и голос запали в душу навсегда. Это исключительный певец и золотой баритон – так его называют в Саратове. Я стала собирать сведения о певце, записи его концертов, оперных арий. Слушать, как поёт Сметанников, – непередаваемое удовольствие, а когда он поёт известный романс Булахова «Гори, гори, моя звезда...» или куплеты Эскамильо из оперы Бизе «Кармен» – захватывает дух. Я преклоняюсь перед его талантом». Эти её слова приведены и в книге А. Ф. Боева.

И неудивительно, что такого прекрасного певца приглашали в Москву, в Ленинград и другие крупные города. Но он остался верен Саратову. Леонид Анатольевич считает, что если бы он уехал из Саратова, то не стал бы таким известным. Он бывал на гастролях в США, в Англии, во Франции, в Испании и во многих других странах, где ему устраивали овации, где он имел огромный успех, и всё же его душа стремилась в Россию, домой, к матушке Волге, где он черпает силы. Будучи на гастролях за рубежом, он с достоинством представлял не только нашу страну, но и свой родной город.

У прославленного мастера сцены и сегодня большой объём работы. В марте 2023 года Леонидом Анатольевичем Сметанниковым совместно с преподавателем кафедры Еленой Алексеевной Руслановой был создан проект «Нам нужна Победа» на кафедре академического пения Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова при поддержке депутатов областной думы Александра Андреевича Блатмана и Александра Юрьевича Янкловича, Героя России. Цель проекта – воспитание подрастающего поколения в патриотическом духе.

С группой студентов класса народного артиста СССР, профессора Л. А. Сметанникова, старшего преподавателя Е. А. Руслановой и заслуженного артиста России, профессора В. А. Демидова прошли концерты в апреле-

мае для старшеклассников в гимназии № 7, школе № 66, гуманитарно-экономическом лицее, национальной татарской гимназии, лицее № 4. Каждое исполнение студентами песен военных лет, романсов и арий было воспринято ребятами с восторгом. На концерте выступали студенты Российской Федерации и студенты из Китайской Народной Республики, которые исполняли песни военных лет на русском языке: «Катюша», «Нам нужна Победа», «Родина», «Тёмная ночь», «Смуглянка» и другие. Учащиеся с большим восторгом и громкими аплодисментами принимали каждое выступление молодых певцов. С новой концертной программой «Нам нужна Победа» профессор Л. А. Сметанников и педагог Е. А. Русланова в июне 2023 года также выступили вместе со студентами кафедры перед солдатами и офицерами воинской части № 25623 в Энгельском районе. Концерт имел огромный успех.

За длительное время неутомимой творческой деятельности Л. А. Сметанников стал обладателем многих наград, званий, регалий, и каждая из них по-своему ему дорога. Но, пожалуй, особенно дорог ему, как православному, верующему человеку, орден Преподобного Серафима Саровского III степени, который он получил из рук самого Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Прославленный певец неоднократно выступал с концертами на разных мероприятиях, организованных при поддержке Церкви, участвовал в праздновании Дней славянской письменности и культуры.

Да, он действительно имеет много наград и мог бы даже ещё быть Героем Социалистического Труда, но, когда поднимался этот вопрос, Леонид Анатольевич сказал: «Ну какой я герой, я – творец» – и от звания отказался. Однако, по сути, он был и остаётся именно таким Героем Труда.

Оглядываясь на свой пройденный путь, Леонид Анатольевич доволен своей судьбой. «Да и живу я, – говорит он, – на главной «улице» России. Главная улица страны – это Волга. Здесь я и черпаю силы для творчества...»

В России всегда были замечательные певцы, они есть и сегодня, но народный артист СССР Леонид Анатольевич Сметанников – явление уникальное. Его талант – подлинное национальное достояние России.

Свой юбилей Л. А. Сметанников отметил на отдыхе, в Кисловодске, а 25 августа он радушно принимал гостей в своём доме. Мне довелось быть приглашённым на этот вечер. За праздничным столом в адрес юбиляра было сказано много хороших слов, говорили о его замечательном творчестве, а затем гости были приглашены в просторную гостиную, где состоялся небольшой концерт – читали стихи, пели песни, а за роялем был давний друг Леонида Анатольевича – композитор Игорь Дороднов.

Однако с особым вниманием слушали самого юбиляра, который прекрасно исполнил русскую народную песню «Из-за острова на стрежень...»

Кстати, в эти же дни с Почётным гражданином нашего города Леонидом Анатольевичем Сметанниковым встретилась и глава г. Саратова Лада Михайловна Мокроусова.

Вечер был действительно замечательным, но основные торжества, конечно, впереди.

*Редакция журнала «Волга–XXI век»
и Клуб любителей творчества Л.А. Сметанникова
от души поздравляют Вас, Леонид Анатольевич,
со знаменательными событиями в Вашей жизни.
Желаем Вам здоровья и новых творческих свершений!*

«Я БЫ НЕ ХОТЕЛА, ЧТОБЫ МИР МЕНЯЛСЯ К ХУДШЕМУ...»

Анна Морковина

Беседа Сергея Заруцкого с Анной Морковиной

С.З. Анна, вы знакомы читателю как автор стихов и прозы для взрослых и для детей, краеведческих очерков, заметок о литературных фестивалях и многочисленных интервью с талантливыми земляками. Это все жанры, в которых вы работаете, или я что-то упустил?

А.М. Да, в основном всё верно. Кроме перечисленного, на моём счету много театральных рецензий, пара пьес, несколько сценариев и инсценировок для школ и библиотек, научные статьи и одна монография по теме диссертации, которую я писала в аспирантуре Московского института культуры...

С.З. Перечень солидный. А кто вы по основной профессии?

А.М. По диплому я журналист. Училась этой профессии в Саратовском университете имени Н.Г. Чернышевского на филологическом факультете и с благодарностью вспоминаю годы студенчества, своих преподавателей, наставников, занимавшихся с нами в редакциях. Они навсегда останутся в моём сердце...

С.З. Вы выпускница Института филологии и журналистики?

А.М. Ну, в те годы такого института ещё не существовало. У нас была группа журналистики при филологическом факультете. Нашим деканом был Валерий Владимирович Прозоров, куратором группы – киновед и литературовед Владимир Кузьмич Семенюк, которого я вспоминаю с теплом и нежностью. Он первым открыл для нас «Мастера и Маргариту» Булгакова, влюбил в Цветаеву... Владимир Кузьмич научил нас правильно воспринимать и анализировать культовые фильмы – Феллини, Антониони, Тарковского, Киры Муратовой, Михалкова... Уже потом, много лет спустя, я посещала литературный клуб «АРТ-система», которым руководил Владимир Семенюк. Парадокс, но, не будучи поэтом сам, он неплохо разбирался в поэзии. Кстати, может быть,

именно благодаря тонкому и чуткому объяснению стихов Владимиром Кузьмичом я стала глубже интересоваться Мариной Цветаевой, а потом защищала диплом по её творчеству.

С.З. *Тема диплома как-то пересекалась с журналистикой?*

А.М. Удивительно, но нет. Диплом я писала на кафедре русского языка у профессора Евгении Павловны Никитиной, тоже личности легендарной. Пришла к ней с готовой темой – «Театр Марины Цветаевой», но в результате писала его, несколько сместив ракурс: «Пушкиниана Марины Цветаевой».

С.З. *Других преподавателей помните?*

А.М. Конечно! Такое не забывается. Только низкий поклон и слова безмерной благодарности всем, кого судьба послала нам в учителя: Раисе Азарьевне Резник, Галине Георгиевне Полищук, Алле Александровне Жук, Светлане Александровне Бах, Юрию Николаевичу Борисову, Людмиле Ефимовне Герасимовой, Ольге Борисовне Сиротининой, Юрию Борисовичу Неводову, Якову Исааковичу Явчуновскому, Гере Владимировне Макаровской, Маре Борисовне Борисовой, Ирине Валерьевне Кабановой и многим-многим другим. Перечислять можно долго-долго.

С.З. *А кто преподавал журналистику?*

А.М. У нас было несколько педагогов. Историей журналистики занимался с нами Игорь Анатольевич Книгин. Теорию читал Евгений Михайлович Музалевский, в те годы – главный редактор областной газеты «Заря молодёжи». К нему в редакцию я ходила на практику, работала с первого по четвёртый курсы в «Заре» каждое лето.

С.З. *О чём писали?*

А.М. Время тогда было комсомольское, хотя и канун перестройки. Моим заданием было писать про стройотряды. В душе, конечно, я была склонна к темам «культурным» – старалась освещать выставки, премьеры в театрах, которые появлялись на наших глазах («Версия», «Балаганчик»), книжные новинки... Но здесь приходилось отстаивать свои интересы – ведь обо всём этом писали и Наталия Свищёва, Ирина Горелик, Ольга Харитоновна, Ирина Гуткина, Наталия Каган, Владимир Акишин и другие.

С.З. *А откуда у вас любовь к театру?*

А.М. Это долгая история. Моя мама занималась в детстве во Дворце пионеров у Наталии Иосифовны Сухостав, в том театральном кружке, откуда вышли Олег Табаков и многие другие известные саратовцам артисты – Татьяна Чупикова, Владимир Краснов, Григорий Цинман, Сергей Литовченко... Не всем, кто играет в самодеятельности, удаётся стать профессионалами, но интерес к театру может оставаться с человеком на всю жизнь.

С.З. *Вы и в самодеятельности выступали?*

А.М. Да, такое бывает, случается и теперь. В средней школе № 3 имени А.С. Пушкина (сейчас это лицей) у нас были прекрасные учителя – Нина Андреевна Лузянина, Лидия Ивановна Гурьянова, Галина Романовна Гольдина. Благодаря им я сыграла и Элизу Дулиттл из «Пигмалиона», и пушкинскую Татьяну. Мой партнёр Дима Петрошенко, сыгравший в тех же постановках профессора Хиггинса и Онегина, потом окончил театральный факультет у Александра Григорьевича Галко. А когда в 9-м классе к нам пришли креативные практиканты Татьяна и Илья, учившиеся на филфаке, и основали у нас школьный театр «Балаган», я захотела поступать на филологический факультет, и это желание перевесило мечту об актёрской профессии. Хотя помощником вожакого после 9-го класса вместе с Таней я успела поработать в пионерском лагере «Звёздочка» и поняла: педагогика – тоже призвание и талант.

С.З. *Но писать стихи ни в школе, ни на филфаке не учат. Откуда это взялось?*

А.М. Стихи писали в нашей семье дедушка и мама. Сергей Хрисанфович Пастушков по молодости собирался в Литературный институт, правда, всё же стал инженером, и мама тоже. Дедушка и читать выразительно меня учил – Пушкина, Маяковского, Есенина...

Когда я была уже студенткой 3-го курса, познакомилась в библиотеке с Андреем Кавадеевым, выпускником исторического факультета. Он собирался в Литературный институт к Андрею Битову, писал (и сейчас пишет) стихи, прозу. Андрей сильно повлиял на меня, он давно вступил в Союз писателей, а меня приняли в этом году. В конце 80-х, в 90-е годы хлынул поток запрещённой ранее литературы. Нас закружил водоворот поэзии Серебряного века, спектакли по этим авторам появились и в театрах. От друга ко мне перешёл большой интерес к Осипу Мандельштаму, я перепечатывала его тексты на машинке, многое знаю наизусть... Помню, в 1991 году ездила в Воронеж специально на открытие памятной доски Мандельштаму, в «Заре молодёжи» появилась моя заметка об этом.

С.З. *Как же вы с дипломом журналиста попали в библиотеку? Ведь вы уже более двадцати лет работаете в областной библиотеке имени Пушкина?*

А.М. Ни много ни мало – двадцать пять лет! Да, раньше люди моего возраста уже могли спокойно отправляться на «заслуженный отдых», однако мне придётся работать ещё несколько лет. Но я готова, потому что «приросла» к Пушкинской библиотеке.

Библиотеку в моей жизни ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. И она появилась гораздо раньше – ещё в 1-м классе, когда мама с бабушкой водили меня сюда. Бабушка с дедушкой жили на проспекте Кирова (ныне – Столыпина), это было очень близко и к школе, и к библиотеке. Помню длинные очереди за «Незнайкой», «Волшебником Изумрудного города»... У меня сохранился настоящий раритет – читательский дневник от 2-го класса, где я записывала прочитанные книги и отзывы на них.

Ни о каких электронных книгах мы тогда и не слышали, читали «натуральные» книги и журналы, многое выписывали, как и другие семьи. Я рисовала иллюстрации карандашом к «Евгению Онегину», к пьесам Островского, сказкам... Стихи всегда было иллюстрировать труднее – они ведь более сложны, метафоричны, а стихи о любви порой и вовсе беспредметны.

С.З. *Что оказалось самым сложным, когда пришли в библиотеку?*

А.М. Совмещать работу и семью. В этом году у нас юбилей – 30 лет, жемчужная свадьба, а тогда, в 1998-м году, было пять лет со дня свадьбы, и три – сыну Андрею. По большому счёту, я думала о том, что маленькому ребёнку, оставшемуся без бабушек, важно прививать самое лучшее, светлое и доброе. И надежды на лучшую в городе библиотеку возлагались огромные.

С.З. *Получилось?*

А.М. Думаю, что да. На детей, родившихся в девяностые, обрушилось такое! Мы пытались читать им свои любимые детские книги, а в это время на каждом углу возникали компьютерные клубы, с экранов мощно валила реклама, а в каждом киоске продавались порнографические журналы. В школу тоже пришла перестройка, и нельзя сказать, что это вызвало у меня восторг.

Спасительным островом от пошлости и бездуховности стала детская библиотека, славящаяся даже в масштабах всей страны. Её специалисты всегда вкладывали в работу с детьми всю душу, отдавали все помыслы, дарили весь свой креатив. Андрей участвовал в парадах литературных героев,

в самых различных конкурсах, позже – в Пушкинских научных чтениях, где постоянно требуется представить своё собственное видение классики.

С 2002 года я заведовала Пушкинским кабинетом-музеем, основанным Анной Владимировной Судьиной, моей предшественницей. Мне было куда тянуться! Анна Владимировна руководила саратовским Пушкинским обществом, писала очень прочувствованные, глубокие стихи, посвящённые великому поэту. Потом кабинет-музей реорганизовали в Пушкинский сектор. Чуть позже возник кукольный библиотектеатр «Лукоморье», с постановками которого мы объехали всю Саратовскую область. Памятным стал показ инсценировки «Сказки о попе и о работнике его Балде» в библиотеке села Большое Болдино – там, где бывал сам Пушкин. Мой сын-первоклассник играл там одну из ролей. А Никита Муковозов, который исполнил центрального персонажа – работника Балду, теперь вырос и заведует городским Дворцом творчества юных имени О. П. Табакова!

С.З. *Каким же образом вы написали научную монографию?*

А.М. Проработав более десяти лет в Пушкинской библиотеке, я рискнула поступить в заочную аспирантуру Московского института культуры (тогда – университета культуры и искусств). Там был библиотечный факультет, основанный ещё в тридцатые годы Н.К. Крупской. Кстати, его окончила наша легендарная сотрудница – Александра Борисовна Белоглазова, отдавшая «Пушкинке» 60 лет жизни! Моей наставницы нет с нами уже пять лет, но, конечно, память о ней всегда с нами... В МГИКе преподавали знаменитые профессора – например, Юрий Николаевич Столяров, настоящая глыба в науке! Я попала к Галине Александровне Ивановой, руководившей кафедрой библиотечной работы с детьми. Некогда Галина Александровна была и проректором, и возглавляла Совет старейшин института. По её учебникам учились и работали библиотекари всей страны. Из опыта моей работы выросло множество научных статей, в том числе и ВАКовских.

Но, к огромному огорчению, в вузах (не только московских) начались пертурбации. Библиотечный факультет просто стёрли с лица земли! Диссертация прошла предзащиту, а сама защита не состоялась. Спасибо моему давнему другу Андрею Львовичу Фурсову, редактору сайта «Заря молодёжи», у другого я также публикуюсь, – он смог издать материалы диссертации как монографию, таким образом защитив мои авторские права.

Понимая, что с моим направлением в науке творится такое, я стала больше заниматься литературным творчеством, участвовать в литературных фестивалях, работе литобъединений... За последние десять лет вышло несколько книг, ряд стихов превратился в песни, опубликовано множество статей, театральных рецензий, стихов и рассказов. Занимаясь с саратовскими авторами в библиотеке, я подготовила коллективный сборник сказок.

С.З. *Есть ли что-то нереализованное впереди?*

А.М. Наверняка! Ведь остались ещё союзы художников, музыкантов и кинематографистов... (Смеётся.) А может быть, в недалёком будущем – уже на пенсии – я открою Союз читателей?.. Но не меньше мне хочется дождаться внуков и стать хорошей бабушкой!

С.З. *Назовите самое большое своё желание.*

А.М. Я очень хочу, чтобы мир не менялся к худшему...

*Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет нашего постоянного автора, замечательного поэта,
прозаика, журналиста Анну Юрьевну Морковину
с юбилеем!*

«ВСЕ МЫ НУЖДАЕМСЯ В ИСКУССТВЕ...»

Наталья Никифорова

Беседа Надежды Шитовой с Натальей Никифоровой

4 августа 2023 года в музее имени Радищева открылась персональная юбилейная выставка «Песнь моя» художника Натальи Михайловны Никифоровой.

Наталья Михайловна – саратовский педагог-художник с более чем 40-летним стажем работы, член Союза художников России. Последние десятилетия художник активно работает и выставляется.

Н. М. Никифорова – постоянная участница крупных выставок: Российского триеннале текстильного искусства (ГМЗ Царицыно, Москва), Уральского триеннале декоративного искусства (Екатеринбург).

Выставка «Песнь моя» приурочена к круглой дате со дня рождения Н. М. Никифоровой.

Н. Ш. Наталья Михайловна, с чего начался путь в творчество?

Н.Н. С того же, что у всех людей. Так как это непрерывный процесс бытия человека на Земле. Это то, для чего мы рождаемся. Ведь все дети интенсивно творят. По крайней мере, если им не мешать. Они лет до пяти выдают просто чудеса творения, совершенно самостоятельно, то, что заложено в каждом от природы. А далее с возрастом интенсивность творчества может приобретать разные состояния. У кого как. И это не зависит от профессии, а это скорее отношение к процессу жизни, степени её познания и самого себя. И это может быть отдельным разговором, дискуссией философов, психологов, педагогов и всех заинтересованных в этом многосложном вопросе.

Н. Ш. Всё же как вы пришли к профессии художника?

Н.Н. К моему раннему рисованию взрослые относились довольно бережно. А будучи уже школьницей, я начала осваивать весьма кропотливо азы академического художественного начального образования.

Н.Ш. *У каких педагогов-художников вы занимались в детстве?*

Н.Н. Мне, конечно, очень везло с преподавателями. В Детской художественной школе Саратова мне помнится особая доброта и чуткость всех преподавателей. Наиболее долгой у меня оказалась связь с удивительно светлым человеком, высокопрофессиональным художником Григорием Яковлевичем Харьковским (1908–1995). Это мастер, тонко владеющий цветом в живописи. Он в свою очередь обучался у И.Н. Щеглова и у Ф.В. Белоусова. Я очень дорожу тем, что все тонкости художественного мастерства здесь передавались как бы по цепочке, из рук в руки, от души к душе. Эту практику невозможно подменить лишь чистой теорией.

Н.Ш. *Это было в детстве. А как состоялся выбор профессии?*

Н.Н. Очень естественно: я перешла в следующее, более старшее звено художественного образования – я стала студенткой Саратовского художественного училища. Здесь я также только с благодарностью могу говорить о всех преподавателях, у которых я училась. Это была плеяда поколения бывших фронтовиков Великой Отечественной войны, художников, преподавателей – мастеров своего дела. От всех понемногу я перенимала азы профессионализма. Оканчивала училище я в группе В.А. Белоновича, благородного, глубокого человека, колориста в живописи.

Н.Ш. *Как дальше складывалась ваша судьба как художника и педагога благодаря такой преемственности поколений?*

Н.Н. То, что было принято в юные годы, никуда не делось и до сих пор, тем более это постоянно во мне развивалось и далее. Очень ценной для меня оказалась встреча с художницей Валентиной Николаевной Челинцевой. С ней я встретилась на последнем курсе училища и затем посещала её творческую студию для художников несколько лет. Будучи в прошлом ученицей В.А. Фаворского, она для меня раскрыла ещё одну неожиданную ветвь в искусстве. Большое внимание к построению композиции, свободное мышление в работе над образом отличало этого художника. С 80-х годов произошла ещё одна судьбоносная встреча – с Людмилой Павловной Бабушкиной. Она стала для меня ещё одним большим учителем, близким другом, коллегой, с которой мы были всегда рядом до 2018 года. Она постоянно передавала знания и опыт, которые получила в Московском текстильном институте имени А.Н. Косыгина, преподавателям Детской художественной школы. Позднее эта группа переросла в творческое объединение «Летоплан».

Н.Ш. *Наталья Михайловна, вы воспитали не одно поколение учащихся. Некоторые из них в дальнейшем стали художниками. А чем для вас стала Детская художественная школа как для преподавателя?*

Н.Н. Если кратко, то школа стала школой как для детей, так и для меня. И ценно для меня то, что все, кто стал художником, в творчестве раскрылись очень по-разному. У каждого в искусстве свой почерк, своя манера, свой голос. А те, кто не стал художником, благодарно помнят годы детства, проведённые в родной «художке». А приобретённые навыки и умения используют в жизни.

Н.Ш. *Вы как преподаватель чувствуете своих учеников. Вы можете поделиться секретами педагогического мастерства?*

Н.Н. В течение времени постепенно нарабатываются методики. Именно нарабатываются практически, просто так с неба не падают. И в этом уже нет никакого секрета. Всё органично выстраивается, когда каждый ученик по степени зрелости, в своё время проходит то, что способен принять. Это когда ученик ощущает в результате радость открытия и счастье от собственного развития, добротой сделанной работы. Я против слепой имитации обу-

чения. В наше время процветания коммерции часто убеждают доверчивых, жаждущих развиваться людей, что ты становишься «мастером» за считанные, краткие и проплаченные часы.

Н.Ш. *Наталья Михайловна, каким видом искусства вы сейчас больше занимаетесь и чем он вас привлекает?*

Н.Н. В настоящее время больше занимаюсь декоративно-прикладным искусством. Создаю гобелены. Но вдохновляют меня, как и прежде, и живопись, и гобелен. Одно без другого не представляю.

Н.Ш. *А могли бы вы подробнее рассказать о работе над образами в гобеленах?*

Н.Н. В гобелене «Ветер. Травы» важна тема целостного мира природы. Она словно играючи создана для нашего бесконечного познания. «Ветер. Травы» – тема, требующая подхода к её раскрытию через ряд условностей в художественном языке. Здесь будто колёсами времени входит неотложность бытия. То вдруг начинает сиять, вспыхивая люрексом, как детская игрушка. Но здесь же истораживающий холодок ещё не проявленного, не познанного, но уже где-то существующего и уже вторгающегося в общее пространство таинственностью сиреневой сизали. Здесь всё имеет место быть, это как пазлы, складывающиеся в единый сказ о торжестве самой жизни во всех её проявлениях.

Тема гобелена «Волжское марево» навеяна впечатлениями от поездок в Хвалынский – на родину К.С. Петрова-Водкина. В знойный летний день над Волгой поднимается марево. Это как будто вне времени и пространства начинает звучать единая мелодия меловых гор, Волги, сока наливающихся яблок в садах. Всё объединяющий, нежный, светлый колорит придаёт особую прозрачность материальному миру. И здесь сизаль молочного цвета потребовалась в большом количестве для создания лёгкости, прозрачности образа.

Полиптих «Песнь» несёт метафорический характер. В каком-то смысле крынки становятся антропоморфными. Это размышления о бесконечном продолжении жизни через род, поколения. Средняя, центральная часть олицетворяет крепкое материальное земное воплощение. Это мужское и женское начало. Верхний ряд – это проекции и начала молодого воплощения. Нижний ряд – это корни, опыт старших. От верхнего до нижнего ряда тон постепенно меняется от более светлого к более тёмному. Самый интенсивный по цвету – это средний ряд. В целом полиптих выдерживается в едином колорите «земного цвета».

Гобелен «Дорога в ночи» передаёт впечатление втягивающей дороги, манящий свет «в конце туннеля». Это и конкретные впечатления от езды по ночному пространству, красота мелькающих пятен света, где улетающая конкретность, предметность заменяется игрой абстрактных линий, форм. А это и выводит на размышления о дороге в более широком смысле – дороге твоего прохождения по жизни, твоего бытия. Небольшие объёмы на ровной поверхности гобелена создают своей фактурой состояние таинственности, непредсказуемости.

Тема гобелена «Письма из детства» перекликается со стихотворением А.А. Тарковского «Белый день», написанным в 1942 году. Это не конкретное следование строкам стихотворения. Это скорее попытка почувствовать то состояние, которое автор вкладывал в произведение. Самое светлое стихотворение, написанное в самое тяжёлое время войны. То, что стало истинным противостоянием, стержнем, утверждающим человеческое начало и гармонию. Цвет и пластика в гобелене несут ассоциативное начало, связанное с родным пространством детства.

Н.Ш. *У вас есть какие-то любимые темы или образы в вашем творчестве и в мировом искусстве?*

Н.Н. Жизнь сама предлагает такое прохождение по ней, когда на пути возникают образы сами. А темы – это как предвкушение или размышление о дальнейшем. Вот, например, мой первый большой гобелен «Дорога в ночи», который я делала очень долго (не один год), оказался той темой, которая ассоциативно перекликалась с моей жизнью. Сейчас на выставке я сама отсматриваю, в каком направлении я двигалась, на чём фиксировалось внимание больше. И делаю выводы, что главное размышление сходится на чём-то изначальном. Это может быть как Древо рода в полиптихе «Песнь», это «И было утро...» – строка из Бытия; «Чаша», «Ветер. Травы». Меня всегда интересовали и музыка, и поэзия. На этой выставке я попыталась объединить созвучные с ними темы в моих гобеленах и аппликациях. Это музыка саратовского современного композитора В.В. Орлова «Статика-стресс» и аппликации на эту тему. «Письма из детства» – гобелен, и под тем же названием представлены аппликации, связанные со стихотворением А.А. Тарковского «Белый день».

Н.Ш. *Вам интересен синтез искусств?*

Н.Н. Да, интерес вызван тем, что чем больше углубляешься, тем больше чувствуешь связь и целостность каких-то больших единых фундаментальных законов гармонии мироздания. Это не всегда вербально объяснимое, но ощущаемое в ритмах, формах, цвете, интонациях. Это как дыхание вселенной, обращённое к человеческой сути.

Н.Ш. *Выставку посещают саратовцы и приезжие гости. Какие отзывы вам наиболее ценны?*

Н.Н. У каждого человека своё восприятие, я благодарна любому отзыву, и даже тогда, когда его нет. Я считаю, что я просто делаю своё дело. Все мы люди, и все мы нуждаемся в искусстве, порой не осознавая того. В фильме «Солярис» А.А. Тарковского есть такая фраза: «Человеку нужен человек». И если человек не всегда готов раскрыться навстречу другому человеку, то искусство для связи людских душ пусть будет как посредник.

Н.Ш. *Наталья Михайловна, спасибо за беседу. Ждём новых встреч на вашей выставке.*

Интервью провела
Надежда Евгеньевна Шитова

*Редакция журнала «Волга–XXI век» поздравляет
замечательного художника и педагога
Наталью Михайловну Никифорову
с юбилеем!*

**Александр
ДЕМЧЕНКО**

ЕЩЁ ОДНА ВЕРШИНА¹

Годы жизни Низами определяют приблизительно как 1141–1209, поскольку в различных источниках эта датировка варьируется от 1138 и 1148 до 1203 и 1211 года. Так или иначе, основное время его творчества приходится на последнюю четверть XII века. Полное имя поэта: Низамí Абú Мухáммед Ильяс ибн Юсу́ф, а коротко – Низами или Низамí Ганджеví, по происхождению из азербайджанского города Ганджа (Гянджа).

Упомянув родной город Низами, в котором он прожил всю жизнь, я отмечу следующее: по местопребыванию его считают азербайджанским поэтом, и действие отдельных эпизодов своих поэм он переносит на территорию Азербайджана, по сути оставаясь представителем фарсиязычной поэзии. И дело не только в том, что Низами создавал свои произведения на фарси.

Его Ганджа была аванпостом Персии на Кавказе, где жило преимущественно иранское население и господствовала атмосфера персидской культуры. Рождённый двумя столетиями спустя после великого Фирдоуси, он считал себя его непосредственным преемником, почитал превыше всех других поэтов, постоянно ссылаясь на «Шахнаме», которое стало источником трёх поэм Низами: «Хосров и Ширин», «Семь красавиц», «Искандернаме». И отнюдь не случайным было исполненное пафоса приводимое ниже признание:

*Вся вселенная – лишь тело, а Иран – душа.
Говорю об этом смело, правдою дыша.*

---

¹ В номере 3 журнала за 2022 год была опубликована статья «Первый из титанов фарсиязычной поэзии», где речь шла о Фирдоуси. Данный материал продолжает разговор о фарсиязычной поэзии как об одном из самых примечательных явлений литературы Средневековья.

-
- Александр Иванович Демченко – доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова и Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, главный научный сотрудник и руководитель организованного им Центра комплексных художественных исследований, действительный член (академик) Российской и Европейской академий естествознания, заслуженный деятель искусств России, обладатель Золотой медали В. И. Вернадского за успехи в развитии отечественной науки и почётного звания «Основатель научной школы», главный редактор журнала «Манускрипт» и член редакционной коллегии ряда российских и зарубежных журналов, лауреат премии имени Д. Д. Шостаковича и Международной премии имени Николая Рёриха, почётный гражданин города Саратова.

*Дух земли – Иран. И ныне – внемли каждый слух:
Пусть прекрасно тело мира – выше тела дух.*

Помимо больших поэм, о которых пойдёт речь, Низами оставил нам множество лирических стихов (в том числе сохранилось 116 газелей). Написанные в основном в молодости, они воспевают любовь как чистое, самоотверженное чувство, украшающее и облагораживающее человека. А рядом с этим – горькие касыды² с осуждением несправедливости и насилия, причём подчас в отчаянии от творящегося зла автор перечёркивает гневным пером всё светлое, как происходит это в касыде «Кто мудр...», где едва ли не всё в мире напоминает поэту Содом и Гоморру.

*О Боге забыли все – лишь нищий, прося на хлеб, помянет имя Его...
Все в этой долине злы. Здесь каждый – джинн, людоед...
Да будет проклят вовек лукавый и лживый сброд...
Завален мусором мир. О смерть, размети его до небытия!..
Да станет бесплодной мать, что миру дарит людей!..*

***

Центральным созданием Низами стали его поэмы «Сокровищница тайн» (время создания, вероятно, между 1173-м и 1179-м), «Хосров и Ширин» (между 1175-м и 1191-м), «Лейли и Меджнун» (1188-й), «Семь красавиц» (между 1197-м и 1201-м), «Искандер-намэ» (между 1194-м и 1203-м). В этих масштабных эпических полотнах он предстаёт как поэт-мыслитель, сумевший синтезировать важнейшие идеи предшествовавшей ему персидской и арабской литературы. А судя по его произведениям, Низами был одним из образованнейших людей своего времени, имел широкие познания в мифологии, богословии (ислам, христианство, иудаизм), философии, праве, эзотерике, астрономии, медицине, музыке, изобразительном искусстве.

Всем отмеченным особенно наделены хронологически крайние из названных поэм.

«Сокровищница тайн» носит дидактический характер. В её двадцати главах поучения и проповеди переплетаются с нравоучительными притчами. Каждая из глав посвящена определённой теме. Так, первые три стихотворения – раздумья о сути Аллаха: Вступление, Первое моление о наказании и гнев Божием, Второе моление о милосердии и всепрощении Божием. Неустанно прославляя Творца как источника всего и констатируя тщету земного, поэт и о себе говорит: «Твой раб Низами – только пыль пред Твоими дверьми».

Размышляя практически обо всём в человеческом бытии, автор благоговяет или осуждает, обращаясь прежде всего к правителям, толкуя о праведности одних и негуманности других. Так, в эпизоде «Старуха и Султан Санджар» несчастная вдова, не боясь жестокого шаха, бросает ему в лицо смелые слова правды:

*Правосудья венца – я не вижу в тебе!
Угнетенью конца – я не вижу в тебе!*

² Касыда, касида (араб.) – твёрдая поэтическая форма народов Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии. Название происходит от арабского корня, означающего «направляться к цели».

*Царь должен народу поддержкою стать,
А ты угнетаешь его, словно тать.*

*Не стыдно ль кусок отнимать у сирот?
Кто делает так, благороден ли тот?*

Последняя из поэм – «Искандер-наме» (в другой транскрипции – «Искандар-наме» или «Искендер-наме», то есть «Книга об Александре Македонском»). Эта итоговая для творческой эволюции Низами эпопея воспринимается как своего рода философско-политическое завещание человечеству, создававшееся в опоре на энциклопедический свод таких источников, как зороастрийская традиция, сасанидская хроника, мусульманские воззрения, древнегреческая наука (Аристотель, Платон, Сократ), а также предания разных народов.

То, что в качестве отдельных элементов вызревало в его предыдущих поэмах (кроме «Лейли и Меджнун»), сложилось здесь в законченную историософскую концепцию идеального государя и идеального государства. Искандер представлен не просто как великий воитель, а образец справедливого и мудрого монарха, который во главу угла своих деяний ставит благо людей.

***

Три другие поэмы Низами, хронологически находящиеся в окружении рассмотренных, носят лирико-романтический характер и посвящены любви как величайшей силе в душе человека; любви, которая постепенно очищается от сугубо чувственных побуждений, поднимаясь до подвига самоотвержения. И в данном случае обратимся вначале к произведениям, крайним по времени написания.

Сюжет поэмы «Хосров и Ширин» частично взят из сасанидской хроники, и оба героя – исторические лица. Первый из них был последней заметной фигурой династии Сасанидов (убит в 628 году), имя Ширин известно по арабским, сирийским, византийским и армянским источникам.

Хосров у Низами – сложная, далеко не однозначная натура. Это могучий богатырь, отважный герой и вместе с тем надменный властелин, видящий цель жизни в наслаждениях и забавах. Но есть у него и задатки к нравственному очищению. Рассказывая о юности Хосрова, поэт приводит поучительный случай: когда царевич, полагая, что для него нет никаких запретов, нанёс на охоте вред одному бедному селению, его отец, мудрый шаханшах, жестоко наказал людей его окружения. Хосров понял правоту отца и молит его о прощении.

И затем, в истории любви к Ширин, Низами показывает, как насквозь эгоистичный по своей натуре сасанидский шах постепенно поднимается к высотам подлинного чувства. Имея в виду прежде всего образ Хосрова, можно утверждать, что впервые в литературе Ближнего Востока «личность была показана со всеми её противоречиями, падениями и взлётами» (Е. Бертельс).

Столь притягательный для Низами идеал правителя связывается в этой поэме с обликом кавказской красавицы Ширин (её имя означает Сладкая, Сладостная). Наделяя девушку самыми высокими достоинствами (поэма посвящена умершей жене поэта), автор раскрывает их в родстве с красотой окружающей природы.

Женственная, мягкая по натуре, Ширин вместе с тем обладает незаурядным умом, энергична, настойчива в достижении поставленных целей. После

смерти предшественницы по трону она сумела утвердить в стране порядок и справедливость. Под её воздействием беспечный, равнодушный к судьбам народа Хосров начинает сознавать, каким должен быть истинный властитель.

В конечном счёте главным «героем» драмы оказывается любовь. Она окрыляет человека, и в этом отношении особенно показательна третья фигура повествования – благородный, талантливый Фархад (Ферхад), который становится жертвой ревнивого и коварного Хосрова. Чувство к Ширин вдохновляет искусного мастера-каменотёса на большие творческие свершения.

Именно в любви видит Низами подлинный смысл жизни. По его мнению, без этого чувства человек мёртв как поломанная флейта. И, говоря в том числе о притягательности темы любви для читателя, поэт восклицает: *«Но нет ведь никого из смертных в наших днях, / Кто бы страсти не питал к страницам о страстях»*. Продолжая рассуждать о любви как теме этой поэмы, он слагает столь чтимому им чувству восторженный гимн (ниже приводятся его фрагменты).

Всех зовов сладостней любви всевластной зов.

*Всё ложь, одна любовь – указ беспрекословный,
И в мире всё игра, что вне игры любовной.*

Ты без любви ничто, хоть ты и мощный лев.

*О смертный, разум свой к раздумью призови –
И ты постигнешь: мир воздвигнут на любви.*

*Когда на небесах любви возникла сила,
Она для бытия нам землю сотворила.*

Предпоследняя из пяти поэм – **«Семь красавиц»**, и в ней параллельно развиваются две излюбленные темы Низами. Проблема идеального, справедливого правителя раскрывается через призму биографии Бахрама (Бехрама), прообразом которого был легендарный сасанидский шах Бахрам (правил в 421–438 гг.). Он искренне стремится обеспечить благополучие своему народу, карая его врагов и притеснителей. Однако автор показывает и следствия его нерадивого управления страной, поскольку его страсть к наслаждениям заставляет часто забывать о своём долге.

Другая излюбленная тема поэта – любовные утехы. Исполнилось когда-то предсказанное Бахраму, что он *«добудет семь цариц из семи краёв, / Семь бесценных, чистых жемчугов»*. Для них строят семь дворцов, и Бахрам проводит в каждом из них одну ночь, где та или иная из красавиц рассказывает ему сказку своей страны.

В ходе поэтапного изложения этих вставных новелл (складывающаяся таким образом сюита предвосхищает замысел «Тысячи и одной ночи») происходит постепенный переход от описания грубой, чувственной любви к любви возвышенной, просветлённой.

***

Как бы ни были замечательны рассмотренные выше поэмы, в чисто художественном отношении наибольшую известность получила находящаяся в центре творческой траектории Низами **«Лейли и Меджнун»**.

Поэт обратился здесь к старинной арабской легенде о несчастной любви юноши Кайса к красавице Лейли, преобразив фольклорный сюжет в стройное, психологически мотивированное повествование и придав ему высокий поэтический настрой, так что эта ходовая на Востоке романтическая история обрела в произведении законченный облик.

Последовательно разворачивающийся круг испытаний начинается для героев поэмы с возникновения у них взаимного чувства. Описывая охватившую их влюблённость, автор сравнивает состояние своих молодых героев с жизнью тех, кто учился в той же школе.

*Товарищи учением полны,
А эти два влечением пьяны.*

*Те говорят словами, как и встарь,
У этих – свой учебник, свой словарь.*

*Те сочетают буквы для письма,
А эти лишь мечтают без ума.*

*Те знатоки в глаголах, в именах,
А эти онемели в смутных снах.*

Отныне всё вокруг для них говорит только о любви. И Низами правомерно опирается на традиционную метафорику цветения природы. Таков и утренний сад, в который выходит Лейли.

*Открыла роза поцелуям очи:
Кто равен розе в благовоньях ночи?*

*Нарцисс, огнём пылая изнутри,
Проснулся в лихорадке, ждёт зарю,*

*Фиалка шепчет свой смиренный стих,
Два локона на землю опустил.*

*И неюфары, солнцем залиты,
Прудам без боя отдали щиты.*

*Из розовых и ярко-красных роз
Над миром знамя пёстрое взвилось.*

*А между тем всю ночь в листве зелёной
Неистовствует соловей влюблённый.*

Как бы отвечая на подобную соприродную ауру, Кайс именует себя так: «Я – опьянённый соловей, / В слезах над розою своей». В его сознании возникает и ещё одно, неизмеримо более высокое сравнение возлюбленной со святынями ислама (стоит напомнить, что Кааба – главный мусульманский храм, находящийся в Мекке, а михраб – ниша в мечети, которая указывает направление к этому храму, и мусульмане должны находиться лицом к нему во время совершения молитвы).

*Твоя краса – моей мольбы Кааба.
Твоих шатров завеса – сень михраба.
Моя болезнь – ты также и бальзам,
Хрустальный кубок всем моим слезам.*

Любовь стала единственным смыслом жизни Кайса, и он изо дня в день устремляется к кочевью племени Лейли, чтобы хотя бы издали увидеть свет своих очей. Низами красочно сопоставляет его путь к возлюбленной и его дорогу от неё.

*Быстрее ветра он спешил туда –
Назад он плёлся будто сквозь года.*

*К ней он летел на сотне крыл летучих,
Назад – дорога в терниях колючих.*

*К ней – водопада пенистый полёт,
Назад – ползущий по ущельям лёд.*

*Как на коне летел, не чуя ног,
А шёл назад – разбит и одинок.*

*И, будь судьба к нему благоприятна,
Он не пришёл бы никогда обратно!*

Среди всевозможных речений Кайса о его чувствах к Лейли звучит и такое: «*Любовь моя – погибнуть от любви, / Пылать в огне, в запёкшейся крови*». И когда для окружающих становится ясной его обречённость на подобное восприятие своего чувства, он становится для них потерянным человеком, которому дают прозвище Меджнун (одержимый, безумный, бесноватый).

С этого момента начинается настоящая драма, так как влюблённые не могут соединиться. Ведь, по всеобщему мнению, чувства Кайса и сопутствующее тому сочинительство стихов – не только легкомыслие, но и просто безумие. Лейли против её воли выдают замуж за другого, однако эта столь же «безумная» девушка добивается того, чтобы навязанный ей человек не коснулся её. И поскольку Кайс-Меджнун, порвав все связи с миром, навсегда уходит в добровольное изгнание, девушка уверяет его: «*Твой каждый волосок – моя святыня. / Твоя стоянка и твоя пустыня – / Они мой сад, цветущий без конца*».

В эту пустыню перед своей кончиной приходит отец Меджнуна, чтобы в последний раз повидать сына в логове зверей и попытаться вернуть его к людской жизни. Затем туда же приходит мать, ужаснувшись облику одичавшего изгоя.

Однако Меджнун непреклонен в своём отчаянье. А сказанное ему материю, что наша жизнь «*короче дня*», вскоре сбывается: от невозможности быть с любимым вначале умирает Лейли, а затем и Меджнун. Любовь оказалась для них, как «*кровь на чёрной ране*», судьба – «*не жизнь, а умирание*». Перед смертью девушка говорит матери: «*Прости, прощай! А мне пора далече. / Вручаю небу душу оттого, / Что друга не встречала своего*» – и просит передать Меджнуну её последнее:

*«Твоя Лейли ушла скитаться в тьму.
Там, под землёй, под этим низким кровом
По-прежнему полны тобой её мечты.
На переправе, на мосту суровом
Она высматривает, где же ты?
И, оборачиваясь, в рыданье,
Всё ждёт и ждёт тебя она.
Освободи её от ожиданья
В объятьях с ней, в сокровищнице сна».*

По поводу понятия «переправа», поэт чуть позже уточняет: *«На той последней тёмной переправе, / Что миновать никто из нас не вправе».* И к той же «переправе» устремляется Меджнун: узнав о смерти Лейли, он мчится к её могиле.

*Ладья его тонула в тёмных водах.
Да, наконец-то обретал он отдых!..*

*Закрыв глаза, к нагой земле прильнув,
Он молвил, руки к небу протянув:*

*«Внемли, Создатель всех земных созданий,
Освободи мне душу от страданий,*

*Соедини с любимой женой
И воскреси изгнаньем в мир иной».*

*Так он сказал, могилу обнял нежно,
Всем телом к ней прижался безмятежно.*

Сказал: «Жена!» – и перестал дышать.

Согласно преданию, возле почивших влюблённых находились все звери, которые обитали в той пустыне, которую избрал Меджнун местом своего отшельничества. Его тело тлело на могиле Лейли, и целый год звери сторожили усопшего, сделав кладбище логовом, которое люди обходили стороной. Когда звери вернулись в пустыню, останки Меджнуна погребли «бок о бок с милой». И только тогда читателю становится понятным, зачем задолго до того Низами привёл прозаическую притчу, которая адресована и своему вольным правителям.

В Мерве был царь, который осуждённых им на смерть бросал своре разъярённых псов. У царя был приближённый юноша, которого он очень любил. Однако юноша не очень доверял царской любви. Поэтому он тайно сдружился с царскими псалями и начал каждый день приходить на псарню кормить собак.

Случилось то, чего он ожидал: царь разгневался и велел бросить его псам. Но те знали юношу и только ласкались к нему. На следующее утро царь стал раскаиваться и послал посмотреть, что случилось с юношей. Псарь доложил, что это, наверно, не человек, а ангел – собаки его не тронули.

Царь поспешил убедиться сам и спросил у юноши, как это случилось. Тот объяснил и прибавил: «Десять лет я служил тебе – и вот мне награ-

да! Собаки же добро помнят лучше и оценили мои старания». Царь раскаялся и прекратил свои жестокие расправы.

Мораль притчи: сделанные человеком благодеяния – ограда его жизни.

Заключительный аккорд повествования – констатация того факта, что последняя обитель многострадальных мучеников всепоглощающего чувства стала Меккой для влюблённых Аравии и всего Востока.

*Уснули двое рядом навсегда,
Уснули вплоть до Страшного суда.
Здесь – клятвой обручённые навеки,
Там – в колыбели спят, смеживши веки...
Прошёл недолгий срок, когда возник
На той могиле маленький цветник,
Пристанище всех юношей влюблённых,
Паломников селений отдалённых.
И каждый, кто пришёл тропой такой,
Здесь находил отраду и покой.
Могильных плит касался он руками,
Чтоб исцелил его холодный камень.*

«Лейли и Меджнун» вызывает естественные параллели с появившейся четырьмя столетиями позже шекспировской историей о Ромео и Джульетте, но следует признать, что поэма Низами ощутимо острее и неизбежнее в своём трагизме, когда перестаёт быть метафорой выражение «*умереть от любви*» – следовательно, есть «*на свете*» повесть печальнее, «*чем повесть о Ромео и Джульетте*».

Причём, как это столь характерно для Низами, он всеми силами проповедует чувство любви как сокровенно духовное, вне плотских побуждений. Поэтому даже единственное свидание его героев наедине проходит в безупречной чистоте отношений, а лирические терзания Кайса находят выход в пылких, вдохновенных стихах.

В уникальности воспроизводимой здесь ситуации таится подтекст, которым автор с достаточной очевидностью ставил трудный для средневекового восточного менталитета вопрос свободы личности и её права на личное счастье. Но внутренне здесь прослушивается и мысль о том, что истинная, идеальная любовь – это скорее некое безумие. Она, как и всё экстремально романтическое, делает человека неспособным к естественной жизни, к полноте бытия.

***

Рассмотренные пять поэм Низами анонимный составитель XIII века объединил в целостную совокупность, дав ей название «Хамсе» (или «Хамса», араб. «Пятерица»). Для такого объединения были достаточные основания: не только принадлежность поэм одному автору, но и присущее им превосходное сюжетостроение, сходство композиционных приёмов, яркие характеристики персонажей, пронизанность повествований близкими мыслями.

Так, одной из определяющих является идея высшей ценности духовной жизни, несравнимой с категориями богатства, власти, чувственных наслаждений. В связи с этим из поэмы в поэму переходят сентенции о всеблагодати Господа, вырастающие в гимнические изъявления, которые своё концен-

трированное выражение получают во вступительных разделах произведений. Таково «Восхваление», открывающее повествование «Семи красавиц».

*Ты, чьей благодатной мощью создан мир живой –
Всё в Тебе! Во всех явленьях виден образ Твой.*

*Ты – начало сотворенья и конец вещей,
В бесконечном – завершенье и конец вещей.*

*Это Ты привёл в движенье вечный круг светил,
Мир и жизнь в нерасторжимый круг объединил.*

*В беспредельном светит щедрость вечная Твоя,
О создавший, населивший лоно бытия,*

*Зодчий мира, устроитель всех частей его,
Ты – во всём, Ты – создатель сущего всего!*

*О великий, сотворивший мир из ничего,
Ты питаешь всё живое и хранишь его.*

*Самый первый Ты средь первых на счету веков.
И последний из последних при конце концов.*

Одно из своих писем к Лейли Меджнун начинается гимном во имя Господа.

*Во имя Вседержителя-Творца,
Кто движет все светила и сердца,*

*Кто никогда ни с кем не будет равным,
Кто в скрытом прозревает, как и в явном,*

*Кто гонит тьму и раздувает свет,
Кто блеском одевает самоцвет...*

Низами вошёл в историю литературы именно и прежде всего как создатель «Хамсе». Ставшая всемирно известной, она породила традицию, сохранившуюся в восточных литературах до сих пор. Вслед за Низами «хамсе» как на фарси, так и на других языках, стали слагать многие поэты, начиная с Амира Хосрова Дехлеви, Навои, Физули. Массу подражаний вызвали и его отдельно взятые поэмы. Так, известно примерно по пятьдесят разноязычных откликов на «Сокровищницу тайн» и «Лейли и Меджнун».

Разрабатывая в своём творчестве смелые и оригинальные представления о мире, государстве и человеке, Низами неизменно был носителем высоких гуманистических идей, осуждая деспотизм, выказывая сочувствие к угнетённым и глубокое уважение к человеческому труду.

Его блистательное поэтическое мастерство, сложность образного строя, тонкий лиризм и эпический размах, выдающийся культурный и философский диапазон обозначили новую эпоху в фарсиязычной литературе, оказав влияние на таких крупнейших поэтов, как Хафиз, Руми, Саади. А то, что он стал одним из корифеев мировой поэзии, засвидетельствовано в словах Гёте: «Прелесть его поэм велика, многообразие бесконечно».

**Олег
ДМИТРИЕВ**

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ. НОВЫЕ КНИГИ САРАТОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Выход книги – это всегда праздник, но особенно радуют новые издания уже знакомых тебе авторов, ведь на их свеженпечатанных страницах удаётся разглядеть те грани таланта, которые либо не замечал раньше, либо они открылись в писателе совсем недавно. В коротком обзоре хочется представить нескольких саратовских поэтов, которые не так давно стали членами Союза писателей России, но в своих новых книгах предстают перед нами с ещё неизведанной стороны.

Преыдушие книги Анны Морковиной были посвящены краеведению, выходила у неё и книга для детей, а теперь мы читаем полновесный сборник стихов. Игорь Шведов последнее время радовал нас иронической поэзией в «Шведоврах и шведовриках» и «Лавропаде», а в предлагаемой для обзора книге снова возвращается к серьёзной поэзии, поднимаясь на новые философские высоты. Павел Миронец от книг стихов «Люди и тени» и «Тридцать три перекрёстка» перешёл к неизведанному для себя жанру – прозе.

Давайте же рассмотрим эти завораживающие грани творчества наших непохожих друг на друга авторов поподробнее.

ПУТЬ КОКОНА

Анна Морковина. «Шелкография». Саратовский источник, 2022.

Стихи Анны Морковиной прошли свой длинный «шёлковый путь», чтобы попасть к читателю в книге избранного. В этом сборнике немного произведений (но ведь шёлк ценится не за вес

-
- Олег Юрьевич Дмитриев родился в 1962 году. Окончил механико-математический факультет СГУ. Педагог федерального образовательного центра «Сириус» и многих математических школ для одарённых детей по всей России. Был участником литературной студии «Молодые голоса», в настоящее время – участник литературной студии «Голоса поколений». Публиковался в журнале «Волга–XXI век». В 1998 году стал победителем саратовского городского конкурса хокку. Автор 41 книги. Член СП России. Живёт и работает в Саратове.

и объём), зато в каждом можно найти свои краски и оттенки, созвучные мимолётному состоянию души.

В них есть зябкость Серебряного века:

*Я люблю гулять
по серому осеннему городу
одна,
просто так получается.
Ты раньше нужен был мне
для разговора,
а теперь просто так,
для опоры,
чтобы было спокойно
и можно вдеть руку
в перчатку
в рукав.
И пошли мы с тобой по лужам...
Как ты нужен мне, Боже, как нужен.*

Есть особое умение видеть ценность каждого мига, каждой детали, каждого человека:

*Сегодня утром я проснулась
и поняла, что всё вернулось:
вернулись птицы, песни, лица
и легендарные страницы,
и дети, и цветущий лес...
И только ты один исчез.*

Лёгкими, невесомыми мазками Анна создаёт картины вечно меняющегося, но всегда чарующего нас мира – то ли реального, то ли книжного:

*Весь день опять такая кутерьма,
И Кот на именинах у Фагота
Трубит в факушку, сводит нас с ума
И вовсе не печалится. А кто-то*

*Не знает, что раскрыт его обман,
Грустит без всякой видимой причины...
Но исчезает утренний туман
Бесследно. Ни одной морщины*

*Не остаётся в небе кружевном,
И солнце зажигает эпoletы
Осенних листьев в парке, и вино
Багряных гроздьев проливает где-то.*

Но недаром путь кокона – это вечный рост, это накапливающиеся изменения, приводящие к качественному скачку. И эта тяга к романтике пробивает свою особенную дорогу в её строфах:

*Я желаю тебе открывать острова,
Где цветы и пахучие травы,
Где от звонкого ветра пьяней голова,
Где не будет любви запоздалой.*

*Там и звёзды – в ладони, и солнце – в лицо.
Путь на остров укажут созвездья.
Птица Рух необычное сносит яйцо:
Кто найдёт – тот достоин бессмертья.*

*Где этот корабль, что поможет доплыть?
Где команда из верных матросов?
Приключений не рви путеводную нить –
И откроешь таинственный остров.*

Не только яркие цвета (те же «багряные гроздья») могут украсить шёлк её произведений, но и скупые, на первый взгляд, чёрный и серый цвета преобразуются силой вдохновения:

*Небо –
графика,
как на севере,
небо –
сетия и сангина.
Растушёвана краска
серая
кистью грустного исполина.*

*Три вороны да чайка белая
новогодний праздник встречают
там, где волны осиротелые
льдины, словно медуз, качают...*

*Я не знаю, в чём нынче истина:
это небо любить не просто...
Не доплыть до тебя, таинственный,
мой любимый далёкий остров.*

Завершаю короткий обзор творчества Анны Морковиной, и хочется снова прикоснуться к шёлку разноцветных строчек, полных благодарности за простые человеческие радости, которые нас окружают:

*Боярышник тёмно-вишнёвого снега,
Бесшумного хода дитя городское...
На фоне холодного зимнего неба
Ты всеми иголками просишь покоя.*

*Безумие нашей отчаянной гонки,
Ума состязание и креатива...
Как ветки твои беззащитные тонки!
Как этой зимою ты мёрзнешь красиво!*

*У ягоды терпкой восточная сладость.
Морозцем прихвачено лакомство птичье...
Спасибо тебе за терпенье и радость,
Боярышник маленький, полный величья...*

ОЧИЩЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ

Игорь Шведов. «Ощущение времени». Саратовский источник, 2023.

Удивительная эта штука – время! Неравномерность его движения всегда поражает и завораживает нас. Стихи Игоря Шведова обладают замечательной особенностью: отражать это быстротекущее и ускользающее от нас время, находить его сердцевину. Именно такой предстаёт перед нами новая книга поэта «Ощущение времени».

Уже в первых строках он заявляет об этой особенности времени – сдвигать с нас мишуру быта и суеты:

*Не завися от желаний,
Необъявленной войной
Тьма и свет воспоминаний
Возникают предо мной.
Умиляют и тревожат,
Прогонять – напрасный труд!
И правдивостью, и ложью
В плен безжалостно берут.*

Ворочая глыбы времён года, каждая их которых – целая эпоха, время даёт поэту шанс увидеть самое важное, самое ценное в круговерти будней – например, первую снежинку.

*Туман и сумрак!
Краткий день – всего лишь проблеск
Среди сгустившейся, звенящей пустоты.
Снежинка первая падёт в ладонь как пропуск
В земное царство первозданной чистоты.*

Это, на мой взгляд, одна из отличительных особенностей поэзии Игоря Шведова – умение в темноте и мраке беспросветности увидеть луч надежды.

*Февраль. Проталина в снегу
Уже таится чёрной кошкой,
И, кажется, ещё немножко –
Ручьи повсюду побегут.*

Образы у Игоря всегда живые: проталина – кошка, гроздь – снегири (как мы увидим дальше). И лампа в чьей-то руке становится живым светом – нимбом.

*Сырой туман в промозглом ноябре
Неуловимо скрадывал пространство,
Как будто чей-то воплощённый бред
Вокруг меня воздвиг иное царство:*

*Окно светило в тусклом далеке,
Витало в облаках само собою,
За ним был кто-то с лампою в руке,
А может, нимб сиял над головою?*

Другая важная черта поэзии Шведова, проходящая испытание временем, – любовь. Любовь небесная плавно перетекает в любовь земную.

*Свяжи мне шарф из солнечных лучей!
С твоим умением по силам это чудо.
Его носить я буду, жив покуда,
И согреться нежностью твоей.
Свяжи мне шарф из солнечных лучей.*

Несмотря на всю быстротечность, время фиксирует многие события настолько прочно и крепко, что изменить уже ничего нельзя. И докопаться до истины становится с каждым днём или веком всё труднее и труднее. Это свойство времени хорошо подмечено Игорем в стихах.

*...И время сгладит острые углы,
События до блеска полируя,
А истина – узор внутри смолы,
Меж домыслов сильнее интригует...*

Самое ценное в поэзии – неоднозначность трактовки, отсутствие готовых рецептов, вечный поиск истины. Этой нелёгкой работой души занят лирический герой Шведова.

*Ясно понял я только теперь,
Не стеснённый иллюзии властью:
Эта дверь обречений, потерь –
Та же дверь, выводящая к счастью.*

Завершая этот краткий обзор новой книги Игоря Шведова, поддамся соблазну процитировать довольно длинный отрывок.

*Раскинулся калины куст:
На снегифей похожи гроздья.
Скворечник бесприютно пуст,
И даже кот под ним не бродит.
Полуразваленный сафай
Углом чернеет на пригорке,
Поодаль – низенькие ёлки,
Над этим всем вороний грай.
Вспугнул их колокола звон,
От крыльев небо запестрело,
Средь перепуганных ворон
Мелькнули солнечные стрелы.
А к высям тянутся дымы,
Как будто руки богомольцев.
Дай, Боже, нам и средь зимы
Согреться счастьем, словно солнцем.*

Большое спасибо поэту за то, что даёт возможность согреться его строчками, словно солнцем!

СОЛНЦЕ НАШЕГО ДЕТСТВА

Павел Миронец. «Повесть о счастливом мальчике». Саратовский источник, 2022.

«Откуда я родом? Я родом из моего детства, словно из какой-то страны...» – сказал когда-то французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери. И эти мысли вторит в своей книге Павел Миронец. Писатель увлекает читателя в путешествие по этой замечательной стране, которая, казалось бы, знакома каждому, но всё равно продолжает хранить свои чудесные, добрые тайны.

В первом произведении, давшем название всей книге, «Повести о счастливом мальчике» ключевыми событиями являются не приключения и «подвиги» керченских пацанов, а внутренние диалоги лирического героя с самим собой, анализ своих переживаний, своих взаимоотношений с внешним миром.

«Переживания приходили на ночь и не позволяли уснуть сразу. Помню, как в тёмной комнате кутался в одеяло и украдкой смотрел на дверь, из-под которой пробивался луч света и слышался тёплый голос мамы. Мне хотелось подойти к двери, приотворить её и впустить опутанный запахом молока мамин голос. Я сожалел о том, что не могу спать рядом с ней, что я не могу стать маленьким и поместиться у неё на руках, уткнувшись в грудь. Слушать ровное дыхание и спать под ровные туки её сердечного механизма. Вместо того, чтобы блаженствовать, я находился в комнате совершенно один».

Конечно, различные яркие события мальчишеской жизни: взрыв гранаты, рыбалка на сейнере, поход в Долину любви и другие – вплетены в канву повествования, но автор всё время оказывается наедине с собой. И осматривает окружающий мир под особым углом зрения.

«Умение видеть насквозь, заглядывать в душу – расставляет всё на свои места. Анализируя происходящее со мной и вокруг, я пришёл к выводу, что всякий человек, имеющий явный или скрытый недостаток, в противовес этому становится обладателем определённых способностей. Таким образом, сохраняется баланс качеств, а дальше всё зависит от самого человека».

Школьные события тоже не столь многочисленны и преломляются через призму мечтаний. В главе «Как я летал в облаках» Павел подводит промежуточный итог.

«В общем, в этом тёпло-хладном зарубежье было много горячих вкраплений и чего-то родного. Поэтому школа вспоминается по-разному. Негатив был, но его не видно из-за преобладающего света. Видимо, солнце скрадывает тьму даже в тенях и освещает самые укромные закутки, то самое солнце нашего детства».

Образ солнца возникает на страницах книги многократно, вбирая в себя и тепло мамы, и тепло родного края, и свет открытый, любви и счастья.

«Солнечный круг – неизменный спутник детства. Его энергия согревает и радует, когда мы прорастаем в жизнь, а когда становимся взрослыми – напоминает о счастье».

О продолжении взросления, о том, как свет солнца становится светом Веры, знакомят нас три другие повести: «Бог всегда рядом», «Благоразум-

ный разбойник» и «Переправа». В них описаны ступени, по которым герой приходит к Богу. И опять каждое реальное событие освещено внутренним монологом. Такая исповедальность и открытость будят в читателе желание тоже оценить своё прошлое, измерить глубину собственных переживаний, задуматься о сложных философских вопросах. При этом автор не даёт никому «засидеться» на старых местах, он незримо призывает расти и расти.

«Но должен заметить, что границы родины всегда неминуемо расширяются, потому что мы взрослеем и начинаем осваивать новые земли и покорять ещё незнакомые вершины».

К концу книги внутренний мир уже не просто сосуществует с реальностью, но и определяет поступки героя: *«Храм начал строить, уже стены поднялись, ведь нельзя бросить! Дело-то какое!»*

Пожелаем же лирическому герою построить свой храм, а автору – возвести здания новых повестей, рассказов и стихов!

Завершая это краткий обзор, хочу заметить, что общим для всех авторов является не только издательство «Саратовский источник» – общий у них источник вдохновения: земля саратовская, окружающие их люди, близкие, знакомые, друзья и, конечно, читатели. Ведь главная цель любого писателя – достучаться до сердца другого человека, быть услышанным. Пожелаем же каждому найти именно своего читателя.

*Саратовская государственная консерватория
имени А.В. Собинова*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:
Главный редактор – Е. С. Данилова.
Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.
Корректор – Е. Н. Березина.
Художник – Н. М. Никифорова.

Подписано в печать 16 октября 2023 года.
Дата выхода в свет 31 октября 2023 года.
Журнал отпечатан в ООО «Амирит».
Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Заказ № 41/16103
Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.
E-mail: lizamart@yandex.ru
Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.
Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.
Бумага типографская. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2023.
© «Волга–XXI век», 2023.

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА НАТАЛЬИ НИКИФОРОВОЙ

«И было утро». Гобелен

«Волжское марево». Гобелен

«Все мы нуждаемся в искусстве...»

Беседа Надежды Шитовой с Натальей Никифоровой стр.172

Наталья Никифорова
«Рождественская звезда» (пуансеттия). Аппликация

